
С. Захаров
Герои Октября

Герои Октября

С. Захаров

Герои Октября

Свердловск
Средне-Уральское
книжное издательство
1981

3КП1 (092)
З-38

Герои революции и гражданской войны. Люди, чьи имена овеяны мужеством и романтикой. Убежденные, страстные, беззаветно преданные революции. Молодые, как молодо само дело, за которое они отдавали свои жизни. Какие были они, эти «богатыри духа», которые теперь «смотрят на нас невидимыми очами» с гранитных и мраморных пьедесталов, с чугунных и бронзовых мемориальных плит?

Свердлов, Малышев, Вайнер, Толмачев, Хохряков, Войков, Азин, Соня Морозова.

Эта книга рассказывает лишь о некоторых эпизодах и моментах из жизни этих пламенных борцов, чья деятельность была связана с Уралом.

Адресуется книга главным образом молодому читателю.

Рецензент — Е. И. Моисеева.

З $\frac{70803-047}{М 158(03)-81}$ 4802010000

ТОВАРИЩ АНДРЕЙ

Дальше, товарищ, с тобою
Городом нашим пройдем.
С памятною доскою
Нам повстречается дом.
Год революции. Дата.
Рядышком несколько слов:
В этом, мол, доме тогда-то
Выступил Яков Свердлов...

Е. Ружанский

3 ноября 1924 года Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет принял решение: переименовать город Екатеринбург в Свердловск.

И 6 ноября в городе прогремел орудийный выстрел. В оперном театре имени Луначарского, где проходило торжественное заседание, посвященное седьмой годовщине Октябрьской революции, это решение было зачитано. А 14 ноября 1924 года новое имя города утвердил ЦИК СССР.

Переименовали город по желанию трудящихся. Много писем поступало тогда в горсовет. «С какой стати славному городу, столице рабочего Урала, носить имя... жены царя»,— говорилось в них. Предлагалось немало разных названий — Красноуральск, Красногорск, Платиногорск, Уралгород, Красный Урал и т. д.,— но остановились на имени Якова Михайловича Свердлова.

«Имя Свердлова, мужественного революционера, неразрывно связано с уральским рабочим движением,— писалось в выводах специальной комиссии, созданной при горсовете.— Это историческое имя наилучшим образом символизирует роль и значение нашего города в истории революции».

Яков Михайлович Свердлов прожил на свете очень мало, но жил так ослепительно горя, что свет его виден и поныне. Шестнадцатилетним юношей вступил он в ряды РСДРП и с тех пор постоянно принимал самое активное участие в революцион-

ной работе. С девятиадцати лет оказался иа иелегальиом положеиии.

В годы первой русской революции Свердлов сумел сплотить на Урале партийиые оргаиизации и указать им правильиый путь борьбы.

Меиее полутора лет продолжалась разиостороиняя кипучая деятельиость Свердлова после Октябрьской революции. Но то, что ои успел сделать для утверждеиия Советской власти, для стаиовлеиия и укреплеиия первого в мире социалистического государства, оставило яркий след в истории.

Владимир Ильич Леиии высоко цеиил его оргаиизаторский талаит, цеиил его умеиие разбираться в людях и по-доброму завидовал его эиергии...

Родился Свердлов в 1885 году в Нижием Новгороде. Отец его был гравером, владевшим малеиькой мастерской иа цеитральиой улице города — Большой Покровке. Поздиее шестиадцатилетиий Яков использовал эту мастерскую для выполиеиия задаиий Нижегородского комитета РСДРП.

За участие в демоистрации, протестующей против высылки из Нижиего Новгорода Горького, Якова Свердлова арестовали. Прямых улик о его политической деятельиости у властей тогда ие было. Якова припугиули и отпустили иа свободу. А ои в это время был уже члеиом РСДРП.

Но весиой Свердлов опять угодил в руки полиции. Хороиили студеита Бориса Рюрикова, умершего после освобождеиия из тюрьмы, где ему пришлось просидеть семь месяцев в холодиой одиночке. Похороиы превратились в граидиозиую демоистрацию. Звучали запрещеииые песии: «Марсельеза», «Вы жертвою пали в борьбе роковой», «Бесиуйтесь, тираиы!». Мощиый голос юиого Свердлова перекрывал все остальиые.

На крышке гроба белела революциоииая прокламация. После отпеваиия точио такая же оказалась и иа дверях кладбищеиской церкви. Шпики, шиырявшие в толпе, заметили, кто это сделал.

На другой день Свердлова забрали. Его обвинили в том, что он старался загородить собой девушку, когда та прикалывала прокламации, и, кроме того, не слушал увещеваний полицейских чинов и не желал «мирно» покинуть кладбище...

А вскоре Яков Свердлов стал профессиональным революционером: по решению Северного комитета РСДРП в канун революции 1905 года он перешел на нелегальное положение.

Е. Ярославский, один из видных членов Коммунистической партии, писал о юном Свердлове: «Он не мирился с работой в одном месте. Его организаторский талант увлекает его к созданию вокруг целой сети организаций, и он покрывает Поволжье такой сетью партийных организаций, кружков, районных и подрайонных комитетов, подбирает людей, рассылает их повсюду в качестве организаторов и агитаторов, организует распространение нелегальной литературы, выполняет колоссальную организаторскую работу по созданию нашей партии. Вот почему Центральный Комитет в 1905 году посылает его уже в качестве уполномоченного на Урал» *.

В Екатеринбург по направлению ЦК партии Свердлов приехал из Казани 28 сентября 1905 года под именем «товарища Андрея». Впервые он стал пользоваться этой подпольной кличкой в Казани.

Екатеринбург в начале века был уездным городом Пермской губернии, правда, на несколько особом положении. В нем находились главные горнозаводские управления. Резиденция начальника уральских горных заводов, белый особняк, выстроенный в духе русского классицизма, возвышался на берегу Исетского пруда. Когда-то горный начальник считался чуть ли не полновластным хозяином всего края.

Прямой и широкий Главный проспект разрезал город на равные части — северную и южную. Сам же проспект делился

* Эти слова можно увидеть на одном из стендов Государственного мемориального музея Я. М. Свердлова в Свердловске.

на две половины прудом. Когда-то около пруда шумел завод, построенный еще при Петре I. Но теперь о заводе напоминала лишь плотина с узорными литыми решетками. Проезжая часть плотины была вымощена булыжником, на другой ее части, ближе к пруду, зеленел сквер. Именовался он в справочниках официально Железнодорожным. Наверное, потому, что рядом открыли железнодорожные мастерские. К мастерским со стороны станции Екатеринбург-II (теперь станция Шарташ) тянулись по Покровскому проспекту рельсы. По ним паровоз-кукушка толкал на ремонт вагоны.

В центре города находилась большая площадь, которую звали Соборной, или Кафедральной: здесь был воздвигнут кафедральный собор, напоминавший по внешнему виду знаменитый собор Петропавловской крепости.

А кругом теснились магазины, торговые ряды, различные увеселительные заведения. На самой площади, кроме собора, стоял еще сиротливый пьедестал, возведенный для будущего памятника Александру II.

Так парадно выглядела самая центральная часть Екатеринбурга. Но стоило приезжему человеку шагнуть немного в сторону от главных улиц, как его со всех сторон окружали низенькие деревянные домишки. Таким был и поселок Верх-Исетского металлургического завода, ютящийся возле города.

К 1905 году Екатеринбург считался крупным пролетарским центром. На его заводах и фабриках, на железнодорожном узле и в железнодорожных мастерских было много потомственных рабочих. Поэтому ничего удивительного не было в том, что Екатеринбург стал и общеуральским партийным центром.

В теплый сентябрьский день помощник начальника Пермского жандармского управления по Екатеринбургскому уезду ротмистр граф Подгоричани-Петрович получил копию депеши начальника Нижегородского охранного отделения. Сама депеша была отправлена в Пермь:

«Привлеченный к дознанию при местном Губернском Жан-

дармском управлении в качестве обвиняемого по делу арестованной мною 1 сего сентября тайной типографии, а также по делу ликвидированного мною 12-го минувшего августа преступного общества полоцкий мещанин Яков Михайлов Свердлов в конце того же августа скрылся от наблюдения и до настоящего времени не разыскан. Принимая во внимание постановления начальника упомянутого управления, прошу Вашего высокоблагородие, в случае обнаруживания местожительства Свердлова, арестовать и препроводить его в распоряжение сказанного начальника управления» *.

С фамилией Свердлова ротмистр Подгорчанин-Петрович был уже знаком. У него хранилась анкета, разосланная еще раньше по жандармским отделениям. И в ней, как и в депеше, говорилось о немедленном аресте Свердлова.

Наверно, ротмистр, сравнивая обе бумаги, думал, что если «мещанин Яков Михайлов Свердлов» объявится в Екатеринбурге, то здешние жандармы его схватят. Ведь сумели же они арестовать зимой почти всех членов Уральского комитета РСДРП, а в августе раскрыть тайную типографию.

А Свердлов в эти часы пил чай в доме торговца «бакалейными и колониальными товарами» Х. П. Полякова. Двухэтажный тот дом по нынешней улице Малышева, 60, на западной стене которого чернели слова: «Конфетное заведение Полякова», теперь реконструирован.

Однако приехал Свердлов не к самому Полякову, а к его дочери Дине, члену социал-демократической организации с 1903 года. Она недавно вернулась с Дальнего Востока. Во время русско-японской войны Дина была сестрой милосердия. Адрес ее Свердлов получил в Казани. Ему сообщили, что Дине Поляковой вполне можно довериться.

Кроме этого адреса, Свердлов получил еще явки в книжный магазин Куреньщиковой на Главном проспекте к приказчику Осипу Гилеву и в общество уральских горных техников на

* Свердловский партийный архив, ф. 41, оп. 1, д. 2166, л. 42.

Тарасовской набережиой (теперь улица Горького). Секретарем общества был одии из видных большевиков Урала Федор Федорович Сыромолотов (Федич).

Вспоминая о иачале деятельиости Свердлова в Екатеринбурге, Клавдия Новгородцева (потом оиа стала его женой) писала:

«В первый же деиь, буквальио на явке, Свердлов вошел в работу. Получив адреса всех кружков, узиал часы их заиятий, иазиачил личные свидания миогим товарищам. С активом оргаиизации ои позиакомился за три-четыре дия. Яков Михайлович стал фактически руководителем оргаинзации, хотя формально об этом комитет ие объявлял. Каждый активист почувствовал авторитет Свердлова, каждый хотел зиать его миеиие, слышать его совет...» [1]

Товарищ Аидрей жил «иелегальио». Чтобы обезопасить себя от полицейской слежки и от любых иеожидаииостей, ему приходилось часто меиять квартиры. Макет одной из его коиспиративных квартир можно увидеть в Государствеииом мемориальиом музее Я. М. Свердлова. Находилась та квартира в доме по улице Никольской (ныиешией улице Белииского), под иомером 25. Второй этаж дома был деревяиный, а первый, чуть уходящий в землю,— каменный. Владельцем числился иекий Ю. Дзимидович, сдававший весь иин прачке Аиие Коистаитиновие Митюииной. Митюииа же, в свою очередь, пускала к себе «постояльцев» и «иахлебников». То, что оин — жильцы «особые», прачка, коиечно, зиала. Среди них были и братья Черепаиовы: Сергей (Лука) и Александр (Титыч).

В первых числах октября Сергей Черепаиов, член Уральского областиого комитета РСДРП, привел к Митюииной еще одиого постояльца — Андрея...

Свердлов приходил иа Никольскую не каждый деиь. Не хотел подвергать опасиости хозяев. Если же оставался иочевать, то целый вечер у Митюииных стоял смех, правда приглушеииый. Свердлов оказался веселым «иахлебииком».

Чтобы никто не мог заглянуть случайно с улицы, окна в комнате старательно занавешивались. Но Свердлова хозяева все равно усаживали в глубокое кресло, повернутое спинкой к окнам.

В кухне, за печкой, в надежном месте хранился гектограф. Напечатанные на нем листовки дочь А. К. Митюниной Гутя уносила в корзинках с выстиранным бельем в Оровайские казармы. Назад же, в грязном белье, доставляла домой патроны. а другая дочь — Катя — ночами расклеивала листовки на центральных улицах.

По поручению Свердлова сестрам приходилось бывать патрульными, когда за городом, в сосновом лесу, на каменных палатках, или около места, где сейчас Уралмаш, устраивались маевки.

Свердлов познакомился с семьей лесного инженера Александра Эгон-Бессера и особенно подружился с младшим членом семьи, шестилетней Кирой. Позднее, когда Эгон-Бессеры перебрались с Урала в Петербург, он бывал у друзей во время побегов из сибирских ссылок. А, оказавшись в столице, после Февральской революции даже несколько дней жил в их квартире.

Приехав в апреле 1917 года в Екатеринбург, Свердлов купил для Киры, ставшей уже взрослой девушкой, подарки: два подсвечника и пепельницу, отлитую в Каслях. Через артистку Свердловской областной филармонии Тамару Воронину Кира Александровна в 1978 году передала один подсвечник Государственному мемориальному музею Я. М. Свердлова. А в письме, присланном Ворониной, вспомнила кое-что о Якове Михайловиче:

«Кто-то в воспоминаниях написал: «У него был громкий и раскатистый смех». Никогда он так не смеялся. Смех был тихий, сдержанный, как бы про себя, даже застенчивый, хотя сам он застенчивым не был.

Жестов было немного. Ходил очень быстро и если на ходу давал какие-то указания или спорил, то слегка тыкал в воздух пальцем — вниз, рука была согнута в локте.

Разговаривая, курил одну папиросу за другой и, прежде чем закурить, долго постукивал ею о ноготь большого пальца...»

Случалось, что Свердлову нужно было лично дать какие-то указания заводским организациям или кружкам. Тогда он назначал встречу в книжном магазине Куренщиковой. За покупкой сюда мог заглянуть любой человек и, не вызывая подозрений, порыться на книжных полках или на прилавке.

Рабочий железнодорожных мастерских С. Глухих оставил нам воспоминания об одной такой встрече:

«Когда я вошел в магазин, Свердлов стоял у прилавка и выбирал книги. Был он в сапогах, в пальто, в шляпе с полями. Пальто драповое, черное, шляпа тоже черная. Он взглянул на меня, как бы спрашивая: «А что, дескать, это за человек?» Взгляд у него был внимательный, испытующий. Он словно читал в тебе»[2].

О тех конспиративных встречах со Свердловым впоследствии рассказывали многие участники екатеринбургского подполья. Вот как вспоминала о первом знакомстве с ним К. Новгородцева. 12 августа 1905 года она была арестована по делу о подпольной типографии. Но в середине октября ее до суда выпустили под денежный залог. Она догадывалась, что за ней ведется слежка. У полиции давно завелся обычай наблюдать за вышедшими из тюрьмы революционерами. Вдруг через них удастся выследить еще кого-нибудь или раскрыть новую тайную организацию!

Новгородцева боялась этого и, посоветовавшись кое с кем из членов комитета, собралась уезжать. Неожиданно в комитет пришло распоряжение: Клавдии Тимофеевне Новгородцевой встретиться с товарищем Андреем. Имя это она слышала еще в тюрьме, знала, что Андрей — «агент ЦК». Поэтому ей показалось странным, что товарищи не берегут Андрея.

— Посланца ЦК нужно особенно беречь,— доказывала Новгородцева,— чтобы никакие шпионы не узнали к нему дорогу.

«Но товарищи объяснили мне,— вспоминала она,— что Андрей никого не отпускает из организации, не поговорив лично

с уезжающим, что до меня у него побывало несколько человек, вышедших из тюрьмы.

Приказ комитета надо исполнять. В ближайший вечер меня провожал на свидание один из членов нашей организации. На главной улице, недалеко от плотины городского пруда, провожатый указал мне молодого человека, видимо ожидавшего нас. С первого взгляда он ничем не выделялся среди уличной толпы. Среднего роста, с густой шапкой черных волос, которые непокорно выбивались из-под кепки. Кепка, казалось, была мала, лезла на макушку. Через стекла пенсне смотрели темные, ласковые, полные жизни глаза. Поражал в первый момент его голос — мощный, глубокий и мягкий бас. Он как будто не вязался с молодой, задорной фигурой. Но впечатление быстро изгладилось. И голос, и крепкое рукопожатие подчеркивали в этом, еще не известном мне человеке его внутреннюю силу.

Мы перешли с главной улицы в тихий переулок. Разговор завязался сразу, легко, как с хорошо и давно знакомым человеком.

— Я слышал, собираетесь удирать с Урала,— сразу начал Андрей.

Я высказала свои соображения в пользу отъезда. Ответ Андрея сначала озадачил меня:

— Кто вам сказал, что здесь нельзя оставаться? Нам очень нужны люди, знающие местные условия, а вы вели кружок на заводе Ятеса, знаете Верх-Исетский завод. Если боитесь слежки, ведите себя так, чтобы шпики теряли ваш след. Работа развертывается широко, шпики будут сбиты с толку, не будут знать, за кем следить. Комитет решил не отпускать вас из Екатеринбурга, мы уже говорили с товарищами...»[3]

Вокруг комитета РСДРП сплачивались пропагандисты-агитаторы, организаторы заводских и фабричных кружков, члены боевой дружины. Крепли связи с другими районами Урала. В цехах заводов и фабрик, около проходных после конца смены возникали летучие митинги.

По инициативе Свердлова в октябре организовали марксистскую подпольную школу агитаторов и пропагандистов. Помещалась она в мезонине каменного дома по Вознесенскому проспекту, 26 (ныне здесь, по улице Карла Либкнехта,— Государственный мемориальный музей Я. М. Свердлова).

В доме было несколько выходов: можно было и незаметно собраться, и незаметно разойтись.

С. Глухих, встречавшийся со Свердловым в книжном магазине Куреньщиковой, был слушателем школы. Он писал в воспоминаниях:

«По лестнице поднимаешься в мезонин, открываешь дверь, входишь в небольшой коридор. В коридоре поставлен столкиоск, на котором разложена революционная литература. Руководил киоском тов. С. А. Черепанов... За книжки платили деньги, но если у товарища денег не было, то давали бесплатно... Направо — комната. Очень бедная обстановка: стол, на котором стояла керосиновая лампа, несколько чурбанчиков, на которые укладывались доски, на них и сидели... Лекции были очень обоснованными и краткими» [4].

Сам Свердлов вел занятия по тактике и программе партии и по ее организационному строительству. О самом сложном он говорил убедительно, ярко и просто.

9 января 1906 года в школе должны были состояться очередные занятия. Но лекторы заметили, что за домом наблюдают. Полицейские получили в тот день от жандармского ротмистра Гривина следующее задание: «Сегодня в 9 часов состоится сходка социал-демократической группы с «товарищем Андреем» во главе в доме на Вознесенском проспекте... Прошу безусловно арестовать «товарища» Андрея, а с прочими лицами поступить по результатам обыска их квартир» *.

Свердлов принял срочные меры, и никто из слушателей на

---

* Цитировано по очерку Н. Бердникова «Адреса подполья».— «Урал», 1975, № 11, с. 143.

занятия не явился. Полиции пришлось записать в протоколе обыска:

«Оратора Андрея и других не оказалось».

Но поскольку школой заинтересовались, ее пришлось закрыть...

В истории революционного движения на Урале созданная Свердловым школа сыграла огромную роль. Те, кто здесь учился, несли потом свои знания рабочему классу.

В октябре началась Всероссийская политическая стачка. Во многих городах остановились заводы и фабрики, замерло движение на железных дорогах, закрылись конторы, не работали земские учреждения, банки, прекратились занятия в учебных заведениях.

14 октября в Екатеринбурге забастовали железнодорожники, а через три дня к ним присоединились все предприятия города. Для оказания помощи бастующим был создан специальный комитет.

18 октября был опубликован царский манифест. Большевики сразу поняли, что манифест — обман, хитрая ловушка для усыпления легковерных. Правительству он был нужен, чтобы выиграть время и собрать силы для разгрома революционного движения. И в этот же день в Екатеринбурге на Кафедральной площади Свердлов организовал выступления ораторов-большевиков. На площади шел тогда «благодарственный» молебен в честь «царя-батюшки», устроенный местными властями. А ораторы призывали «народ к всеобщему вооружению и к свержению царствующей династии».

После одного из выступлений работница Макаровской фабрики Катя Денисова гневно крикнула:

— Мы тут радуемся, а товарищи, которые добивались для нас свободы, сидят в тюрьме! Мы должны требовать их освобождения!

Толпа всколыхнулась и прямо с площади отправилась к тюрьме, выстроенной за городом, около Ивановского кладбища. Но там, на плацу, гарцевали три взвода казаков, которых вызвал полицмейстер. Прокурор отказался освобождать политических

заключенных, но согласился, чтобы избранные демонстрантами уполномоченные обошли вместе с ним камеры. Таким образом, в тюрьме узнали о событиях, происходящих в стране.

Казаки у входа, угрожая нагайками и оружием, горячили коней. Большевикам пришлось убеждать народ не обострять обстановку, а собраться завтра опять на Кафедральной площади и продиктовать свои требования.

18 октября Свердлов впервые в Екатеринбурге выступил открыто. Произошло это так. После тюрьмы демонстрация дружно устремилась к Городскому театру, где решено было провести новый митинг. Но оказалось, что в театре скоро уже начнется вечерний спектакль. Неожиданно кто-то сообщил: в земской управе, на Златоустовской улице (теперь улица Розы Люксембург, 60), затевается банкет.

В зале управы были сервированы столы, а когда стали провозглашаться тосты, кто-то увидел в окно, что со стороны Покровского проспекта идет большая колонна рабочих с красными флагами.

Все в зале повскакали с мест и начали торопливо убирать со стола снедь и бутылки, расталкивать по канцелярским шкафам. Вскоре по лестнице раздались шаги, и зал заполнился рабочими. Столы были сдвинуты, на возвышение поднялся Свердлов.

Его речь для земцев звучала «крамолой», поскольку он нелестно отозвался о манифесте, разоблачил эту царскую фальшивку, призвал к свержению самодержавия.

В конце «банкета» Свердлов объявил о завтрашнем митинге на Кафедральной площади.

19 октября политические заключенные были выпущены на свободу. Клавдия Новгородцева по поручению комитета направилась к прокурору, чтобы добиться освобождения товарищей и из николаевской тюрьмы, находящейся в Нижней Туре.

...К Кафедральной площади подходили с пением и красными знаменами рабочие и учащиеся.

Около собора смастернли из старых ящнков трнбуну. Около иее дежурили члеиы боевой дружииы. Онн должиы былн охраиять ораторов и поддержнвать революциоииый порядок.

Как только Свердлов подиялся на импровнзироваииую трибуну, со стороны Уктусской улицы (теперь улнца 8 Марта) показались погромщики-чериосотеицы, вооружеиные дубииками, бутылками, ножами. К нпм прнсоедииилнсь н нх соучастники, рассеяиные в толпе. Все они, оглашая воздух днкой руганью, стремилнсь пробнться к Свердлову.

Дружиииков, сгрудившихся вокруг трибуиы, было мало, поэтому лишь на короткое время нм удалось задержать иатиск чериой сотни. Но и этого момента хватило, чтобы Свердлов сумел скрыться.

На помощь опешившим погромщикам прискакалн казаки, появилась полиция. Началась расправа с участниками мнтинга. Члеиы комитета РСДРП и актнвисты под охраной дружнннников, отстреливаясь из револьверов, отступали в стороиу Волжско-Камского банка.

Неожидаиио к площади приблизилась еще одиа колоииа учащихся.

«Учащиеся между тем подходят к решетке собора,— рассказывала газета «Урал» в репортаже о кровавых событиях 19 октября.— Что там за вóлнеиие в иароде? Кто эти люди, которые выступили вперед? Зачем у иих дубинки в руках? Вот они стройиыми рядами под предводительством рыжего детины шаг за шагом идут к ннм. Слышиы возгласы детиıы: «Бей скубентов! Бей эту сволочь!» И начниается побоище».

Заканчивая свою хроннку, газета с болью писала: «Деиь 19 октября иикогда не забудут жители Екатернибурга. В этот день иа иителлигентиую часть екатеринбургского общества, на рабочих рииулась озверелая чернь, явио кем-то организованная, и иа главных улицах пролнта масса кровн...»

До поздиего вечера бесчинствовалн черносотенцы, нападая на отдельных прохожнх. Казакн н полнцня их не трогалн. Учн-

ненный погром показал народу смысл царского манифеста. Обманом оказалась объявленная в нем «неприкосновенность личности».

Вечером комитет РСДРП срочно собрался вместе с активом.

«Собрание проводил Андрей,— вспоминает К. Новгородцева.— Он вскрыл ошибки партийной организации, указал, что наиболее сплоченный коллектив верх-исетских рабочих, который имел достаточно сил, чтобы разогнать погромщиков, опоздал на митинг по вине организации. Андрей подчеркнул также недостаточную подготовленность боевой дружины. Было решено поставить лучшие силы на подготовку дружины. Начальником ее был назначен Ф. Ф. Сыромолотов.

Неудача митинга послужила нам хорошим уроком»[5].

...6 ноября 1919 года в память о первой русской революции Кафедральная площадь была переименована в площадь 1905 года...

Через день после погрома на Кафедральной площади в доме по Сибирскому проспекту, 83 (теперь улица Куйбышева), у Патрикеевых, Свердлов встретился с выпущенными из николаевской тюрьмы членами комитета Н. Замятиным-Батуриным (Константином) и Н. Вилоновым (Михаилом).

Долго не расходились в тот вечер у Патрикеевых. Пели под гитару, читали стихи Некрасова и Огарева. Как-никак правительство, напуганное подъемом революционного движения, шло на уступки.

23 октября в Общественном собрании состоялся первый открытый митинг с участием представителей трудового народа.

В этот день Свердлов поселился на новой квартире, в доме, хозяином которого был Иван Тимофеевич Новгородцев — брат Клавдии Тимофеевны Новгородцевой. Дом стоял на улице Проезжей, 31 (теперь улица Кирова), в Верх-Исетском поселке. Туда же, образовав дружную коммуну, перебрались почти все члены комитета РСДРП. Во время начавшейся «свободы» можно было допустить некоторую вольность и жить под одной кры-

шей. Теперь комитетчикам не требовалось искать друг друга по городу: дом Новгородцевых стал их штабом.

С раннего утра до позднего вечера в штаб-квартире шумел народ: приходили агитаторы за новыми заданиями, дружинники, шли за советами рабочие, приезжали посланцы из других городов, с других заводов. Только ночью Свердлову и его товарищам удавалось засесть за нужную литературу, чтобы подготовиться к очередным митингам, собраниям и занятиям в партийной школе.

Комитет в это время развернул работу по организации профессиональных союзов и Советов рабочих депутатов.

Именно в октябре 1905 года родилась новая политическая организация российского пролетариата: Советы рабочих депутатов. Из Советов, созданных на Урале, Екатеринбургский Совет считался наиболее активным.

12 ноября забастовка в городе вспыхнула вторично. Но становилось ясно, что для того, чтобы выиграть ее, нужна большая сплоченность и организованность пролетариата. И газета «Урал» публикует «Воззвание к рабочим», написанное Свердловым:

«...Организуйтесь, товарищи, следуйте примеру петербургских борцов за пролетарское дело и смело ударьте на вашего вековечного врага. В единении — ваша сила...»

На многолюдном собрании в Верх-Исетском театре 16 ноября Свердлов говорил:

— Теперь у нас учрежден Совет депутатов от рабочих. Вы должны доверять Совету... Все рабочие должны послать в Совет своих выборных...

Председателем Екатеринбургского Совета был выбран Сергей Александрович Черепанов, а его заместителем — Павел Андреевич Кин, литейщик механического завода Ятеса (ныне завод имени Свердлова). Заседания Совета проходили и в штаб-квартире комитета РСДРП, и на заводах, и в общественных местах города. На одном из расширенных заседаний Свердлов проинформировал собравшихся:

— Мы даем восьмичасовой рабочий день, в Петербурге рабочие уже пользуются им, мы увеличили на десять процентов вашу заработную плату, мы даем улучшения санитарного состояния фабрик...

Руководил Свердлов Советом и боевой дружиной, для которой он получал и доставал оружие. На глухой северной окраине города, называемой Генеральской дачей (там был запущенный парк начальника горных заводов), дружинники обучались стрельбе и тактике уличных сражений. Митинги и собрания, созываемые большевиками, шли теперь всегда под их охраной.

«Восстание близится, оно вырастает на наших глазах из всероссийской политической стачки,— писал В. И. Ленин в статье «Всероссийская политическая стачка» [6].

На 10 декабря было назначено открытие IV съезда РСДРП. Но съезд не мог состояться, так как развернувшаяся забастовка железнодорожников помешала многим делегатам приехать на него. А некоторых делегатов арестовали в пути. И тогда те, кто прибыл, организовали большевистскую конференцию, которая и прошла 12—17 декабря в Таммерфорсе...

Свердлов опоздал в Таммерфорс: задержался из-за стачки железнодорожников. Но его мощный бас слышала в те дни Москва: он выступил на рабочем митинге в саду «Аквариум».

Древняя русская столица была покрыта баррикадами: московский пролетариат вступил в бой с царскими войсками. Особенно ожесточенное сражение разгорелось в районе Пресни. Но револьверы и ручные бомбы героев-дружинников не могли противостоять винтовкам лейб-гвардии Семеновского полка и артиллерии...

А как же развивались события в Екатеринбурге?

Еще в начале ноября город был разбит комитетом РСДРП на участки, к которым прикреплялись боевые дружины или какая-то их часть. Имелся и детальный план восстания. С Ижевского завода удалось получить 36 винтовок; с медного рудин-

ка похитили динамит, о чем становой пристав Екатеринбургского уезда испуганно доносил начальству.

В декабре забастовали железнодорожники. На станционных путях замерли паровозы с холодными топками, не слышалось ударов вокзального колокола, в депо и в мастерских шли митинги. В Екатеринбургском комитете Всероссийского совета железнодорожников раздавались голоса, что забастовка может перерасти в политическую, а потом и в вооруженное восстание. Но, воспользовавшись отсутствием Свердлова, руководство в этом комитете вскоре захватили эсеры и навязали свою тактику, тактику выжидания.

— Надо ждать благоприятный момент,— говорили они.

Власти же тем временем перешли в наступление. В ночь на 15 декабря несколько членов комитета были схвачены. Казаки с оголенными шашками повели их в тюрьму.

А на другой день в руки полиции попал и план восстания. Удобный момент для перехода к всеобщей стачке был упущен. Когда же железнодорожники Екатеринбурга и рабочие железнодорожных мастерских узнали о поражении Московского восстания, они под влиянием эсеров прекратили забастовку и приступили к работе...

Свердлов, вернувшись из Москвы, начал быстро проводить перегруппировку и перестановку сил, готовить организацию к уходу в подполье. Надо было сохранить людей, явки, конспиративные квартиры, техническую базу, оружие.

Хотя внешне «свобода» в Екатеринбурге пока еще существовала, но над комитетом РСДРП уже собирались тучи. Город с конца декабря по распоряжению пермского губернатора находился на особом положении.

В новогодний вечер было созвано последнее в 1905 году заседание комитета. Проходило оно на Уктусской улице в подвале того дома, где сейчас помещается радиомастерская. В штабквартире Свердлов появляться больше не рекомендовал. И действительно через несколько дней ночью ее окружили казаки и

полицейские. Но в доме оказались одни лишь хозяева: брат К. Новгородцевой и его семья.

...Мотовилихинское вооруженное восстание в Перми было разгромлено. Нужно было срочно восстанавливать Пермскую партийную организацию, и Свердлову пришлось расстаться с Екатеринбургом. Кроме того, жить ему здесь с каждым часом становилось опасней: жандармы и полицейские усиленно разыскивали «оратора, товарища Андрея». За голову «оратора» была обещана солидная награда: пять тысяч рублей.

Многие екатеринбургские активисты уезжали в это тревожное время в разные города, а в Екатеринбург, чтобы спутать карты охранного отделения, прибывали партийные работники из других мест.

И хотя на единственном в Екатеринбурге вокзале круглые сутки дежурили и жандармы в своей синей форме, и переодетые полицейские, революционерам удавалось незаметно уезжать и приезжать.

Однажды стоящего у билетной кассы жандарма поманил к себе толстый господин в богатой шубе и собольей шапке.

— Трудная у вас служба, унтер-офицер,— участливо произнес он.— Ведь день-деньской приходится на ногах быть... Не желаете ли подкрепиться рюмочкой коньячка?

Довольный жандарм, расправив бороду, направился за господином к вокзальному буфету чуть ли не строевым шагом. Почтительно взяв там поданную рюмку и лихо опрокинув ее, он крякнул вместо закуски и гаркнул:

— Преотменно благодарны, ваше степенство!

— Купите мне, любезный, билет на пермский поезд,— лениво проговорил «его степенство», протягивая деньги.— После еще по маленькой пропустим...

Жандарм, придерживая ножны шашки, побежал к кассе. Ясно, что в эти минуты его наблюдение за пассажирами ослабло, чем и воспользовался находившийся в зале Свердлов. Для маскировки щека у него была перевязана платком, как у человека, страдающего зубной болью.

Пока страж порядка снова угощался с господином в богатой шубе, Свердлов сумел выскользнуть на перрон. В кармане у него был билет, только что купленный услужливым жандармом. Господин в богатой шубе незаметно вручил билет проходящему мимо буфетной стойки молодому человеку, а тот передал Свердлову.

Шубу и шапку «его степенство» в тот же день вернул старому школьному приятелю, у которого они были одолжены.

Свердлов появился в Перми в начале 1906 года. Заранее приехала и Новгородцева. Из местной партийной организации на свободе в то время находилось лишь несколько человек. А из явок сохранилась одна — в отделении Смышляевской библиотеки. Полиция неистовствовала — собираться где-либо, даже на частной квартире, было почти невозможно.

Паспорт, хоть и подложный, у Свердлова был, и он поселился в номерах для приезжих. Туда к нему пришел Михаил Туркин, единственный из членов Пермского комитета РСДРП, сумевший избежать ареста. На другой день он повел Свердлова в Мотовилихинский поселок. Одному лишь ему известными тропками и задворками доставил Туркин товарища Андрея на квартиру Алексея Кайгородова. Здесь их ждали пять человек...

С того небольшого собрания все его участники ушли уже с определенным заданием: приступить к налаживанию связей с уцелевшими участниками подпольных групп, вовлекать в эти группы новых людей.

Вся работа по восстановлению партийных рядов Перми шла в глубокой конспирации. Даже свою кличку «Андрей» Свердлов, чтобы сбить с толку полицию, сменил на новую — «Михалыч».

Из Сормово в Пермь для помощи приехало несколько опытных товарищей, которых Свердлов хорошо знал еще по революционной деятельности в Нижнем Новгороде. Появилась в доме

на Камышловской улице и подпольная типография, она сумела напечатать до мая 52 тысячи экземпляров листовок...

Во второй половине февраля 1906 года была созвана Уральская конференция РСДРП.

Вначале в конспиративных целях Свердлов пустил слух, что конференция будет в Уфе. Но там прошло лишь совещание организационного комитета. Сама же конференция состоялась в Екатеринбурге, в доме на углу улицы Водочной и Вознесенского переулка (теперь улица Мамина-Сибиряка и улица Клары Цеткин). Открыл ее Свердлов.

Чтобы не возбуждать никаких подозрений у полиции, большинство делегатов (а их собралось двадцать пять человек) не покидали дом: тут же ночевали, тут же столовались. Протокол вели Мария Авейде и жена Сергея Черепанова — Мария.

По предложению Свердлова был создан штаб боевых дружин Урала. Большевики не собирались бросать оружие (а это предлагали струсившие меньшевики) и готовились к новым сражениям. Боевые дружины должны были стать основой будущей общеуральской повстанческой армии.

На заключительном заседании делегаты выбрали областной комитет во главе с Яковом Михайловичем Свердловым.

Еще 27 февраля министр внутренних дел телеграфировал пермскому губернатору: «По имеющимся сведениям революция в Екатеринбурге опять поднимает голову. Необходимо всеми силами не допускать ослабления с таким трудом достигнутого положения».

Стараясь «не допускать ослабления», полиция в течение всего 1906 года проводила аресты и обыски. В Екатеринбурге весной были схвачены Н. Вилонов и Ф. Сыромолотов и еще несколько товарищей, был раскрыт тайный склад оружия Екатеринбургского комитета РСДРП. Угодили в тюрьму 54 пермских социал-демократа, в июне в руках полиции оказалась подпольная типография, еще раньше — мастерская по производству гранат.

Провалы в Перми следовали один за другим. Пробравшийся в большевистское подполье, агент Лежава по кличке «Виадук» доносил, что «прибывший из Екатеринбурга Михалыч и есть товарищ Андрей». Установить за Свердловым «особый надзор» было поручено другому агенту Якову Вотинову, значившемуся в списках охранки как «Квадрат». Вотинов тоже сумел войти в доверие к местным революционерам. Они даже поручили ему прятать оружие боевой дружины.

Если от шпика еще можно было уйти, то от провокатора, который находился рядом, считался единомышленником по партии, скрыться было в тысячу раз труднее. Охранка оберегала своих агентов от разоблачений. При аресте революционеров старались делать так, чтобы тень на предателя не упала. Обычно арестовывали не всю группу сразу. Несколько человек вместе с провокатором оставляли на свободе...

11 июня 1906 года Свердлов возвратился в Пермь из очередной поездки по заданию комитета. И сразу на вокзальной площади обратил внимание на белобрысого шпика, который увязался следом. С трудом удалось от него оторваться. Однако, когда Яков Михайлович вместе с Новгородцевой вышли из конспиративной квартиры, то обнаружили уже несколько шпиков. Свердлов с женой скрылись в проходном дворе и незаметно выбрались на соседнюю улицу. А затем, пересаживаясь с одной извозчичьей пролетки на другую, долго колесили по городу. Наконец добрались до окраины.

— Дело плохо! — произнес Свердлов, осматриваясь кругом.— Нас выследили. Но почему-то не трогают. Видимо, охранка мечтает узнать о наших ближайших планах.

О том, что в подполье действует провокатор, Яков Михайлович догадывался давно. Кое-кого с верными товарищами даже тихонько начал проверять...

На другой конспиративной квартире все пока было благополучно. Свердлов сумел провести небольшое собрание и дать всем участникам указания, как вести себя в нынешних условиях...

Первыми, соблюдая осторожность, покинули дом Свердлов

и Новгородцева. Они спешили: если на собрании присутствовал провокатор, то он не успеет еще ничего сообщить охранке. А на шумной, многолюдной Камской пристани можно будет легко затеряться.

Однако полиция оказалась начеку. Ближайшие кварталы были оцеплены.

— Быстрее в тот переулок! — шепнул Свердлов Новгородцевой.— Может найдем извозчика... Успеем прорваться...

Но первый же попавшийся извозчик наотрез отказался ехать на пристань. Отрицательный ответ услышали и от второго. А позади раздались подозрительные шаги.

Свердлов взял Новгородцеву под руку и, обмениваясь с ней спокойными фразами, медленно повел жену по тротуару. Они шли с таким безмятежным видом, что поравнявшийся с ними полицейский заколебался... и отправился дальше.

— Этих бери! — раздались крики, а затем послышались свистки.

Тут же подъехали две извозчичьи пролетки. Подбежавшие шпики в одну толкнули Свердлова, в другую — Новгородцеву. На подножки прыгнули дюжие полицейские.

— Трогай! — приказал властный начальнический голос.

Лошади рванулись с места...

Как стало потом известно, чтобы схватить Свердлова, из Екатеринбурга были выписаны агенты, знавшие «товарища Андрея» в лицо...

Свердлова ждали почти три с половиной года тюремного заключения...

Осенью на Урал прибыл новый посланец ЦК, Федор Андреевич Сергеев — «Артем», и под его руководством уральские рабочие продолжили дело, начатое ими вместе с «товарищем Андреем».

После отбытия срока Свердлов немедленно едет на партийную работу в Москву, едет нелегалом. Но в декабре 1909 года его снова арестовывают на заседании Московского комитета и

высылают в тюрьму без решеток и засовов — в Нарымский край. Долго он, правда, там не задержался: через три месяца бежал и добрался до столицы. По пути останавливался в Екатеринбурге, чтобы взять с собой жену, обеспечить себя надежным паспортом.

Но хотя в Петербурге Свердлов был очень осторожен, шпики все же выследили его и 14 ноября 1910 года схватили прямо на улице. Последовала новая высылка в Нарым.

Сидеть сложа руки Свердлов не мог. По его инициативе в Нарыме создается Центральное бюро по руководству партийной работой в крае среди ссыльных.

Не оставляли Свердлова и мысли о побеге. Бежал он несколько раз, к сожалению, все неудачно. Однажды чуть не погиб в бурной холодной Оби. Утлая лодчонка неожиданно перевернулась от сильного порыва ветра. Свердлов считался хорошим пловцом, и один, наверно, доплыл бы до берега. Но товарищ, который бежал с ним, плавал плохо. Пришлось ему помогать. Мокрая одежда прилипала к телу, тянула ко дну, руки и ноги сводила судорога. К счастью, на берегу оказались крестьяне, услышавшие крики о помощи. Голос Свердлова перекрыл вой ветра...

Однажды Свердлов был обнаружен на пароходе «Сухотин».

— Спасибо, господа, что разбудили,— невозмутимо сказал он стражникам, вылезая из-под койки в каюте первого класса.— Представьте себе, чуть не проспал остановку! — И спокойно вышел на палубу, а затем по сходням спустился на Колпашевскую пристань.

Стражники недоуменно смотрели друг на друга и только потом, опомнившись, кинулись за беглецом. Опоздай они лишь на пару минут, Свердлов наверняка бы скрылся.

Когда до далекого Нарыма добралась Клавдия Тимофеевна Новгородцева с крошечным сыном Андреем, надзиратели и поп, добровольно наблюдавший за ссыльными, обрадовались: теперь-то «мещанин Яков Михайлов Свердлов» не убежит. Но радость

была напрасной. Свердлов убежал и снова добрался до Петербурга. После VI (Пражской) Всероссийской конференции РСДРП он был заочно введен в ЦК и в Русское бюро ЦК РСДРП.

В Петербурге Свердлов редактировал «Правду», на этот пост его рекомендовал В. И. Ленин, помогал большевистским депутатам в IV Государственной думе. Один из депутатов-большевиков Г. И. Петровский вспоминал: «Яков Михайлович очень быстро включился в партийную работу... Многие товарищи, в том числе и члены ЦК, работали в Питере в те или иные сроки, но мало от кого мы получали так много, как от Якова Михайловича Свердлова. Он активно участвовал в обсуждении всех вопросов, всегда был готов помочь советом и указанием. Я лично получил от него очень много, больше, чем от кого-либо другого в тот период» *.

Но Свердлова выдал провокатор Роман Малиновский, сумевший втереться в партию и даже попасть в число думских депутатов-большевиков. Малиновский не без умысла подарил ему свою огромную меховую шапку. По этой примете шпикам легче было следить за Яковом Михайловичем.

Теперь Свердлова отправляли в ссылку еще дальше, в Туруханский край. Сначала его поселили в Селиванихе, затем — Курейке. Та малюсенькая деревенька лежала за Полярным кругом. Жизнь в ней была невыносимой: 50-градусные морозы, темные ночи, холмистые сугробы, крепкий ветер.

Свердлов заболел, и его перевели обратно в Селиваниху, потом в село Монастырское, раскинувшееся на крутом высоком берегу, там, где Нижняя Тунгуска сливается с Енисеем. Условия на новом месте были чуть лучше: имелись почта, телеграф, отделение банка, школа, больница. Но убежать оттуда, как и из Селиванихи и Курейки, было невозможно. В долгие зимние ночи под вой полярной метели Свердлов много читает, пишет очерки и статьи; ведет обширную переписку с друзьями, товарищами.

* Цитировано по книге Городецкого Е., Шарапова Ю. Свердлов. М.: «Молодая гвардия», 1971, с. 86—87.

Летом 1915 года в Монастырское приехала с сыном и недавно родившейся дочкой Верой К. Т. Новгородцева. Затем сюда же прибыли сосланные депутаты-большевики Государственной думы во главе с Г. И. Петровским, у которого на квартире и арестовали в последний раз Свердлова. Тогда царские власти нарушили неприкосновенность жилья депутата, а в 1914 году и его самого, и его товарищей за то, что они голосовали против военных кредитов, выступали против войны и отстаивали народные интерессы, отдали под суд.

Первым к подошедшему пароходу с ссыльными депутатами на лодке причалил Свердлов. Поднявшись по трапу на палубу, он громко заявил:

— Завершили вы, товарищи, круг своей работы на пользу революции и рабочего класса очень хорошо! Теперь садитесь в лодку, и едем на новое местожительство...

Узнав о Февральской революции, Свердлов немедленно начал готовиться в далекий путь.

Железная дорога лежала от Монастырского за тысячу верст. Надо было спешить, чтобы успеть проехать на санях по зимнику до Красноярска, не дожидаясь вскрытия Енисея в верховьях. Свердлов торопился в революционный Петроград. С женой договорился, что она с детьми отправится первым пароходом.

При отъезде Яков Михайлович говорил ей, что всей душой рвется на Урал, с которым у него связаны самые светлые воспоминания.

ЦК большевистской партии всегда учитывал роль и значение Урала и его партийных организаций в революционной борьбе.

3 апреля поезд уносил Свердлова в Екатеринбург. Впервые ехал он туда под настоящим именем и настоящей фамилией.

На верхнем этаже массивного серого дома, которым когда-то владел заводчик Альфонс Козелл-Поклевский (еще до первой мировой войны он перебрался за границу), после Февральской

революции размещался комитет большевиков *. Сколько здесь оказалось знакомых, родных лиц! Начались объятия, поцелуи.

Сразу были приняты решения о подготовке и проведении конференции. Свердлов уже знал, что на Урале действуют 43 партийные организации, количество членов партии за последнее время выросло до 16 тысяч.

На конференции собралось 65 делегатов. Так как ее впервые проводили в легальных условиях, шпиков и полиции теперь можно было не опасаться, то она по предложению Свердлова стала называться Первой свободной. Открылась Свободная Уральская конференция РСДРП в Екатеринбургском духовном училище на Уктусской улице (теперь в этом надстроенном здании — Свердловский институт народного хозяйства). Ученики в ту неделю разъехались на каникулы, актовый зал, классы и общежитие пустовали, и отцы-настоятели согласились сдать помещение за соответствующую плату в аренду.

«В первый же день,— рассказывал участник той конференции Д. Наранович,— Яков Михайлович близко познакомился с большинством делегатов. Способ, к которому он прибег для этого, был очень простой. Усталые с дороги, полные впечатлений от первого заседания конференции... мы разместились в спальнях духовного училища на койках уехавших на пасхальные каникулы «духовников». В двенадцатом часу ночи под низкими сводами спален раздался громкий голос Якова Михайловича. Переходя от койки к койке, Яков Михайлович присаживался на 10—15 минут около каждого делегата и заполнял свой блокнот сведениями о том, сколько времени сидел в тюрьме или был в ссылке при царизме тот или иной делегат, задавал вопросы о работе завода, численности партийной организации и пр. Беседуя, Яков Михайлович пристально всматривался в товарища и, казалось, запоминал его на всю жизнь» [7].

На второй день отцы-настоятели, узнав, кому они благословили свое здание, пришли в ужас и заперли наглухо вход-

* Ныне здание педагогического института, ул. Малышева, 46.

иые двери. Делегаты дожидались члеиов президиума утром иа улице. Свердлов, усмехиувшись, ие стал пререкаться с духовиыми пастырями, а наказал участникам коифереиции идти в комитет партии. Сам же куда-то скрылся. Вскоре от иего поступил сигиал: через полчаса коифереиция продолжается в Обществеииом собраиии (иыие здесь театральиое училище) по Возиесеискому проспекту...

На коиференции Свердлов выступал с докладом о III Иитериациоиале.

В заключение были избраиы единый областной комитет РСДРП(б) и делегация из десяти человек иа VII Всероссийскую (Апрельскую) коифереицию большевиков. Участиики коифереиции приветствовали избраииков аплодисмеитами. А затем едииым порывом подиялись, и в зале зазвучали слова «Иитериациоиала»...

Открылась VII Всероссийская коифереиция 24 апреля в Петрограде во дворце Кшесииской. «Вот приехали уральцы с Я. М. Свердловым во главе,— вспомииала участница коифереиции М. Костеловская.— Оии поражали своей спайкой, оргаиизоваииостью и крепкой предаииостью Ильичу. С их приездом сразу повеселело» [8].

В этот апрельский деиь Свердлов впервые встретился с Владимиром Ильичем Леииим. А. Никифорова, тоже участвовавшая в работе коифереиции, рассказывает: «Яков Михайлович был в составе президиума, уходил и снова возвращался, что-то передавал Ильичу. Выступая, говорил громко, увереиио, выделялся своей кипучей эиергией. В выступлеииях страстно поддерживал Леиииа» [9].

Имеиио с того времеии Свердлов стал одиим из ближайших его помощииков...

Апрельская коифереиция выбрала Цеитральиый Комитет из десяти человек. В ЦК вошли и Леиии и Свердлов...

Мириый период развития революции, когда существовало двоевластие, закоичился. Времениое правительство стяиуло к Петрограду вериые воиские части.

В это трудное время ЦК возложил на Свердлова подготовку VI съезда. Яков Михайлович горячо взялся за дело. От имени Петроградского комитета он выпускает прокламацию об июльских днях, когда была расстреляна мирная демонстрация. Пишет большую статью «События 3—6 июля». От Ленина, скрывающегося в Разливе от агентов Керенского, Яков Михайлович получает указания по работе предстоящего съезда.

И хотя Ленин на съезде, проходившем в полулегальных условиях на Выборгской стороне, не присутствовал, делегаты избрали его почетным председателем.

— Владимир Ильич лишен возможности лично быть на съезде,— говорил Свердлов,— но невидимо присутствует и даже руководит.

Основными докладчиками были И. В. Сталин и Я. М. Свердлов. Сталин делал политический отчет ЦК, Свердлов — организационный. Все решения съезда подчинялись главной цели — подготовке к вооруженному восстанию...

После съезда Свердлов по поручению Центрального Комитета возглавил работу Секретариата ЦК.

«Встречались мы с ним только поздней ночью,— писала в воспоминаниях К. Свердлова-Новгородцева,— так как я приходила домой поздно, а про него и говорить нечего. Раньше двенадцати часа ночи он появлялся редко, а ранним утром мы оба уходили. Зачастую Яков Михайлович вообще не приходил домой, ночуя у себя в Смольном».

По Петрограду ходили слухи, что в городе, кроме Ленина, есть «черный большевик, так он, как нечистый дух,— где народ, там и он, днем и ночью, даже бывает в солдатских казармах, а поймать его никак не могут». Буржуазные газеты прозвали Свердлова «стальной черный дьявол» [10].

Несмотря на огромную загруженность, Свердлов никогда не забывал Урал. В Екатеринбург и другие уральские города из Петрограда он слал письма с директивами и указаниями ЦК, со специальными заданиями и для помощи направлял опытных товарищей.

16 октября 1917 года вместе с Бубновым, Дзержинским, Сталиным и Урицким он вошел в состав Военно-революционного центра, созданного на закрытом заседании Центрального Комитета. Этот центр явился руководящим ядром широкого полномочного беспартийного органа, Военно-революционного комитета...

После победы Великой Октябрьской социалистической революции Свердлов — председатель Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета, одновременно и секретарь ЦК. Он руководит съездами Советов, организует на местах Советскую власть, входит в состав военного штаба, созданного для предотвращения контрреволюционных выступлений, избирается председателем комиссии по выработке Конституции РСФСР.

«Его суровую требовательность знали все,— рассказывает тогдашний комендант Московского Кремля П. Мальков,— но это не пугало. Работать с ним было легко. И не просто легко — радостно. Всегда он был справедлив, во все, чем бы он ни занимался, вносил кипучую революционную страсть, неистребимый большевистский жар, ну прямо зажигал всех, кто его окружал. Он мог быть строг, порою суров, когда этого требовали интересы революции, но никогда ни к чему и ни к кому не был равнодушен, никогда ничего не делал без сердца»...[11]

Однажды в Колонном зале перед одним из собраний В. И. Ленин беседовал с группой товарищей. В разговоре он предложил запечатлеть текст Конституции на обелиске, воздвигнутом против здания Моссовета.

В это время к Ленину подошел Свердлов. Владимир Ильич обратился к нему:

— Яков Михайлович, стоит подумать, как запечатлеть на памятнике перед Моссоветом текст нашей Конституции.

Свердлов улыбнулся:

— Хорошо! Пойдем после собрания и посмотрим, как это получилось... Уже готово! Вчера текст Конституции там высечен...

Ленин только развел руками:

— У Якова Михайловича все всегда «уже готово»!..

Когда Ленин был ранен, Свердлов во время его болезни председательствовал и на заседаниях Совета Народных Комиссаров. По поручению ЦК им сразу же после покушения на Владимира Ильича было написано воззвание, начинавшееся словами: «Всем Советам рабочих, крестьянских, красноармейских депутатов. Всем армиям, всем, всем, всем...»

«Яков Михайлович,— вспоминает Л. А. Фотиева,— приходил тогда ежедневно часа на два-три в Совнарком и работал в кабинете Владимира Ильича. Свердлов был единственным человеком, который, хотя и на короткий срок, работал в кабинете Ленина. Никогда ранее, до ранения Владимира Ильича, никогда потом, даже во время длительной болезни Ленина в последние годы его жизни, никто другой в кабинете Владимира Ильича не работал...» [12]

Возвращаясь с III съезда КП(б)У и съезда Советов Украины, Яков Михайлович еще в поезде почувствовал себя больным. Однако в первый день по приезде в Москву он участвовал в заседании Совнаркома, а затем провел президиум ВЦИК. Вечером дома смерил температуру, оказалось — около сорока градусов! Вызванные врачи установили у него тяжелый вирусный грипп, испанку. Вся надежда была на крепкий молодой организм. Ведь первому советскому президенту было лишь тридцать три года...

Но 1 марта 1919 года, в 4 часа 55 минут, Яков Михайлович Свердлов скончался.

На его похоронах на траурном митинге Владимир Ильич Ленин говорил: «Мы опустили в могилу пролетарского вождя, который больше всего сделал для организации рабочего класса, для его победы. Теперь, когда во всем свете ширится Советская власть и распространяется с молниеносной быстротой идея о том, как организованный в Советы пролетариат борется за осуществление своих идей, мы хороним представителя пролетариата, который показал на примере, как нужно бороться за эти идеи» [13].

СОЛДАТ РЕВОЛЮЦИИ

Малышев шагает по Свердловску,
Он идет по улице своей,
Красный комиссар в шинели
жесткой,
Жизнь отдавший за простых людей...
Он для Революции стал песней,
Не погасшей в пепле и золе,
В землю комиссар уходит
с честью —
Имя остается на земле.

Д. Константинов

Осенью 1906 года в земскую школу села Фоминского, раскинувшегося на берегу реки Тагил, приехал новый учитель Иван Михайлович Малышев. Сначала жители отнеслись к нему с недоверием: больно уж молодой, всего семнадцать лет. Но вскоре начали отзываться с уважением: ученый, вежливый, ни в какой просьбе не откажет, крестьянской тяжелой жизни сочувствует.

Особенно полюбился учитель ребятишкам. С ними, когда еще было тепло, он и в лес за грибами ходил, и песни разучивал, и пьесы репетировал, а вечером в темном классе при помощи волшебного фонаря (тогда так называли проекционный фонарь) показывал на стене различные «туманные картинки».

А уже после десяти часов Малышев появлялся в избе братьев Кочевых. Фоминские крестьяне летом сплавляли по реке лес в Тюмень, заготовляли древесину, а ближе к зиме переходили на другой вид промысла: ткали рогожи. Вот Кочевы и приглашали к себе соседей, дескать, вместе выделывать рогожи и быстрее и веселее. Но приглашали не каждого, а только надежного. С этими надежными, или, как говорили Кочевы, верными, Малышев засиживался чуть ли не до первых петухов. Читал вслух ленинские статьи и другую революционную литературу, разъяснял программу РСДРП.

1 мая посетители кочевской избы на лодках отплыли по реке как можно дальше от села и провели в лесу маевку...

Но не владели еще жители Фоминского навыками конспира-

цин. Кто-то, очевидно, проговорился, и когда после летних каникул Малышев вернулся в школу, то 20 сентября 1907 года к нему нагрянула полиция.

В протоколе обыска было записано, что у учителя найдено двадцать пять брошюр «частью преступного, частью тенденциозного содержания» и много рукописных заметок, тоже «недозволенного содержания».

Еще раньше полицейские чины провели обыск в Верхотурье (Фоминское входило в Верхотурский уезд), в доме отца Малышева, где Иван Михайлович провел недавние каникулы. Там были обнаружены две программы РСДРП.

Михаил Васильевич хотел в тот же день предупредить сына, верхом на коне он прискакал в Фоминское. Но опоздал...

В конце прошлого века и начале нынешнего Верхотурье считалось «бедным и немноголюдным» городом Пермской губернии. Некоторые поселения уезда — Нижнетагильский, Кушвинский, Нижнесалдинский, Верхнетуринский заводы — по числу жителей превосходили свой уездный центр.

Михаил Васильевич Малышев работал возчиком на Верхотурской железнодорожной станции. А сын его Иван мечтал стать учителем, но отец говорил:

— Денег для твоей дальнейшей учебы у меня нет...

Окончив в 13 лет городское училище, Иван поступил писцом в воинское присутствие. Часть жалованья отдавал родителям, часть откладывал. Мечту о дальнейшем образовании не оставлял.

Сестра Мария — учительница церковноприходской школы — решила помочь брату. Из своего заработка стала выделять ему по пятерке. И через год он уехал на учительские курсы в Пермь.

Осенью 1905 года Пермские учительские курсы временно прекратили занятия. В самом городе и в поселке Мотовилихе проходили бурные митинги, демонстрации. Особенно грандиозной демонстрация была 18 октября, после опубликования царского

манифеста. Ее участники заставили губернатора Наумова освободить из тюрьмы политических заключенных.

Иван Малышев, пользуясь свободными часами, бегал с митинга на митинг, с жадным любопытством слушал всех ораторов, пытаясь разобраться, кто же из них предлагает более правильный путь борьбы. И Малышев начинает помогать большевикам: переписывает и размножает листовки, потом расклеивает их на афишных тумбах и заборах.

Как-то после одной сходки, проходившей на берегу Камы, он угодил в облаву. Правда, в тюрьме просидел недолго. Во время допросов его били, пытались что-то выведать. Но безрезультатно. Малышев так убежденно все отрицал, что следователь поверил в невиновность слушателя учительских курсов. А слушатель этот уже был членом РСДРП...

После ареста в Фоминском Малышева под конвоем доставили в Нижнюю Туру, где находилась николаевская тюрьма, или николаевские арестантские роты. Жандармский офицер, проводивший первый допрос, ласково сказал:

— Вы еще молоды. Зачем же губить свою дальнейшую жизнь?.. Расскажите, от кого получили эту литературу... И мы постараемся прикрыть следственное дело.

В ответ жандарм услышал:

— Никогда я не стану предателем, господин поручик!

— Тогда пеняйте на себя, молодой человек!..

По тюремному двору Малышева повели в самый конец, где помещался корпус для политических. В камере, куда его втолкнули, находилось несколько человек. Они сидели на железных койках и внимательно слушали рыжеватого мужчину в очках, который монотонно читал вслух Евангелие. То, что это было именно Евангелие, Малышев определил по тисненым большим золотым буквам на обложке. Обитатели камеры встретили новичка настороженно. Да и новичку обстановка не понравилась: изучать в тюрьме святое писание! Только когда за надзирателем захлопнулась тяжелая дверь, все прояснилось. Оказалось, что под

обложкой скрывался совсем другой текст. А обложка служила лишь маскировкой!

Вот так в заключении Малышев начал изучать и политическую экономию, и историю рабочего движения, и другую марксистскую литературу...

После того как он отбыл положенный срок в николаевских арестантских ротах, его выслали под особый надзор в родное Верхотурье. Но тихий городок с монастырским колокольным звоном не привлекал молодого революционера. И когда в 1909 году представилась возможность, Малышев уехал в Надеждинский завод (ныне город Серов) и поступил конторщиком в мартеновский цех.

Через некоторое время заводская администрация всполошилась. Каждый вечер в цехах кто-то начал регулярно разбрасывать «крамольные» листовки. По слухам, к их распространению был причастен некий Миша. Все силы надеждинской полиции и окрестных стражников начальство бросило на его поиски...

Однажды в воскресенье два конных стражника ехали по берегу реки Каквы. На пригорке они приметили веселую компанию: несколько мужчин и женщин расположились в тени под кустами.

— Проверим! — быстро распорядился старший.

Стражники повернули коней.

— Господа! — приветствовал их светловолосый человек, радостно бросившись навстречу.— Окажите уважение, присоединяйтесь к нам.

У стражников заблестели глаза. На раскинутой цветной скатерти они увидели бутылки и закуску.

— Не положено! — нехотя буркнул старший.— Мы на службе!

— А кто узнает? — успокоил светловолосый.

— Оно, конечно... Да...

— Смелее, господа, смелее...

Соскочив с коней, стражники мигом присоединились к компании. А через полчаса старший, приняв изрядную долю спиртного, громко храпел под сосенкой. Второй же стражник отпра-

вился с поиравнвшейся ему «обходнтельной барышней» кататься верхом. Барышне была галантно предложена лошадь спящего иачальника...

— Продолжнм,— тихо сказал светловолосый, винмательно посмотрев по сторонам.

Из кустов иа свет появнлся спрятанный гектограф...

Ночью в цехах рабочие чнталн новые листовки, отпечатанные днем на берегу Каквы «Мишей» — Иваном Мнхайловнчем Малышевым, членом подпольного заводского комнтета, и его товарищамн.

В сентябре 1911 года Малышев вместе с остальнымн членами комнтета был арестоваи. Суд, состоявшнйся в Надеждинске, прнговорил их к адмииистратнвной высылке в разлнчные отдалеиные места. Ивана Михайловнча отправлялн в Тобольскую губерино, в село Покровское.

Но случнлось так, что до Покровского Малышев ие доехал, ему разрешнлн отбывать ссылку в Тюмени...

Хотя этот город и звалн «Тюмень — столица деревень», но по своему торговому и промышленному значенню он уже превосходил Тобольск. Обосиовавшнсь здесь, Малышев вскоре устроился конторщнком в магазиие Агафуровых, владельцев крупной торговой фнрмы. Кроме Тюменн, у ннх имелись отделения в Москве, Варшаве, Пермн н на Ирбнтской ярмарке. Главная же контора фирмы и основной магазнн — в Екатеринбурге...

За год до прибытия Малышева в Тюмеиь туда же перевелн из Тарского уезда ссыльного Николая Прокофьевнча Буханова, актнвного участника первой русской революцнн в Саратове. Через него Малышев познакомнлся с местными большевнками. Вскоре он и Бухаиов возглавнлн Тюменскнй комнтет РСДРП, создалн тайную тнпографню и иаладили распростраиенне прокламацнй.

Установил комнтет связь и с В. И. Леннным. Из Тюменн в Париж ушло письмо. В нем говорилось, что тюменцы получнлн извещенне о созыве Всероссniйской конференцнн и «недавно пе-

ревели по адресу Ульянова деньги и отправили письмо по тому же адресу. Получили ли?» В приписке указывалось: «На Буханова можно изредка посылать и газеты и письма».

Но не дремала и полиция. В одном из полицейских донесений прямо указывалось, что служащий торгового дома Агафуровых Малышев является видным деятелем Тюменского комитета. С каждым днем список «подозрительных лиц» пополнялся, и в ночь на 18 августа полиция решила разом покончить со всей организацией. Члены комитета и многие активисты были схвачены. У Малышева при обыске обнаружили прокламации, нелегальную литературу, типографский шрифт.

«Правда» опубликовала статью, в которой писала, что по стране одновременно с выборной кампанией в Государственную думу проходят аресты. В статье говорилось и о тяжелых условиях, созданных в тюрьмах для политических заключенных. Как пример приводилась и Тюмень.

Малышеву, например, пришлось просидеть в тюменской тюрьме тринадцать месяцев и большую часть из них — в одиночке. Он принял участие в голодовке, которую объявили политические. Они требовали в камеры письменных принадлежностей. Требования были удовлетворены. Но выпускать на свободу политических заключенных никто не собирался.

Через шесть месяцев в «Правде» снова появилась статья о положении восьми арестованных тюменцев, о затянувшемся бюрократическом следствии. Статья свою роль сыграла. Тюменских заключенных в конце концов освободили, кого — без предъявления обвинения, так как не нашлось достаточных улик, а кого — под денежный залог на поруки. За Малышева хлопотал бухгалтер фирмы Агафуровых — Бояринцев, доказывая, что арестованный конторщик — незаменимый в торговых делах человек.

Начальник Тюменского жандармского управления ротмистр Чуфаровский многим был обязан Агафуровым: можно сказать, жил за счет их богатых «подарков». Поэтому отказать Бояринцеву, который на самом деле являлся подставным лицом товарищей Малышева, он не посмел.

С тюрьмой Иван Михайлович распростился, но права жительства в Тюмени ему местные власти не дали. Пришлось искать новое пристанище; подумав, решил поехать в Екатеринбург.

В мартовском номере журнала «Юный пролетарий Урала» за 1923 год были напечатаны записки Н. Волова «Молодежь в подполье». Он пишет о первых месяцах жизни Малышева в Екатеринбурге.

Волов тогда начинал свою службу младшим конторщиком в магазине Агафуровых, расположенном на Успенской улице (теперь улица Вайнера). Главным бухгалтером фирмы числился некий Емельянов, готовый «за хозяйскую копейку подохнуть... По складу ума и мыслей он был большой консерватор-монархист. И подбор служащих проводился, конечно, по духу главного бухгалтера». Но Малышева Емельянов охотно принял. Очевидно, у него имелась приличная деловая характеристика из тюменского магазина. Сначала Иван Михайлович занимал какую-то мелкую должность, сидел чуть ли не в самом темном углу, а затем его назначили конторщиком. Пришлось перебраться на новое место, почти к столу одного из Агафуровых.

Звали того Агафурова Камалетдином. Грамотой он владел скверно, с трудом расписывался, но состоял казначеем общества поощрения коннозаводства. Второй брат был председателем правления мусульманского благотворительного общества.

Для Камалетдина Агафурова каждое утро в контору доставляли телеграммы со сводкой военных действий (в то время уже началась мировая война). И кто-нибудь зачитывал эти телеграммы вслух безграмотному хозяину. Часто в роли чтеца приходилось выступать Малышеву, но в официальные тексты он всегда вставлял какие-нибудь «острые словечки против войны».

Поведением своим Иван Михайлович резко отличался от других служащих: «...не держался по-рабски перед хозяевами, как это делали его коллеги по конторе, вел себя вполне непринужденно, как равный человек. Среди служащих, особенно среди мелких, было много таких, которые недолюбливали хозяев. И вот

в их среде Малышев вел не совсем обычные разговоры о сильных мира сего. Но лишних слов никогда не произносил. Этому его научила нелегальная работа...»

Долго на службе у Агафуровых Иван Михайлович не задержался.

— Почему же взял расчет, как его, этот Малышев? — удивленно спросил Камалетдин у Емельянова.— Работал отлично, дело свое знал. Стоило ему, наверно, прибавить жалованья?

— Сам уволился,— сухо ответил Емельянов.— И уволился не из-за плохого жалованья-с. Малышев у вас прилично получал... Ему нужны, господин Агафуров, мастеровые, чтобы их мутить. Он, господин Агафуров, социалист!

— Что ты говоришь? — испуганно замахал дрожащими руками Камалетдин и, выпив стакан воды, облегченно произнес: — Ну, тогда хорошо, что его здесь больше нет... Я и то мало-мало заметил, что он как-то странно читает телеграммы.

Еще во времена своей службы у Агафуровых Малышев после рабочего дня спешил в Верх-Исетский поселок, на Матренинскую (теперь Синяева) улицу. Над крыльцом одного из домов на этой улице, хозяином которого был рабочий Ливадных, висела небольшая вывеска с белыми буквами «Больничная касса Верх-Исетского завода».

В те годы большевики умело использовали для своей работы легальные общественные организации, в частности больничные кассы. Кассы эти были открыты на основании царских законов о страховании рабочих. Причиной их возникновения послужил подъем пролетарского движения в стране, особенно после кровавых событий на Ленских приисках. Законом о страховании правительственные верхи стремились обмануть рабочий класс, отвлечь его от революции.

Создавались больничные кассы на каждом крупном предприятии, где было не менее двухсот работников. Для мелких — кассы организовывались общие.

Чем же занимались больничные кассы? В основном они стра-

ховали рабочих от различных болезней и увечий (конечно, за счет самих рабочих), определяли тех, кто нуждался в ссудах.

Секретарем больничной кассы Верх-Исетского завода стал Малышев. Потому-то он и покинул фирму братьев Агафуровых. Дом Ливадных на Матренинской улице сделался теперь как бы штабом екатеринбургских большевиков. Туда «по делам страхования» можно было, не вызывая подозрений, приходить по нескольку раз в день...

В конце 1915 года Малышева призывали на военную службу, но скоро по состоянию здоровья освободили.

Александр Иванович Медведев, член Коммунистической партии с 1917 года, в своей книге «По долинам и по взгорьям» рассказал о встрече с Иваном Михайловичем Малышевым в годы первой мировой войны.

Как-то летом, в раннее воскресное утро, на полуострове Гамаюн на Верх-Исетском пруду сошлись компании местных рыбаков, рабочих завода. Среди них был и юный Шура Медведев. Горели костры, в котелках и в ведрах кипела уха, вполголоса велись разговоры о недавней забастовке.

Неожиданно для Медведева из соседнего леса показались четыре человека.

«Один из них,— пишет он,— староста откатчиков-грузчиков Борис Комаров, хорошо знаком нам. Второго, плечистого человека с суровыми голубыми глазами, я тоже где-то видел.

— Кто это? — толкаю я под бок Сеньку.

— В больничной кассе работает, Мальцев ли, Малышев по фамилии... А этих вроде не видал...

...Рыбаков на берегу Гамаюна было много. Пришедшие остановились около самой большой группы. Тот, который, по словам Сеньки, работал в больничной кассе, обратился к сидящим:

— Здорово, земляки! Мир на стану!

— К нам на стан милости просим,— приветливо улыбнувшись ему, как старому знакомому, пригласил Алексей Рагозников. Кто-то пронзительно свистнул, разговоры смолкли, и к тому

месту, где остановились пришлые, стали собираться остальные рыбаки.

— Итак, товарищи,— широко улыбнулся тот же человек,— разрешите от души поздравить вас...— он сделал значительную паузу и простецки закончил: — С хорошей погодкой.

Многие заулыбались.

— С удачной пробой сил,— посерьезнев, продолжал говоривший...» [14]

Просто и толково Малышев обрисовал верхисетцам сложившуюся на их заводе обстановку.

— Ничего, что дирекция только отчасти удовлетворила ваши требования,— пояснил он.— Уже по первому результату забастовки видно — лед тронулся! Мы идем к победе. Почему же дирекция уступила? Может, ей понравились представители забастовочного комитета? Или это из-за наших прошлых заслуг вышло? Нет, товарищи, не то и не другое!.. Так из-за чего же? А из-за того, друзья, что большинство рабочих настойчиво отстаивали свои законные права. Сила солому ломит! — говорят в народе. Вы показали свою силу, товарищи, и одержали первую победу. Сделайте из этого выводы...

Вел Малышев агитацию и среди солдат Екатеринбургского гарнизона. На квартире Николая Давыдова, будущего красного директора Верх-Исетского завода, был установлен гектограф. На нем печатались листовки, которые распространялись в местных запасных стрелковых полках...

Как-то утром, торопясь в больничную кассу, Иван Михайлович увидел на Матренинской улице солидного господина с толстой красной физиономией. Он бы не обратил на него внимания, если бы не столкнулся с этим господином вчера в потемках зимнего вечера нос к носу около ворот своего дома.

«Странно!» — нахмурился Малышев.

Затем в течение дня солидный господин несколько раз профланировал мимо больничной кассы, правда, по другой стороне.

«Значнт, инкакой страииостн иет,— четко решнл Малышев.— Как бы незваиые гости ко мие ие пожаловали...»

Не зиал он, что полнции с некоторых пор уже миогое было известио о его деятельиости, что бдительиая и иеослабеваемая слежка велась и за другими товарнщамн.

В ночь под Новый год члеиы Екатериибургского подпольиого большевистского комитета и активнсты нз верх-исетскнх рабочих собралнсь на сходку. Чтобы ие вызвать ни у кого подозрений, даже самых иезиачнтельиых, оргаинзовали ее иесколько необычно. По Московскому тракту с веселым шумом под лихне переборы гармошкн понеслнсь нарядные тройки. Со стороиы можно было подумать, что мчнтся загулявшая компания. Пересаживаясь из однх саней в другне, Малышев успевал поговорить с кем иужио о готовнвшейся Уральской конференцни, о ее окоичательном сроке. И иикому тогда в голову ие пришло, что в одиой нз кошевок находился провокатор...

«Незваные гостн» скоро пожаловали иа Студеную (теперь Допрнзывннков) улнцу, где в маленьком флнгеле жнл с молодой женой Иван Мнхайловнч. Жеиился Малышев иедавио. Наташа Богоявленская тоже работала в правленни верх-нсетской больничиой кассы касснром. Там они н познакомнлись.

Когда в дверь флигеля резко постучали, Наташа как раз собиралась завязать квашию.

— Кто? — спроснла оиа.

— Полнция!

— Сейчас, сейчас,— отвечала Наташа, бросив взгляд в сторону печи. Там, за заслоикой, был спрятаи мешочек с типографским шрифтом. Быстро вытащив его, оиа высыпала шрнфт в квашню.

— Открывайте! — в дверь застучалн громче.

Когда полицейскне во главе с жандармским офнцером и красволицым господнном ввалнлись в комиату, Наташа спокойио вытирала фартуком вымазаиные в тесте руки.

— Чего ие пускала? — подозрительио буркиул красиолицый.

— Вндnте, рукн были вымазаиы,— поясиила Наташа.

— Начинайте обыск! — распорядился офицер, закуривая папиросу.

Искали долго, один из полицейских даже потрогал квашню, но обследовать ее не стал. В стене за печкой обнаружили тайник с антивоенными листовками. Жандармскому офицеру этого было достаточно. Обрадованный, он приказал краснолицему господину оформить протокол.

— Напишите, Борис Владимирович, все по форме,— строго сказал он.

— Не извольте беспокоиться,— последовал почтительный ответ,— не впервой...

Неожиданно распахнулась дверь, и на пороге появился сам Малышев.

— Господин Малышев? — приподнялся со стула офицер.— Вы арестованы!

Иван Михайлович обнял бросившуюся к нему с плачем жену.

— Собирайтесь! — продолжал офицер.

— Успеется! — хладнокровно, не теряя присутствия духа, произнес Малышев и достал из кармана пиджака часы: — Возьми, Наташа, а то, чего доброго, в казенном доме присвоят.

Востроносый полицейский по приказу офицера внимательно осмотрел часы, даже приложил к уху, но ничего подозрительного не нашел. Только тогда офицер разрешил передать их Наташе. У Малышева гора спала с плеч. Между крышками часов отпечатанная на папиросной бумаге лежала шифровка...

В ту ночь многие екатеринбургские большевики были арестованы. Произошло это перед самым открытием конференции...

Первого и второго марта жители Екатеринбурга уже знали о свержении царского режима. Дошли эти вести и до тюрьмы.

— Борьба наша была недаром,— говорил Малышев товарищам по камере,— первая победа уже есть.

Оставшиеся на свободе большевики сразу же начали действовать. Один из них, А. И. Парамонов, вспоминает:

«Получив известия о восстании петроградских рабочих, мы

созвали первое открытое собрание членов РСДРП в помещении правления 1-го Екатеринбургского общества потребителей. Оно находилось на нынешней улице 8 Марта, во дворе... Пришло человек сорок, так что в нашей тесной комнатушке пришлось стоять. Первым делом решили провести собрание рабочих по заводам и фабрикам, а на другой день идти к тюрьме освобождать арестованных товарищей. На этот день было назначено также общегородское открытое собрание членов партии и сочувствующих» [15].

2 марта плац перед тюремными стенами зачернел от потока демонстрантов и заалел от знамен и простых кумачовых флагов, а также от красных бантов, приколотых на шубах, пальто, шинелях. То там, то здесь раздавалось:

— Да здравствует свобода!

— Ура-а!

— Свобода-а-а!

Пели «Марсельезу», «Варшавянку», «Смело, товарищи, в ногу!». Перепуганный начальник тюрьмы немедленно освободил политических заключенных, в том числе и Малышева. И прямо из затхлых камер они попали на собрание в Новый городской театр, выстроенный в 1912 году на Дровяной площади*. Многие большевики, по условиям конспирации не знавшие раньше друг друга, теперь впервые встречались и знакомились. Во главе с Иваном Михайловичем Малышевым был выбран временный комитет РСДРП(б). В тот же день комитет распределил агитаторов по воинским частям и вынес решение: провести на городских площадях солдатские митинги и арестовать жандармов.

Взяв с собой пятерых вооруженных солдат, Малышев и Парамонов направились в конец Главного проспекта, где находилась резиденция помощника начальника Пермского губернского жандармского управления по Екатеринбургскому уезду...

---

* Ныне Свердловский академический театр оперы и балета имени Луначарского. Дровяная площадь — площадь Парижской коммуны.

Малышев нажал кнопку входного звонка, затем через паузу — второй раз, третий... никто к двери не подходил. Один из солдат рискнул заглянуть во двор, но быстро вернулся и доложил:

— Из дымовой трубы хлопья сожженной бумаги летят!

Жандармы торопились уничтожить секретные документы.

— За мной! — скомандовал Малышев.

Через заднюю дверь, которая оказалась незапертой, Малышев, Парамонов и солдаты ворвались в помещение. В коридоре жандармский вахмистр ворочал кочергой в печке-голландке горевшие бумаги. Увидев вооруженных людей, он мгновенно поднял руки вверх...

Первое время комитет большевиков занимал одну из комнат больничной кассы печатников на Фетисовской улице. Но вскоре перебрался на Покровский проспект в особняк Козелл-Поклевского.

На верхнем этаже этого особняка, где неистово хлопали двери, Малышева можно было видеть в окружении рабочих, солдат, учащихся. Одни просили у него свежие газеты и литературу, другие договаривались о собрании, верхисетцы советовались, какого оратора пригласить на завтрашний митинг, представители завода Ятеса спрашивали, кому сдавать отчисление однодневного заработка для партийной кассы. На все вопросы и просьбы им давались точные, ясные ответы.

23 марта в Екатеринбурге был выбран постоянный комитет РСДРП(б), и снова председателем стал Малышев. После Февральской революции, не опасаясь ни полиции, ни провокаторов, он мог свободно отдаваться партийной работе. Где ему только не приходилось бывать и выступать в те бурные дни!

11 марта в Екатеринбурге возник Совет солдатских депутатов, а 19 марта — Совет рабочих депутатов. Образованием этих Советов руководили большевики. 23 марта оба Совета объединились. Первое общее собрание состоялось в кинотеатре «Ло-

ранж» (теперь это здание реконструировано, часть его отдана кинотеатру «Совкино»). Председателем объединенного Совета, Совета рабочих и солдатских депутатов, был избран большевик, прапорщик Павел Быков.

Малышев был в Совете секретарем рабочей секции. Отвечал Малышев еще и за деятельность профсоюзов. Он опубликовал в газете «Уральская жизнь» воззвание комитета большевиков к металлистам города.

«Не слушайте тех,— писал Малышев,— которые призывают организовать союз отдельно по фабрикам и мастерским, не раскалывайте свои силы, не вносите раздора в рабочую среду. Помните, что сила рабочего класса в товарищеском единении.

Помните, металлисты. Вы всегда и везде шли впереди, вы — авангард рабочего класса.

Покажите же пример своей организованности!

Все на собрание.

Все в Союз!»[16]

А на собрании в Новом городском театре Малышев сделал доклад о задачах профессиональной организации. Был принят устав, выбрано временное бюро, которому поручалось провести на предприятиях Екатеринбурга запись в члены союза. Секретарем союза металлистов стала А. Н. Бычкова, ныне Герой Социалистического Труда.

Когда по телеграфу в ночь с 25 на 26 октября поступило известие о революционных событиях в Петрограде, екатеринбургский комиссар Временного правительства Теплоухов был отстранен от власти. Красная гвардия взяла на себя обязанности по поддержанию и охране порядка в городе. Днем на многих площадях, заводах и фабриках прошли летучие митинги. Вечером в Новом городском театре, над центральным входом которого колыхались красные флаги, началось экстренное собрание Совета рабочих и солдатских депутатов. В Совете теперь преобладали большевики.

Среди ораторов, выступавших в театре, был и Малышев.

Он подошел к самому краю сцены, внимательно посмотрел в зрительный зал и, пригладив рукой волосы, мягким, но очень решительным голосом произнес:

— Отныне вся власть в Екатеринбурге принадлежит Совету рабочих и солдатских депутатов! В ближайшие дни исполнительный комитет Совета сформирует необходимые органы самоуправления — по труду, просвещению и другие. За городской думою остаются лишь коммунальные дела...

Пением «Интернационала» закончилось то историческое собрание...

После Октябрьской революции в городской думе Малышев возглавил комиссию по охране труда. Позднее в областном комиссариате труда он проводил в жизнь новое советское трудовое законодательство, по-настоящему защищающее интересы рабочих...

Но события в южноуральских степях заставили Малышева надеть шинель и взять в руки оружие.

Одним из первых фронтов гражданской войны в нашей стране был Урал. Атаман Дутов поднял против молодой Советской власти Оренбургское казачье войско. Действовал он не только антисоветской агитацией и обманом. Руководители мятежа объявили всеобщую мобилизацию. И тех казаков, которые не хотели служить в дутовской армии, расстреливали.

В середине января дутовцы были разбиты. В наступлении против них участвовал и сводный Екатеринбургский отряд, сформированный из красногвардейцев города и Верх-Исетска.

Но в феврале, собрав новые силы, Дутов вновь начал готовиться к захвату Оренбурга, Уральска и Троицка. В Екатеринбурге спешно создавалась Вторая Уральская боевая дружина.

Командиром был назначен Петр Захарович Ермаков, верхисетский рабочий, участник революционных событий 1905 года, а комиссаром — Иван Михайлович Малышев.

В составе дружины действовала боевая молодежная сотня Социалистического союза рабочей молодежи Урала.

В одиом из писем Малышев писал:

«...По дороге пришлось выдержать два боя. Одни небольшой, а другой зиачительиый. Самый главиый бой разгорелся у Черной речки, туда стяиулись большие силы противника, около 800 человек с хорошо оргаинзоваиной коиницей. Дрались пять часов. В бою были 2 сотии иашей дружины, верх-исетские. Публика сражалась геройски, иа дутовскую баиду навели страх, и они в паиике бежали. Наши потери: убитых 3, умерло от раиений 5 и раненых 35, большииство потерь понесли верх-исетские. У иеприятеля потери гораздо зиачительиее. Почти одиовремеиио дутовцы были разбиты под Троицком. Теперь казаки сдают все оружие, патроиы и выдают своих главарей» [17].

Один из молодых участников похода рассказывал:

«Этот эпизод у Черной речки я запомнил навсегда. Помню, когда под пули шел Малышев, я подбежал к иему, а он говорит мне:

— Что ты здесь делаешь? Уходи... Здесь опасно.

Даже в бою ои пытался уберечь нас, молодых, от пуль...» [18]

Вторая Уральская боевая дружина свой поход закоичила в станице Адамовке. В ночь с первого иа второе мая с загорелыми обветрениымн лицами вернулись в родной город.

Недолгим был мириый период. Существоваиие молодого социалистического государства тревожило западные державы. Почти с самого иачала Октябрьской революции Аитаита иачала высаживать свои войска в Архангельске и Владивостоке. Кайзеровская Германия иарушила условия Брестского мира. Но для активной борьбы с Советской Республикой требовалась мощиая вооружеииая сила. Внутреиияя коитрреволюция такую силу весиой и летом 1918 года выставить ие могла. Поэтому свой выбор Антанта остановила на чехословацком корпусе. Это было то, что ей требовалось. Солдатам корпуса реакциоиные офицеры заявили, что большевики якобы ие хотят выпускать их из России. И корпус восстал...

...Ночью 22 июня 1918 года к станции Тундуш Самаро-Златоустовской железной дороги медленно подходил санитарный поезд. В одном купе, накинув на плечи солдатскую шинель, сидел молодой светлоусый человек и что-то писал при свете свечи. Это был Иван Михайлович Малышев, назначенный недавно командующим и комиссаром на Миасский участок фронта. Он возвращался из Кусы, где руководил подавлением контрреволюционного восстания. Кулацкая банда из села Куваши, каким-то образом узнав об этом, устроила засаду.

Малышев отстреливался до последнего патрона, но был схвачен озверевшим кулачьем и убит. Рядом с ним сложил голову и его адъютант Савва Белых. Бандиты не пощадили ни раненых, ни сестер милосердия, ни санитаров...

Весной 1920 года останки Малышева были найдены в полутора верстах от станции Тундуш и 18 апреля похоронены с воинскими почестями в братской могиле в Златоусте...

Один из видных деятелей Коммунистической партии А. А. Андреев, хорошо знавший И. М. Малышева, так писал о нем:

«Опытный революционер, грамотный марксист и образованный человек, он всегда во всех вопросах в быстро менявшейся обстановке революции умел занимать правильные принципиальные позиции, умел ориентироваться в самых сложных вопросах. У него была замечательная способность — революционную теорию, вложенную в абстрактные формулы, связывать с бьющей живым ключом жизнью, облекать в живые организационные формы...

Он всегда был честным солдатом революции, дисциплинированным до мозга костей, готовым каждую минуту отдать жизнь за революцию»[19].

«ОН СМОТРИТ НА НАС НЕВИДИМЫМИ ОЧАМИ...»

Пал Малышев в схватке отчаянной,
На митинге плачут вокруг,
И вот поднимается Вайнер,
Погибшего преданный друг.
Он сдержан. Он в полном порядке,
Лишь блеск лихорадочных глаз
Да новая грустная складка
Над строгою бровью легла.

Э. Попова

На здании Свердловского академического театра драмы установлена чугунная мемориальная плита, отлитая в Каслях. На ней барельеф человека с орлиным взглядом, а ниже слова: «Дорогой памяти товарища, поставившего целью своей жизни борьбу за освобождение рабочих и геройски погибшего близ станции Кузино, защищая любимый Красный Урал».

Эти строки посвящены Леониду Исааковичу Вайнеру...

В июле 1918 года к Екатеринбургу рвались отборные белогвардейские и белочешские части. Особенно тяжелое положение создалось на юго-западном направлении. На тот участок фронта 15 июля срочно выступила дружина Уральского областного комитета партии, считавшаяся одной из самых организованных и боеспособных частей Красной Армии на Урале. В числе рядовых бойцов-дружинников находился и секретарь Уралобкома Леонид Исаакович Вайнер...

Юношей он организовал в Пермском горнозаводском училище вместе с высланными из Варшавы студентами нелегальный марксистский кружок. За это его исключили.

Семья Симановских, старые друзья его матери, у которых Вайнер жил в Перми, была потрясена. Тихий, скромный молодой человек! Исключен? Как же так?

Теперь Симановские с испугом спрашивали:

— Леня, Леня... Что вы намерены делать?

У Вайнера был лишь один выход: начинать самостоятельную

жизнь. Семья Вайнеров еле сводила концы с концами. Мать работала в швейной мастерской: отец, мелкий ремесленник, давно умер.

И Леонид поступил на Теплогорский рудник Лысьвенского округа запальщиком, потом на Невьянский завод маркшейдером.

Однако ему не суждено было стать шахтером. Произошла катастрофа. Вайнер упал в шахту и сломал позвоночник. Пришлось долго пролежать на больничной койке. Но он не терял времени даром, много читал, занимался самообразованием...

В 1905 году Леонид Вайнер снова в Перми. Под партийной кличкой «товарищ Валерий» он был одним из руководителей местной большевистской организации и членом боевой группы.

Выступая на митингах, Вайнер говорил бастовавшим пермским рабочим:

— Пусть ваши экономические требования будут удовлетворены, но ведь положение-то ваше улучшится только временно! Коренная перемена наступит тогда, когда свергнете самодержавие. Пока не сбросим царя, а потом и капиталистов с помещиками, от кабалы не избавиться!..

12 декабря, после того как было получено известие о вооруженном восстании в Москве, вспыхнуло восстание и на расположенном в четырех верстах от Перми Мотовилихинском заводе. Но в самой Перми губернские власти привели в готовность Ирбитский пехотный батальон и казачью сотню.

Штурм мотовилихинских баррикад начался на следующий день. Слабо вооруженные рабочие-дружинники храбро отбивались от наступающих вдоль домов и заборов солдат и казаков. Но вскоре на исходе оказались патроны...

Засинели сумерки, защитники баррикад, слабо отстреливаясь, отходили в сторону огородов и в сторону замерзшей Камы. Солдаты и присоединившиеся к ним полицейские, почувствовав себя победителями, начали хватать всех, кто попадался им на улицах заводского поселка. Арестованных на санях под конвоем отправляли в Пермь.

Восстанне захлебнулось, пермские н окрестные заводы его не поддержали, ие поддержали н солдаты. Но борьба не кончнлась,— счнтали большевикн Мотовнлихи,— она только начиналась...

В этн два дня товарищ Валерий был в своей боевой группе. Патрулнровал, сражался на баррнкадах. Даже успел забежать в мотовнлнхннскую аптеку, где работала Елена Снмановская. После поражеиия восстания ушел в подполье н, тщательно конспирнруясь, продолжал в Пермн революциоииую работу. Но когда почувствовал, что к нему иачинают приглядываться шпикн, уехал в Кунгур. Там он устроился на железиую дорогу, однако за «подстрекательство рабочих к забастовке» был уволен.

Затем Билнмбаевскнй завод, Вятка. В Вятке Вайнер пришел в одиу захудалую тнпографию:

— Хочу стать наборщнком, возьмнте в ученики... Окончил Екатерннбургское реальное учнлнще.

Хозяии типографии снльио уднвнлся: человек имеет за плечами образование, а проснтся в ученики, да и иа внд ие очеиь-то юный. В паспорте указано, что двадцать восемь лет. Но проснтель соглашался работать за такую скудиую плату, что хозяин в коице концов уступил. Так Вайиер начал обучаться тнпографскому ремеслу. Ои считал, что, изучив иаборную технику, принесет своим товарищам по партнн огромную пользу. Одно дело устная агитацня н пропаганда, другое дело — печатное слово.

Но нищеиское жаловаиье, работа в тесном, темном помещеиин, пронизаиием свинцовой пылью, подорвалн здоровье Вайиера. Ои заболел туберкулезом легких. Да тут еще н провал Вятской подпольной органнзации. Правда, Вайнер уцелел: полицня на иего «ие вышла». Тем ие менее пришлось срочио уехать...

В Екатерннбурге Вайиер устронлся в тнпографню. Но хозяин начал подозревать нового иаборщнка: исчезает шрифт. И Вайнер получил расчет. Елене Снмаиовской, которая стала его женой, ои прнзнался, что нсчезновеиие шрнфта — дело его рук. Шрнфт требовался для подпольной тнпографнн.

После революции 1905 года Екатеринбургская организация понесла большой урон. Связавшись с оставшимися на свободе большевиками, Вайнер вместе с ними возродил комитет РСДРП.

Но конференция, намеченная на 28 марта 1909 года, не состоялась.

Прошли аресты. Был схвачен и представитель Центрального Комитета — Семен (И. Шварц).

Арестованный в те дни Н. Давыдов впоследствии вспоминал: «Нас разбили по отдельным тюрьмам, видимо, боялись, как бы мы не провели нашу конференцию в заключении. Часть товарищей сидела в Перми, часть — в Камышлове. Мы с Вайнером попали в екатеринбургскую тюрьму, в одну камеру. Но сидели вместе недолго. Он вскоре слег, и его перевели в госпиталь.

В то время в екатеринбургской тюрьме отбывал крепость Я. М. Свердлов. Мы его хорошо знали и глубоко уважали: он вел нас на борьбу с самодержавием в 1905 году. Андрей установил с нами связь, научил, как держаться на допросах. Охранка хотела создать громкое дело, но это у нее не получилось. Вместо каторги мы получили административную ссылку...» [20]

У Вайнера обострился туберкулез, произошло кровоизлияние в глаз, и он стал с тех пор им плохо видеть. Тюремный врач махнул на больного рукой и заявил начальству:

— Помрет скоро... От кашля задыхается... Слепнет...

— Если так, то и бог с ним,— ответило «начальство».

И Вайнер был выпущен.

Однако «обреченный», оказавшись на свободе, не собирался умирать. Помог кумыс. Одно только было странным: полиция его не трогала, в участок на проверку не вызывали. И Вайнер понял, что за ним следят. Путем слежки шпики хотели узнать всех, с кем он был связан на Верх-Исетском заводе, в железнодорожных мастерских, на заводе Ятеса.

Но Вайнер очень ловко водил преследователей за нос. То наденет такое пальто и такую шляпу, что его не узнают, то посадит в своей комнате спиной к окну товарища, а сам ускользнет через забор.

Видимо, был у Вайнера артистический талант. В записной книжке, сохранившейся с времен, когда он учился еще в реальном училище, вместе со списком прочитанных книг имеется и текст переписанной комической роли для любительского спектакля.

Теперь Вайнер разыгрывал сцены со шпиками. Однажды даже тайно умудрился их сфотографировать. Пусть товарищи знают, кого надо при случае остерегаться! Еще до ареста Вайнер на Верх-Исетском заводе руководил кружком повышения идейно-политического уровня членов партии. Летом кружок собирался в лесу, на рыбачьих лодках; поздней осенью и зимой в каком-нибудь домике на окраине поселка или на задворках в бане. На занятиях обсуждались рефераты, читались доклады, по вопросам теории проводились диспуты. Вести записи Вайнер не рекомендовал, предлагал все в целях конспирации запоминать. Конспирации он придавал большое значение, говорил, что правила конспирации должен знать каждый. Многие его наставления слушатели той школы выучили наизусть. Вот некоторые из них: «Если подозреваешь слежку, пропусти предполагаемого шпика. Он остановится и будет ждать тебя... а, если скроешься, начнет растерянно искать; при условленной встрече с товарищем, не здороваясь, пройди мимо: надо убедиться, не привел ли твой товарищ шпиона; подпольщик должен знать все дома с проходными дворами. Никогда не оставляй нелегальную литературу в открытых местах, прячь ее так, будто именно в эту ночь ждешь обыска...»

Вайнер поступил на службу в библиотеку потребительского кооперативного общества. Туда под видом читателей к нему могли приходить товарищи по партии, участники подпольных кружков. Под обложками толстых книг пряталась марксистская литература...

Когда проходили выборы в правление профсоюза торговых служащих, то была выдвинута и кандидатура Вайнера. Став

членом правления, он старался и здесь использовать каждую возможность для пропагандистской деятельности.

Однажды на общем собрании кооператоров поступило предложение: организовать праздник кооператоров. Вайнер ухватился за эту мысль. Под видом кооператорского праздника можно отметить Первое мая, устроить в Харитоновском саду (ныне парк свердловского Дворца пионеров) гуляние и незаметно в глухих аллеях провести летучие митинги.

Неожиданно попросил слово один из присутствующих; Вайнер знал его как активного екатеринбургского меньшевика.

— А зачем гуляние в общественном саду? — начал меньшевик.— Снимем где-нибудь банкетный зал... Так, господа, спокойней...

— Правильно! — послышались голоса.

Меньшевик продолжал:

— На банкете все будут свои, все будут на виду... А в Харитоновском отвечай за посторонних...

Председателем собрания был Вайнер. Поднявшись, он резко позвонил в колокольчик.

— Что? — обернулся оратор.

— Лишаю слова,— сказал Вайнер.

— Почему? За что?

— За попытку сорвать хорошее, дельное предложение.

Кое-кто в зале возмущенно затопал, засвистел.

— Повторяю! — повысил голос Вайнер.— Лишаю слова за попытку сорвать хорошее, дельное предложение... Председатель собрания я, вы меня сами выбирали...

И в своей убедительной речи доказал, что праздничное гуляние кооператоров надо все-таки провести в Харитоновском саду.

Собрание проголосовало «за».

Накануне открытия Уральской областной партийной конференции, когда по Екатеринбургу шли аресты, полиция заявилась и к Вайнеру. Но долгий и тщательный обыск в квартире ничего

не дал. Ничего подозрительного полицейские при всем старании обнаружить не сумели. А так как прямых улик не оказалось, Вайнер остался на свободе.

Вскоре, после Февральской революции, при Екатеринбургском комитете РСДРП(б) была создана пропагандистская коллегия. Возглавил ее Вайнер. Коллегия разрабатывала планы для занятий кружков высшего и низшего типа, организовывала новые, готовила агитаторов, занималась повышением политических знаний руководящих работников, создавала партийные библиотеки. В библиотеки подбиралась литература, сохранившаяся со времен подполья, выписывались газеты «Правда», «Социал-демократ», «Известия Совета рабочих и солдатских депутатов». Коллегия напечатала программу большевистской партии и сборник «Песни революции».

Особый план занятий Вайнер составил для юношеской организации при городском комитете РСДРП(б) и часто сам выступал перед молодежью с лекциями и докладами. Но основные занятия в этой организации вела его жена Елена Борисовна.

Председатель молодежного комитета Римма Юровская, вспоминая о тех занятиях, писала: «Занимались с огоньком, старались вникнуть во все. Павел Завьялов, например, донимал Елену Борисовну Вайнер вопросами по аграрной программе большевиков, требовал ответа на вопрос: «Сапожник — пролетарий или капиталист? Сапоги он тачает сам, а продает их на базаре...» [21]

После Октября Вайнер — на ответственных постах: секретарь городской думы, секретарь исполнительного комитета в Совете рабочих и солдатских депутатов, член Уралобкома партии, а затем и его секретарь...

Когда в Екатеринбург пришло известие о трагической гибели Малышева, он говорил на траурном митинге:

— Плакать не надо, товарищи. Мы не грустить должны, а должны сомкнуть ряды в борьбе, жертвой которой стал Иван. Иван с его нежным, мягким сердцем умел быть беспощадным,

когда это требовал долг. Стержнем его жизни была борьба за идею... Пусть на этом примере учатся другие. Пусть имя его ведет на борьбу, как вел сам Иван...

А вскоре, в тревожные для Урала дни, и Вайнер взял в руки винтовку, хотя на пятом листе его паспортной книжки имелась запись: «Подвергался 9 августа 1917 года в Екатеринбургском уездном по воинской повинности Присутствии поверочному освидетельствованию и признан совершенно неспособным к военной службе».

Товарищи пытались убедить Вайнера, что он должен находиться в штабе. Но в ответ слышали всегда одно:

— В штаб надо направлять людей, искушенных в военном деле!

И Вайнер добросовестно нес службу как рядовой боец. Военные занятия проходили в саду при Общественном собрании (ныне сад имени Вайнера). Спуску бойцам командиры не давали.

— Бегом-арш! — И утоптанная песчаная площадка дрожала под ногами.

— Падай! — неслась новая команда, а через две секунды неожиданно: — Отставить!

Оказывалось, что шеренга упала неровно, без должной смелости, с оглядкой. И снова повторялся один и тот же прием, пока в его исполнении командир не добивался должной чистоты. Затем учебная стрельба.

Вайнеру, сорокалетнему больному человеку, было трудно на этих напряженных занятиях, но он старался не отставать от молодых. Приходил в сад без опозданий, а уходил одним из последних...

Дружина Уральского комитета партии выступала из Екатеринбурга рано утром 15 июля 1918 года. Всю ночь Вайнер и Елена Борисовна, которая отправлялась на фронт сестрой милосердия, не спали. Прятали в тайник документы, вспоминали предшествующую жизнь, говорили о будущем. Вайнер трезво сознавал и опасность, нависшую над Уралом.

— Надо смотреть правде в глаза, — прямо сказал он жене.

В ту ночь Вайнер успел еще прочитать очередные гранки железнодорожной газеты, которую редактировал.

22 июля дружина Уралобкома и приданная ей красноармейская часть сдерживали натиск неприятеля около станции Кузино. Белогвардейцы обошли фронт слева, как раз там, где должен был стоять в обороне отряд пермских анархистов. В ответственный момент анархисты дезертировали.

С несколькими красноармейцами Вайнер отправился в разведку, пытаясь через труднопроходимые болота установить связь с Невьянском. Но в лесу, неподалеку от деревни Курья, разведчики неожиданно натолкнулись на белогвардейский бронепоезд.

Каким-то образом врагам стало известно, что среди разведчиков — секретарь Уралобкома. Но кто именно из них Вайнер,— они пока не догадывались.

— Где ваш комиссар? Где Вайнер? — спросил офицер, командир белогвардейского отряда.

Вайнер не занимал штатной должности комиссара, однако понимал, что белые начнут пытать его товарищей, надеясь, что кто-нибудь из них проговорится. Поэтому он сделал шаг вперед и громко произнес:

— Вайнер — я!

— Вот ты где! — воскликнул обрадованный офицер.— А нука, отойди в сторону.

Один из красноармейцев, стоявший неподалеку от Вайнера, зашептал:

— Товарищ Вайнер, бегите... лес густой... бегите!

Но Вайнер отрицательно покачал головой. По знаку офицера, поднявшего шашку, солдаты вскинули винтовки.

— Стреляйте! — твердо сказал Вайнер...

Через несколько дней железнодорожники обнаружили труп Вайнера и похоронили его в лесу. Когда же белогвардейцы и интервенты были изгнаны с Урала, товарищи разыскали то место и с воинскими почестями перевезли в Екатеринбург останки

Вайнера. Похоронен он в братской могиле на нынешней площадн Коммунаров, там, где сейчас стонт высокнй, восемиадцатнметровый обелиск-надгробие н горнт Вечный огонь...

В траурной прощальиой речи иад гробом Вайнера прозвучали такие слова, нх можно повторить и в иаши дни:

«...Ои смотрнт иа нас невидимыми очамн — свято ли мы храиим в сердце скрижали коммуннстнческих идей, твердо лн мы помиим заветы Коммуиистнческой партни, которой он иеизменио служнл с 1896 года».

ПОЛИТБОЕЦ

— Где можно приобрести портрет
Толмачева?
Помнят его наши рабочие
и просят обязательно портрет в
рабочем клубе поместить.

*«Николай Толмачев
(Сборник воспоминаний
и документов)»
Изд. Ленинградского истпарта,
1928 год.*

Как-то вечером, в начале февраля 1918 года, начальник Центрального штаба Екатеринбургской Красной гвардии Павел Хохряков представил своим помощникам молодого человека в пенсне.

— Это Толмачев, Николай Гурьевич,— уважительно произнес он.— Возвратился недавно из Петрограда... Доложите ему, как мы разоружаем эшелоны.

Один из помощников Хохрякова, матрос Старостин, провел молодого человека в соседнюю комнату и, угостив кипятком с краюхой ржаного хлеба, рассказал...

Через Екатеринбург в январе и феврале следуют один за другим солдатские и казачьи эшелоны. Это фронтовики возвращаются в родные места, вооруженные с головы до ног всем тем оружием, которое им удалось захватить с собой. Пропускать такие эшелоны, особенно казачьи, в южноуральские станицы, где собрались банды атамана Дутова, и в Сибирь, в Забайкалье, где поднимали мятежи атаманы и офицеры, было опасно. Заранее узнав о приближении такого фронтового эшелона, красногвардейцы устанавливали на вокзале пулеметы, занимали удобные позиции и, выслав парламентеров, предлагали добровольно сдать оружие. Обычно «гости» после спора оружие отдавали. Но порой, когда в мирные переговоры вмешивались офицеры, нет-нет да и случались перестрелки.

— Действовать здесь, товарищ Толмачев, надо решительно и смело,— поучающе говорил Старостин,— потому что любая, самая малейшая оплошность нам обходится дорого... Мы стараемся созвать митинг и разъясняем, почему необходимо расстаться с оружием... Ну, и призываем крепить смычку бедняков города, деревни и станицы. Толкуем, конечно, о Дутове, о борьбе с ним...

Пока матрос рассказывал, в Центральный штаб доставили срочную депешу: к Екатеринбургу движется казачий эшелон.

— Когда его можно ждать? — протирая пенсне и щуря близорукие глаза, спросил Толмачев.

— Да рано утром,— глянув еще раз в депешу, ответил Старостин.— Постараемся разоружить чубатых без шума.

— Думаю, что я смогу облегчить вам такое разоружение,— уверенно сказал Толмачев.— Мне надо трех-четырех человек. Выедем навстречу казакам.

— Вы не знаете их офицеров,— начал горячо убеждать его Старостин.— Эти господа способны на все... Они подговорят против вас рядовых станичников...

— Вы член партии?

— Да.

— Для нас, большевиков, борьба с контрреволюцией всегда была и будет сопряжена с опасностью... Но не следует думать, что все казаки настроены против Советской власти. Вы это и сами знаете... Вот с ними, нашими союзниками, мы и побеседуем, выясним в пути все, что надо...

...Ранним утром на небольшом полустанке стоял воинский эшелон. Около одного вагона-теплушки густо толпились казаки-оренбуржцы в долгополых кавалерийских шинелях и мохнатых папахах. Из отодвинутых дверей доносился негромкий голос Толмачева. К теплушке, грубо расталкивая казаков, подбежал высокий офицер и хрипло закричал:

— Посторонним приказываю оставить эшелон!

Толмачев показался в дверях:

Яков Михайлович Свердлов

Осенью 1905 г. Я. М. Свердлов жил в Екатеринбурге в доме № 25 по улице Никольской.

В Верх-Исетском поселке в доме по улице Проезжей находилась конспиративная квартира Екатеринбургского комитета РСДРП.

Так выглядела подпольная марксистская школа агитаторов и пропагандистов, которую во второй половине октября 1905 года создал в Екатеринбурге Я. М. Свердлов.

Иван Михайлович Малышев.

Леонид Исаакович Вайнер,
1902 год.

Николай Гурьевич Толмачев,
Павел Данилович Хохряков,
Петр Лазаревич Войков,
Соня Морозова.

Начальник 28-й стрелковой дивизии
Владимир Мартинович Азин.

Штаб 28-й стрелковой дивизии.
В центре В. М. Азин.
Станция Князевка около Саратова,
август, 1919 год.

— Мы представители Уралсовета, вы находитесь на его территории. Разрешения нам не требуется. Мне даны полномочия побеседовать с казаками.

— Приказываю оставить эшелон! — вновь крикнул офицер.— Не то...

— Что «не то»? — спокойно поинтересовался Толмачев.

Офицер не ответил. К теплушке подходило все больше и больше казаков. У многих за плечами виднелись винтовки. Поднялся шум. Одни требовали немедленно отправить эшелон, другие — провести прямо здесь, на стоянке, летучий митинг.

Толмачев, посоветовавшись с прибывшими вместе с ним матросами-красногвардейцами, поднял руку:

— Товарищи казаки! Митинг мы организуем на следующей станции...

Вскоре паровоз дал гудок, и эшелон медленно тронулся. Толмачев и матросы разместились по разным теплушкам.

Агитация началась прямо в пути. Обе стороны задавали друг другу самые различные, порой даже каверзные вопросы. Но уже было ясно, что большинство казаков согласны добровольно расстаться с оружием. Когда на ближайшей остановке Толмачев и матросы покинули свои места, трубач уже играл сбор на митинг.

— Товарищи казаки! — вскочив на штабель шпал, обратился к фронтовикам Толмачев.— Вашими же руками атаманы, офицеры и генералы собираются в ваших станицах уничтожить вашу власть! Им нужны ваши винтовки, ваши пулеметы... При помощи их они хотят лишить трудовое казачество тех прав, той свободы, какие им дала Октябрьская революция...

В тот вьюжный февральский день, когда Хохряков со своим отрядом встретил воинский эшелон на Екатеринбургском вокзале, сдача оружия прошла без всяких затруднений.

— Эти казаки,— убежденно сказал Толмачев Хохрякову,— теперь будут красными казаками. И, прибыв к себе домой, начнут агитировать за Советскую власть и защищать ее... Хотя это лишь один эшелон, но из его людей получится крепкий, бронированный кулак против атамана Дутова...

В Екатериибурге Толмачев был своим человеком, хотя вернулся в город недавно. Его знали хорошо. Здесь он родился, 31 октября (12 ноября) 1895 года в семье мелкого банковского чиновника, здесь семья Толмачевых жила на Златоустовской улице (ныне улица Розы Люксембург) в доме № 10. В архиве Свердловского загса сохранилась метрическая книга за 1895 год Екатерининского собора, где имеется запись о рождении Николая Толмачева...

В августе 1905 года Николай поступил в местное реальное училище. Но в сентябре его отца перевели по службе в Ростов-на-Дону. В этом городе и продолжилась учеба Николая. Учился он во всех классах блестяще. В выпускном аттестате «сына титулярного советника Николая Гурьевича Толмачева», как и раньше в дневниках, стоят при отличном поведении лишь одни пятерки.

После окончания Петровского реального училища Толмачев собрался в Петербург. Он уже давно решил, где учиться дальше. Только в столичном политехническом институте...

В семье Толмачевых росло шестеро детей. Скромного жалованья отца не хватало, еле сводили концы с концами. И Николай вместе с двумя старшими сестрами по примеру матери начал давать частные уроки. Хоть небольшим, но все-таки подспорьем это было. А отправляясь в Петербург, он гордо заявил родителям:

— Денег мне не посылайте. Заработаю себе на жизнь сам, уроками. У вас есть еще младшие дети...

Почему же Николай Толмачев выбрал Петербург? Только ли потому, чтобы продолжить образование именно в столице? Конечно, причина такая была. Однако имелась и другая, главная. Толмачев мечтал быть в центре революционных событий страны. В Ростове он стал свидетелем героического ростовского вооруженного восстания 1905 года. Оно оставило глубокий след в его сознании. Царские войска при помощи артиллерии потопили это восстание в крови. Не щадили даже женщин и детей.

Позднее в руки Николая Толмачева попадали листовки Донского социал-демократического комитета. Читал он их сначала

робко, тайно, но вскоре сошелся с товарищами по училищу, которые тоже хотели разобраться в политической обстановке, сложившейся в России. Студенты, приезжавшие в Ростов на каникулы, знакомили Николая и его друзей с нелегальной литературой, с «Коммунистическим манифестом», со статьями В. И. Ленина...

В конце августа 1912 года поезд мчал Николая Толмачева, чувствующего себя уже студентом, в Петербург. Еще в июне отправил он свой аттестат в политехнический институт. Золотая медаль, полученная при выпуске из реального училища, давала ему право на первоочередное зачисление в любое высшее учебное заведение Российской империи...

В летние месяцы Толмачев продолжал заниматься репетиторством. Нужны были деньги для приобретения студенческой формы, учебников, учебных пособий. В ответе, присланном из Петербурга, официально сообщалось, что он зачислен на металлургический факультет...

Старшие сестры Толмачева — Нина и Тамара, прибывшие раньше и учившиеся в Петербурге на курсах, познакомили брата со своими новыми товарищами. В комнате, которую они снимали, часто по вечерам собиралась молодежь. Здесь Николай встретился со студентом Н. Евреиновым, одним из руководителей подпольной большевистской организации политехнического института. Евреинов стал давать ему отдельные задания, пока не очень сложные.

Толмачеву приходилось разбрасывать листовки, бывать дежурным перед домом, в котором шло конспиративное собрание, помогать печатать прокламации, а главное — распространять «Правду». Позднее его привлекли к сбору денежных средств в «железный фонд» этой большевистской газеты, организованной в 1912 году. Он начал посещать кружок, где читались лекции по истории рабочего движения, где знакомили с программой РСДРП(б) и новыми произведениями В. И. Ленина. Вместе с ним в кружке занимались и его друзья-однокурсники: С. Бо-

голепов, известный Николаю еще по екатеринбургским детским годам, и К. Кирста. Другом Толмачева стал и Н. Иконников, член большевистской институтской организации.

Впоследствии Николай Иконников оказался его соратником по работе в политотделе 3-й армии Восточного фронта. Политработником во время гражданской войны был и Сергей Боголепов. А Константин Кирста в 1918 году вместе с руководителем трудового донского казачества Ф. Подтелковым попал в плен и погиб. Имя Константина Кирсты можно встретить на страницах романа М. Шолохова «Тихий Дон»...

В начале 1913 года Николая Гурьевича Толмачева приняли в ряды РСДРП(б). И Выборгский райком, находившийся в глубоком подполье, сразу доверил новому члену партии пропагандистскую работу в кружках заводов. «Товарищ Василий» — такой отныне стала его партийная кличка. А студенты-большевики избрали Толмачева секретарем студенческой большевистской фракции политехнического института. В воспоминаниях А. Татаринова встречаются записи о деятельности Толмачева в те годы:

«Николай, поддерживая постоянную связь с редакцией «Правды», получал от нее задания по организации нелегальной работы среди рабочих...

Наиболее сложными были задания по распространению прокламаций Петербургского комитета РСДРП(б). Получив матрицы, бумагу и краску, подпольная группа политехнического института принималась за изготовление и распространение листовок. Так были отпечатаны листовки о годовщине Ленского расстрела, о празднике 1 Мая, об отношении большевиков к империалистической войне и другие.

Мы были обязательными участниками первомайских демонстраций. Во время такой демонстрации в 1913 году Толмачева арестовали и несколько дней держали в тюрьме «Кресты». За деятельностью Николая и подпольной студенческой группы была установлена слежка. В одну из осенних ночей 1914 года

в нашу квартиру по Яшумову переулку ворвались жандармы и произвели обыск. Явных улик им обнаружить не удалось.

В марте 1916 года Николай был избран членом исполнительной комиссии Петроградского комитета РСДРП(б), стал редактором газеты «Пролетарский голос»...[22]

Студенты-политехники 4-го курса должны были проходить производственную практику на металлургических заводах. И Толмачев выбирает свой родной город Екатеринбург, Верх-Исетский завод.

После недавних арестов на Урале связь Центра с местными большевиками была слабой. Толмачев при отъезде получил от Петроградского комитета РСДРП(б) задание: наладить прерванную связь, а также посвятить екатеринбургских товарищей в текущие дела и дать им ряд указаний по революционной работе.

Хотя Толмачев с некоторых пор и значился в списках столичной полиции, как «неблагонадежный», отъезд его в Екатеринбург не мог вызвать ни у кого подозрений. Студент отправился на практику! Это и учитывалось Петроградским комитетом РСДРП(б)...

С того времени, как Толмачев мальчиком уехал из Екатеринбурга, город почти не изменился. По-прежнему цвели купола соборов и церквей. В центре, за каменной плотиной, где было низкое место, не просыхала грязь. На Вознесенской горе белел колоннадой «Харитоновский дом».

Поселок Верх-Исетского завода, лежавший в северо-западной части Екатеринбурга, скорее напоминал большое село. И административно он не относился к городу, хотя друг от друга их отделял лишь бульвар с высокими развесистыми березками.

Ранним утром Толмачев спешил через этот бульвар на металлургический завод в сталелитейный цех. Работать приходилось до двенадцати часов в сутки, почти всю смену студент-практикант не отходил от мартеновской печи...

При помощи явок, полученных в Русском бюро ЦК, Толмачев вышел на связь с руководителями екатеринбургских большевиков. Особенно подружился он с Иваном Михайловичем Малышевым, который стал любовно звать его «Толмачишко». Уж очень юным выглядел тогда представитель Петроградского комитета РСДРП(б). Познакомился и с Леонидом Вайнером.

Немало появилось у Толмачева друзей и среди молодых верх-исетских рабочих. С ними он любил вечерами кататься на лодках по огромному Верх-Исетскому пруду и вместе петь вполголоса революционные песни.

Иногда, во время лодочных прогулок, проводились собрания, занятия кружков. Этот способ местные большевики применяли давно; ни полиция, ни шпики не могли подобраться незаметно. В любом случае их бы все равно заметили.

Как студент-практикант, изучающий методы сталеварения, Толмачев сумел побывать и на других металлургических заводах Урала, например, в Златоусте. Во время этих поездок обязательно укреплял связи между разрозненными уральскими большевистскими организациями...

В Петрограде, на Фонтанке, в доме под номером 96 помещалась типография некоего Альтшуллера. Была она небольшая, среди других подобных заведений ничем не выделялась. Вечером 17 декабря 1916 года метранпаж этой типографии, седой бородач Евгений Григорьевич, после окончания срочного заказа решил поужинать холодной вареной курицей и направился в задний коридор. В коридоре стоял умывальник, а метранпаж перед едой всегда мыл руки.

Неожиданно обитая рогожей дверь, выходящая во двор, распахнулась, и на пороге показалось несколько человек с револьверами. У Евгения Григорьевича подкосились ноги.

— Тихо! — приказал один из вошедших.— И не вздумайте кричать... Наборщики на местах?..

В донесении начальника петроградской полиции о том происшествии сообщалось официально так:

«Ворвавшись в типографию около девяти часов вечера, было

приступлено к работе, которая выразилась в следующем: был сделан набор «Пролетарского голоса», отпечатано содержание на трех страницах в количестве двух тысяч экземпляров... Бумага, краски, шрифт и станки (две большие печатные машины) были использованы принадлежащие типографии, а уходя из последней, была написана записка с приложением партийной печати, в которой было принесено извинение владельцу типографии за пользование его типографией и материалом и к этому добавлено, что к такому способу они прибегали в силу ареста нелегальной техники...»

Еще 8 (21) июля 1914 года царское правительство запретило «Правду». И Петербургский комитет РСДРП(б) сразу же постановил: «создать подпольную типографию, где можно было бы печатать газету». При участии Толмачева типография появилась. Она начала выпускать листовки и прокламации, а в феврале 1915 года увидел свет первый номер газеты «Пролетарский голос».

«...Нелегальная революционная работа нашей партии все-таки продолжается,— указывал В. И. Ленин.— В Петрограде комитет нашей партии выпускает нелегальную газету «Пролетарский голос» [23].

Но через некоторое время шпики обнаружили типографию. И все же «Пролетарский голос» продолжал выходить. Была организована новая, нелегальная типография. Но из-за доноса провокатора Шуранова и ее 10 декабря 1916 года разгромила полиция. К тому времени редактором «Пролетарского голоса» стал товарищ Василий — Толмачев. В его распоряжении находилась специальная техническая группа, подобранная из рабочих-полиграфистов. Перед вторым провалом готовился четвертый номер газеты. Революционная ситуация в стране нарастала, и газета петербургским большевикам была необходима как воздух. К сожалению, наладить за короткий срок еще одну типографию оказалось делом трудным.

— А все-таки техника у нас будет! — заявил товарищ Василий.

И вместе со своей группой он предложил Петроградскому комитету дерзкий план: захватить какую-нибудь частную типографию и отпечатать в ней тираж «Пролетарского голоса». Статьи для номера уже были готовы. Передовая называлась «Революционная работа партии в столице и провинции», давался отчет о деятельности Петроградского комитета РСДРП(б) за последние месяцы, в ряде материалов разоблачались соглашатели...

Толмачев продолжал оставаться на подозрении у полиции. Но, к счастью, никто из шпиков, ходивших за ним по пятам, не знал, что он и таинственный «товарищ Василий» — одно и то же лицо. А Толмачев, умело скрываясь от преследователей, все время оставлял их в дураках. Так было и 17 декабря, когда техническая группа захватила вечером заведение Альтшуллера.

К утру три полосы «Пролетарского голоса» сверстали и отпечатали. Четвертую набрать уже не успели и решили конец газеты оставить пустым...

За окнами начинало светать, как вдруг нагрянул усиленный наряд полиции. Позднее выяснилось, что один из членов группы оказался предателем. Он вызвался доставить первую отпечатанную партию газеты по нужному адресу. Но отвез ее совсем в другое место. К счастью, вторую партию «Пролетарского голоса» удалось спасти. Тот, кто вывозил эту часть тиража, вовремя заметил за собой погоню и запутал следы в переулках и проходных дворах.

Оставшиеся в типографии номера газеты были тут же конфискованы. Многие из группы полиграфистов, не сумевшие скрыться, угодили в руки полиции. Толмачеву и на этот раз удалось благополучно уйти.

В письме к техническому секретарю Петроградского комитета А. Костиной от 27 декабря 1916 года он, переживая арест товарищей, писал, соблюдая строгую конспирацию: «Плохо у нас, Аня. Помнишь, о чем говорил перед отъездом! Сорвалось. Сделать все сделали, но при разъезде почти все и — везшие и везомое и то, куда везли... и тех, кто не успел выйти,

окружнли 50—70. Теперь понятио? Верочка Лапииа была в числе «ждавших жеииха в полуночи», н ее тоже иет*. Говорят, что это ие рождествеиские шутки, что это не спроста... Будет пока об этом. Ты не думай, мы держнмся еще, ие смеемся только. Живуч курилка...»

По отзывам товарищей, Толмачев инкогда ие падал духом. Вскоре в одиом из писем ои радостно сообщал:

«Прасковья Карповиа печет блииы».

Эго озиачало: третья иелегальиая типография Петроградского комнтета РСДРП(б) заработала.

В дин Февральской революции Толмачев прииимает участие в освобождеиии из камер Петропавловской крепости политнческнх заключениых и раздаче оружня, храинвшегося в арсенале, рабочим Выборгского райоиа. С восставшнми солдатами едет на грузовике арестовывать жаидармов и полицейских; выступает иа митиигах, собраннях. А в иачале марта ои вместе с М. И. Калнниым и Н. И. Подвойским вошел в осиовиое ядро первого легальиого Петроградского комнтета большевиков. Ему было поручено руководить агитаторской коллегней.

Родным в Ростов Толмачев пншет:

«Поймнте, что больше нет охраики, городовых, что иас, социал-демократов, ие только не арестовывают, ио мы существуем легальио, запнсываем члеиов в партию, даже больше того, иам особый почет повсюду. С удостоверением Комитета партии иас пустят в казарму для агитацин — пустят всюду.

Вообще в такое время хорошая штука — жизнь!» [24]

3 апреля 1917 года иа родину после долгого отсутствня возвратнлся нз эмнграцин Владнмнр Ильнч Леиии.

Лозунг «Вся власть Советам!», выдвниутый В. И. Лениным, говорнл о подготовке социалнстической революции мирным путем. Нужио было, чтобы опытные партнйные работники заня-

* В. Лапина по указанию Толмачева дежурила около типографии Альтшуллера, делая вид, что кого-то ждет. Была схвачена полицией.

лись сразу же после VII Всероссийской конференции разъяснением этого лозунга в различных районах страны. Уралу вслед за Петроградом и Москвой ЦК РСДРП(б) отводил решающую роль, и по специальному указанию Николай Толмачев вместе со своими товарищами С. Боголеповым, К. Кирстой и А. Костиной выехал в Екатеринбург.

В мае солдаты расквартированных в Екатеринбурге запасных полков попали под эсеровское влияние. Благодаря этому, проходившие здесь перевыборы Совета принесли эсерам и меньшевикам победу.

Приезд Толмачева и его группы «питерцев», как их стали называть, оказался для большевиков-уральцев действительно своевременным. Но соглашатели в союзе с местной буржуазией отреагировали на появление посланцев из Петрограда по-своему. По Екатеринбургу начали с быстротой молнии распространяться вымыслы, что Толмачев и его товарищи — «немецкие агенты». На Урале они якобы собираются подрывать «усилия правительства, направленные на оборону». Владельцы гостиниц, поверив слухам, отказывали «питерцам» в ночлеге. Ночевать приходилось у старых друзей и знакомых. В конце концов Екатеринбургский комитет РСДРП(б) сумел все-таки снять для «коммуны» квартиру на втором этаже частного дома. Стоял этот дом на углу улиц Тихвинской и Отрясихинской (теперь Хохрякова и Радищева).

В первые месяцы пребывания на Урале Толмачев посвятил себя пропагандистской работе.

Митинги и собрания проходили почти каждый день. После речи Толмачева гремели аплодисменты, сливаясь с восторженными возгласами:

— Спасибо за добрые вести!

— Вот какая сила мы, рабочие!

— Победим мы!

24 мая (6 июня) Толмачев выступает на общем партийном

собрании в Алапаевске, 25 мая — в Егоршино на митинге рабочих окружных рудников; о собрании, проходившем 28 мая в волостном правлении, «Уральская правда» от 17 июня пишет:

«Присутствовало человек 700 рабочих, крестьян и местной интеллигенции. Эсеры заблаговременно «мобилизовались». Докладчик тов. Толмачев был встречен очень сочувственно... Несколько местных эсеров пытались освистать докладчика, но были остановлены собранием».

В том же номере газеты подробно рассказывается о многолюдном митинге, который прошел 29 мая в Верхней Синячихе.

Побывал Толмачев и на заводах Гороблагодатского округа, в Нижней и Верхней Туре, Кушве, на Баранчинском заводе и еще во многих других местах Среднего Урала. В письме к друзьям он пишет: «Народищу за это время я перевидел — страсть. Встречался с рабочими, крестьянами, интеллигенцией. Ночевал в разных углах — видел быт».

В другом письме весело сообщает: «Везде победа: есть много скальпов разных племен (социалисты-революционеры, меньшевики)».

На первой областной Уральской конференции в апреле 1917 года был создан Уральский областной комитет РСДРП(б). Он объединил под своим руководством партийные организации Пермской губернии (куда входил и Екатеринбург), Уфимской и некоторых районов Оренбургской и Вятской губерний. Для более удобных и конкретных действий комитет поделил Урал на Екатеринбургский, Пермский и Уфимский округа.

Пермь считалась губернским центром. Там находилось много административных и церковных учреждений; крупных же промышленных предприятий в черте города не было. Поэтому представителям буржуазных и соглашательских партий удалось занять господствующее положение в управлении Пермью, влиять на умы обывателей и солдат гарнизона, печатать газеты с контрреволюционными статьями и призывами.

Исполнительный комитет городского Совета, куда входили

в основном эсеры и меньшевики, запрещал выдавать большевикам пропуски в казармы, стремился не допускать их выступлений на митингах и собраниях. Губернский крестьянский съезд, прошедший здесь 15—19 мая, принял по всем вопросам только эсеровские резолюции.

И для укрепления Пермской большевистской организации Уральский областной комитет направил туда в начале июня Толмачева.

Революционный опыт, приобретенный в Петрограде и Екатеринбурге, помог Толмачеву быстро включиться в агитационную работу. Одним из ближних его помощников стал Василий Решетников, председатель районного комитета РСДРП(б) в Мотовилихе. Толмачев сумел наладить доставку в Пермь из Петрограда литературы, газет, сам сочинял листовки, как всегда, активно выступал на митингах.

Его видели и среди железнодорожников, и в цехах Мотовилихи, и в казармах.

Чтобы быть ближе к солдатской массе, стать среди них своим человеком, Василий Решетников записался добровольцем в 107-й запасной пехотный полк. Теперь Толмачеву стало легче проникать в казармы, вести там пропаганду, разоблачать эсеровские лозунги. Ведь самой главной опорой эсеров в губернском центре все же были воинские подразделения.

Вскоре после приезда в Пермь Толмачев вошел в состав городского комитета РСДРП(б), возглавил его военную организацию, затем был избран членом Уральского областного и Пермского Советов рабочих и солдатских депутатов. При его активном участии осенью стала выпускаться газета «Пролетарское знамя».

Типографию для газеты Толмачев присмотрел на Чусовском заводе еще в июле. Владельцу ее был внесен аванс, 3 тысячи рублей. Но тот, разведав в последний момент, что покупают типографию большевики, подстрекаемый заводской администра-

цией, отказался от заключенной сделки, потребовав: — Выкладывайте немедленно все 11 с половиной тысяч наличными... Иначе не быть вам хозяевами!

Такой крупной суммой в те дни комитет РСДРП(б) не располагал. Однако Толмачев не растерялся, и по его предложению был организован сбор недостающих денег среди рабочих.

Деньги, даже с избытком, хотя и было воскресенье, быстро собрали. Только меньшевики сорвали покупку. Они настояли, чтобы оборудование типографии было продано эсеро-меньшевистскому Совету.

В конце концов типографию большевистский комитет с трудом, но нашел. Передовую статью для первого номера газеты написал сам Толмачев. Называлась передовая «Только два фронта». В ней говорилось о событиях в столице и ставились революционные задачи перед трудящимися Перми...

После июльских событий в Петрограде в создавшихся новых условиях мирный путь революции оказался невозможным. VI съезд партии большевиков взял курс на подготовку вооруженного восстания.

25 октября (7 ноября) в Петрограде совершилась социалистическая революция. Но в Перми эсеры и меньшевики пытались и после получения известий о свержении Временного правительства всеми силами сохранять свое влияние в Совете. Они по-прежнему делали ставку на гарнизон. Но осенью 1917 года настроение солдат было уже иным. Восторженно встретили они выступление Толмачева на митинге и заявили о полном признании власти Совета Народных Комиссаров.

Первый губернский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов, открывшийся в Перми 16 декабря, провозгласил Советскую власть на всей территории Пермской губернии.

В самом конце 1917 года Толмачев уехал в Петроград. Там 5 января в Таврическом дворце открылось Учредительное собрание, а он от Пермской губернии по списку большевиков числился его членом.

Но эсеро-меньшевистское большииство Учреднтельиого собрания не пожелало призиать и подтверднть декреты II съезда Советов. Большевнкн покинулн Таврнческнй дворец. А иа другой деиь Учреднтельиое собраине было распущеио.

Назад, в Пермь, Толмачев ие вериулся: его выбралн члеиом нсполкома и секретарем президнума Выборгского Совета рабочнх депутатов. Одиако вскоре ему прншлось все же возвратнться иа Урал. На Урале разгоралась гражданская война.

В Екатериибурге Толмачев был введен в состав Уральского областного комнтета партии, стал члеиом президнума нсполкома Уральского областиого Совета.

Прн его участнн формнруются красногвардейскне отряды, иаправляемые протнв белоказаков атамаиа Дутова. С однмм из этнх отрядов он едет иа фронт и сам.

«Дорогне! — пишет Толмачев в письме к родным.— Сейчас революцня должиа защищаться в обстановке чудовнщно тяжелой. Я не счнтаю возможиым быть простым зрнтелем, тем более что мое активное участие в рабочем движении делает для меия иравствеиным долгом принять лнчное участне в обороне страны. Поэтому с первым уральским отрядом еду иа фронт. Еду комиссаром областиого Совета при 4-й Уральской дружние. Всего в отряде 4 дружниы (1600 чел.). Дружииа хорошая, нз отбориых рабочих окружных заводов, коиечно, обученная несколько иаспех...

...Снаряжаюсь в дорогу, как солдат. У меня есть солдатскнй теплый костюм, две пары сапог, кожаиая куртка — целое придаиое! Завел вместо пенсне очкн,— и теперь с вннтовкой в руках — заправскнй солдат! «На плечо! К ио-ге-е!» — все это могу проделать с ловкостью иовобраица. Ну, конечио, масса дел с формированием отряда. Прощайте. Не сердитесь. Крепко, крепко целую вас всех...» [25]

Самым главиым оружием в борьбе против казаков-дутовцев Толмачев считал революцноииую агитацию:— Мы должны ие-

медленно нанести контрудар противнику: составить воззвание к тому трудовому казачеству, которое все еще колеблется. Надо рассказать, кто такой Дутов, доставить в станицы наши лозунги, статьи, брошюры. Это же первостепенное оружие Советской власти...

Часто Толмачев выезжал в казачьи станицы. Охраны с собой не брал, так как верил, что «большевистская правда оборонит от всех врагов».

Однажды в станицу Солянка, где Толмачев на церковной площади организовал митинг, на рысях влетел разъезд дутовцев. Дутовцы не подозревали, что выступающий оратор — красный комиссар. Выступление их заинтересовало, они спешились, и кое-кто из них даже начал задавать Толмачеву вопросы. Старшему разъезда это не понравилось, и он приказал арестовать оратора. Но поднялся шум. Протестовали не только жители станицы, но даже некоторые дутовцы.

Неожиданно в Солянке появился красногвардейский отряд. Казаки перепугались.

— Не бойтесь, товарищи,— успокоил их Толмачев,— вас здесь никто пальцем не тронет. Разъезжайтесь по своим станицам, хуторам и расскажите все, что сегодня слышали от меня...

Слова большевистской правды доходили до казаков. Силы дутовцев таяли. В красные отряды вливались казачьи добровольцы. И в станице Адамовской в конце апреля этот поход уральских красногвардейцев закончился.

Многому научился Толмачев в борьбе против белоказаков. Поэтому, когда чехословацкий корпус поднял мятеж против Советской власти, Уральский обком партии поручил Толмачеву сформировать интернациональный отряд из бывших военнопленных, венгров и немцев, и выехать вместе с ним в Златоуст. В отряд вступили и молодые рабочие Екатеринбурга.

В Златоусте уже находился Малышев, назначенный командующим и комиссаром этого участка Северо-Урало-Сибирского фронта. Он и Толмачев возглавили оборону города. Кроме того, на плечи Толмачева легла огромная забота политического

воспитания красных бойцов. В это время нм было написаио первое по сути дела специальное пособие для армейских политработников «Конспект политграмоты».

Когда на Восточном фронте была создаиа 3-я армия, то ее главным политкомнссаром с коица 1918 года становится Толмачев. Одну нз основных задач политического просвещения красноармейцев он видел в улучшенин агитационной работы и считал необходимым оргаинзовать специальные курсы для подготовки квалифицироваиных агнтаторов. Когда эти курсы былн создаиы, Толмачев сделал в дневнике запись:

«Страшно велнка жажда настоящего знания у рабочих и крестьян. Вчера, открывая курсы, я говорил на тему: «Наука и рабочий класс»,— у моих слушателей горели румянцем щеки и блестелн глаза. Глядя на иих, меня самого захватила мысль о величин научных перспектив будущего...»

В марте 1919 года, после VIII съезда партии, делегатом которого Толмачев был, его направляют в Петроградский военный округ. В Петрограде он организовал курсы политработииков; на их базе потом возник учительский институт Красиой Армии.

Ранним утром 26 мая в бою с отрядами генерала Юденича под Петроградом (около деревни Красные Горы) Толмачев получил в атаке тяжелое штыковое ранение. Истекая кровью, он продолжал стрелять в наступающне белогвардейские цепи. Около него мужественно сражались несколько бойцов, остальные погнблн. Когда в нагане осталась последняя пуля, Николай Гурьевич, ие желая попасть в плен, пустнл ее себе в висок. А предпоследией — уложнл ротного командира. Этот командир, бывший офицер, решил сдаться н, подняв дрожащие руки, шагнул в сторону врага... В бессильиой ярости кололи штыками белогвардейцы бездыханиого комиссара...

Очень скоро наши частн отбнли деревню Красные Горы; тело Толмачева было найдено и увезено в Петроград. 8 июня с воинскимн почестями его похоронилн на Марсовом поле.

ПОСЛАНЕЦ БАЛТИКИ

...Дома, как ледоколы у причала,
Вмерзали в грунт.
И словно над Невой
«Да здравствует Балтийский
флот!» — звучало
Над екатеринбургской мостовой.

В. Сибирев

В один из сентябрьских дней 1917 года по ступенькам Екатеринбургского вокзала спускался молодой белокурый светлоглазый моряк. Это был кочегар линейного корабля Балтийского флота «Заря свободы» Павел Хохряков. По рекомендации Якова Михайловича Свердлова его направили на Урал с ответственным заданием.

— Политическое воспитание масс,— говорил ему при последней встрече Свердлов,— пока еще не закончено. А вы в своих выступлениях на митингах и в газетных статьях рассуждаете правильно и в то же время очень просто — умеете находить нужный язык с людьми. Поэтому придется вам поехать в Екатеринбург. Надо помочь, товарищ Хохряков, Уральской организации в агитационной работе и в подготовке к вооруженному восстанию. Если почему-либо здесь, в центре, борьба за власть будет затруднена, начнем с других мест... С решениями VI съезда партии вы, конечно, знакомы...

Павел Хохряков попал на флот в начале осени 1914 года, когда по городам и селам России с котомками за плечами тянулись мобилизованные. Вятское воинское присутствие «определило» его, крестьянина деревни Хохряки, «для прохождения службы в Балтийском флоте», и направило в Петроград.

Первые месяцы Павел в казарме флотского экипажа прошел всю «науку», которую старшие чины преподносили новобранцам

с руганью, с зуботычинами. Не лучше обстояло дело и на линейном корабле «Александр II», куда в январе 1915 года Хохрякова зачислили кочегаром.

Командир «Александра II» капитан первого ранга Повалишин чуть ли не ежедневно отдавал приказы в таком духе:

«Матроса I статьи Ивана Белова за курение на улице арестовать на 8 суток усиленным арестом... Плотник Егор Пятаков за неотдание чести унтер-офицеру подвергается аресту на 3 суток».

Среди команды линейного корабля заметно выделялся артиллерийский унтер-офицер I статьи Иван Сладков. Всегда в подогнанной форменке, с закрученными кверху черными усами, с блестевшей на груди медалью «За усердие», он был образцом исполнительности и дисциплины. Начальство ставило его в пример другим. Но мало кто знал, что Сладков возглавляет на линкоре подпольную большевистскую организацию, самую крупную и самую активную во всем учебно-артиллерийском отряде, куда входил и «Александр II».

Сладков и его товарищи присматривались к Павлу Хохрякову. Им нравился любознательный сероглазый кочегар. Сначала намекали, а затем уже и прямо раскрыли они глаза молодому матросу на сущность империалистической бойни, рассказали о продажности царских министров и бездарности военных руководителей, о прибылях, получаемых капиталистами и помещиками, о тяжелом положении трудового народа, о людях, которые борются за его счастье, и их вожде Владимире Ильиче Ленине.

20 декабря предатель матрос Банщев донес старшему офицеру, что унтер-офицер Сладков ведет с нижними чинами «недозволенные» беседы, читает им «крамольные прокламации».

— Он, ваше высокоблагородие,— холуйски предупреждал Банщев,— шибко хитро себя держит, никогда группы не соберет, а старается либо с одним, либо с двумя человеками говорить...

За Сладковым установили слежку.

1 января 1916 года Павла Хохрякова произвели в кочегары I статьи. Кое-кто из товарищей шутливо поздравлял его с «по-

вышением». Настроение же у Павла было подавленное: не стало рядом Сладкова. Многие матросы, когда вблизи не оказывалось начальства, спрашивали:

— Что с Иваном?

— Арестован.

Сладков был схвачен 28 декабря при попытке доставить антивоенные листовки на линейный корабль «Цесаревич». Вскоре по доносу того же Баишева жандармы арестовали еще нескольких человек из подпольной организации «Александр II». Прошли аресты и на других кораблях Балтийского флота. Однако выявить всех «смутьянов» жандармам не удалось.

После этих событий одним из руководителей подполья на «Александре II» стал Хохряков. Для молодых матросов он был теперь тем, кем в свое время оказался для него Сладков.

Так член РСДРП(б) с 1916 года Павел Хохряков выбрал себе дорогу активной борьбы за освобождение трудового народа..,

Эти далекие теперь времена вспомнились Павлу, когда он с небольшим флотским сундучком шагал по екатеринбургским улицам. Город был ему знаком. До военной службы он несколько раз приезжал сюда со старшими братьями зимой на приработки.

Дом Екатеринбургского комитета РСДРП(б) Павел отыскал на Покровском проспекте. Поднявшись на верхний этаж, открыл дверь в первую попавшуюся комнату, откуда раздавался чей-то резкий голос. Никто из присутствующих здесь не обратил на Павла внимания. Все слушали грузного седоватого подпрапорщика. Обращаясь к молодому человеку с небольшими светлыми усами, подпрапорщик вопил, призывая в свидетели чуть ли не весь мир.

— Виноваты вы, большевики! Да! Да! Как социалист-революционер я настаиваю на этом!

Павел не выдержал:

— Послушай, эсер,— сказал он, глядя в упор на подпрапорщика,— разве не с согласия твоей партии запирали революционных вождей народа в тюрьмы в июльские дни, а товарищ Ле-

нин и сейчас еще вынужден скрываться? Разве не твои друзья благословили разгром рабочих и солдатских газет? А не ваш министр эсер Керенский ввел смертную казнь для солдат, которым вы якобы требуете земли и воли?

— Это черт знает что такое! — подпрапорщик задохнулся от злости.— Иезуитские приемы... Но мы еще встретимся, матрос!

Он выскочил, хлопнув дверью. Все расхохотались. Павел подошел к светлоусому молодому человеку.

— Я только прибыл из Петрограда. Вот мой мандат.

— Павел Хохряков? — светлоусый крепко пожал матросу руку.— Я Малышев... Иван Малышев... А здорово ты подпрапорщика отделал! Сразу видно, что практика есть...

Практика в таких делах у Павла действительно была. В дни Февральской революции команда «Александра II» вместе со всем Балтийским флотом радостно приветствовала свержение самодержавия. На корабле был выбран судовой комитет. На место ненавистного матросам командира стал любимец команды лейтенант Кондратьев. Долго гремело приветственное «Ура!», когда к борту подошел катер с освобожденными из тюрьмы товарищами во главе с Иваном Сладковым. Старое название линкора по общему требованию было заменено новым — «Заря свободы».

По поручению судового комитета Павлу часто приходилось бывать в Кронштадтском Совете рабочих и солдатских депутатов. Молодой кочегарный унтер-офицер в спорах с эсерами и меньшевиками активно защищал позицию большевиков, выступал на митингах в Кронштадте, Петрограде и вскоре стал одним из популярных большевистских ораторов.

Весной, в начале апреля, из Кронштадта на фронт выехала группа членов флотской партийной организации. Руководил ею Павел Хохряков, разъездной агитатор Кронштадтского комитета РСДРП(б).

«Цель нашей поездки,— писал Хохряков в кронштадтской газете «Голос правды» 7 (20) мая 1917 года,— было взаимное

осведомление о положении дел, агитации солдат на фронте и содействие их организации... Что же мы увидели, когда приехали на позицию? Товарищи солдаты знают, что царя нет, но есть Временное правительство, на которое нужно чуть ли не молиться, и есть Совет рабочих и солдатских депутатов, который необходимо удалить, так как он мешает работать Временному правительству. Так говорили командиры. Правда, были и такие офицеры, которые пошли навстречу солдатам и помогли им организоваться, но много еще темных сил, которые, кроме вреда, ничего не приносят. Многие из офицеров не могут себе представить, что нельзя солдат бить по морде и сечь розгами. Они высказывают желание воевать до последнего человека и вполне поддерживают интересы тех хищников, которые чужую кровь превращают в чистое золото.

Но товарищи солдаты говорят иначе: их лозунг — долой войну! Они, усталые, измученные, босые и голодные, более двух лет гниющие в болотах,— все они, как один человек, хотят скорейшего мира...»

16—29 мая Кронштадтский исполнительный комитет принял решение о переходе всей власти в городе-крепости в руки Совета рабочих и солдатских депутатов и о неподчинении Временному правительству. Буржуазные и соглашательские газеты не замедлили выступить с гнусной клеветой на революционный Кронштадт. Они писали, что Кронштадт якобы решил «отделиться от всей России и создать самостоятельную республику». Конечно, не все верили этим небылицам. Однако врагам Балтийского флота и революции удалось увести за собой отдельные части Ревельского гарнизона. Кронштадтский комитет РСДРП(б) направил туда лучших моряков-агитаторов во главе с Павлом Хохряковым.

Ставка врагов на изоляцию Кронштадта от других частей Балтийского флота оказалась битой...

С мандатом агитатора Хохряков побывал и в родных местах. Там земляки-крестьяне избрали его в Вятский исполнительный комитет в качестве члена с решающим голосом.

Прибытие в город агитатора-большевика из Кронштадта не на шутку встревожило местные власти. Вятский исполнительный комитет, в котором было засилье меньшевиков и эсеров, срочно созвал специальное заседание. Одни члены комитета предлагали немедленно арестовать кронштадтца, другие — объявить военнопленным, как прибывшего из «отдельной республики». Павла вызывали в Совет, пытались запугать, грозились отобрать документы, но он не сдавался. В течение целого месяца вятские рабочие и крестьяне с жадностью слушали на митингах и собраниях страстное слово балтийца-агитатора...

Так что практика у Хохрякова была.

Малышев представил моряка присутствующим:

— Наш новый товарищ, Павел Данилович Хохряков, матрос Балтийского флота, направлен сюда по заданию Центрального Комитета.

С подоконника соскочил высокий кудрявый парень и звонко закричал:

— Да здравствует Балтийский флот!

Старик в поношенной железнодорожной тужурке строго посмотрел на парня, и тот молча сел на прежнее место.

— Ну, матрос,— обратился старик к Павлу,— рассказывай, как там дела в Питере, как Ленин?

— Да, да! — дружно поддержали остальные.— Полный доклад сделай!

— Как флот себя чувствует?

— Когда Якова Михайловича в последний раз видел?

— Верно ли говорят, Временное правительство собирается бежать из Питера и отдать революционную столицу на расправу Вильгельму?

Беседа затянулась. Павел ознакомился с положением дел в Екатеринбурге.

— Главное внимание,— напомнил Малышев,— надо обратить на казарму, на вчерашнюю деревню, где эсеры с их лозунгами о земле были в свое время популярны. Не секрет, что многие

в Екатеринбургском гарнизоне заражены эсеровским душком. Правда, после разгрома корниловщины доверие к эсерам и меньшевикам ослабло. Наша задача — развернуть упорную агитационную работу. Екатеринбургский Совет рабочих и солдатских депутатов должен полностью стать большевистским!

Павел сразу же начал кипучую агитационную деятельность. Его можно было встретить на Верх-Исетском заводе, в рабочих кварталах, в Оровайских казармах. Рабочие и солдаты видели в нем своего человека. Павел говорил просто и ясно, энергичными жестами подчеркивал самое важное.

Часто митинги проходили в самом центре города — на Кафедральной площади.

Выступали представители различных партий. Большевикам важно было, чтобы народ убедился, кто по-настоящему защищает его интересы. Большевики не спешили выступать первыми, а когда меньшевики и эсеры излагали свои «программы», неизменно появлялся Павел. От «доводов» соглашателей не оставалось камня на камне.

— Крой их, матрос! — раздавались одобрительные голоса.

— Так их, товарищ Павел! — кричали солдаты, знавшие Хохрякова по выступлениям в казарме.

В октябре прошли перевыборы Совета. Большинство в нем получили ленинцы. Депутатом от солдат был Павел Хохряков. Сначала он работал в агитационно-пропагандистском отделе Совета, затем стал членом исполнительного комитета, а позже — начальником Центрального штаба Екатеринбургской Красной гвардии.

На мятеж генерала Корнилова рабочий Урал ответил тогда формированием отрядов Красной гвардии. Огромную роль в этом сыграл Павел Хохряков. Когда в ночь на 26 октября телеграф принес из Петрограда сообщение: «Зимний дворец занят. Министры арестованы»,— Павел со своими красногвардейцами уже готов был по первому сигналу выступить против врагов революции...

Для охраны порядка Екатеринбург был разбит на четыре района. Особенно часто поднимались по боевой тревоге красногвардейцы четвертого, Верх-Исетского, во главе с Петром Захаровичем Ермаковым.

Банды «Гусара» Клюшина, Виктора Карманного и Пашки Грохота нападали на поезда с продовольствием, грабили жителей Верх-Исетского поселка, расправлялись с активистами. Центральный штаб вынес решение: ликвидировать бандитов. Ермаков, возвратившись с экстренного совещания, сказал своим красногвардейцам:

— От вашего имени я дал слово товарищам Малышеву и Хохрякову за одну ночь покончить с Гусаром, Витькой и Пашкой. Все подозрительные адреса у меня уже переписаны. Собраться по вечернему гудку. О том, куда идем, молчок...

— Добро, Захарыч! — похвалил Хохряков Ермакова, когда тот утром докладывал о результатах облавы.— Не подкачали верхисетцы, раскочегарили бандитские хазы...

В первые дни после революции в Екатеринбург стали приходить провокационные телеграммы. В них утверждалось, что в Петрограде восстановлена власть Керенского, что большевики раздавлены, что на столицу Урала движется Оренбургское казачье войско. Других телеграмм саботировавшие телеграфисты не принимали.

— Неверны эти сообщения! — убежденно говорил Малышев.— А если и верны, то Урал способен дать отпор казакам. Завоевания революции Красный Урал отстоит!

Чтобы выяснить действительное положение в центре страны, Павел с нарядом красногвардейцев отправился на телеграф, а затем на телефонную станцию. «Телефонные барышни» по примеру своих коллег срывали работу. Восстановить порядок помогли Павлу члены Социалистического союза рабочей молодежи, будущие комсомольцы. Заработал и телеграф.

Побывал Павел и в окружном суде. Екатеринбургский комитет РСДРП(б) поручил ему и Филиппу Голощекину превратить это учреждение в новый революционный суд.

Однажды ночью Хохряков и еще несколько красногвардейцев проверяли документы в гостинице «Пале-Рояль», находившейся на Главном проспекте.

В первых номерах, осмотренных ими, все прошло благополучно: подозрительного не обнаружили. Поднялись на второй этаж. Хохряков постучал в крайнюю дверь. Ее открыл какой-то лысый человек в нижней грязной рубахе и портяных брюках. В глубине комнаты, на широкой кровати, крепко спал еще один мужчина в одежде и сапогах.

— Ваши документы!

Лысый порылся в валявшейся сумке и испуганно протянул измятое удостоверение.

Хохряков внимательно изучил его, положил на стол и приказал:

— Садитесь!

Владелец измятого удостоверения робко пожал плечами и молча опустился на стул. Около сразу встал пожилой красногвардеец.

Принялись будить спящего. Тот протер глаза, неловко вскочил с постели и сердито спросил:

— Что такое? Что нужно?

— Документы?

— А вы кто? Кто?..

— Начальник Центрального штаба Екатеринбургской Красной гвардии.

— А!.. Хохряков... Очень приятно... Как это я спросонья не разглядел морскую форму? — проговорил неизвестный и, откинувшись к шинели, висевшей на стене, скользящим тихим движением сунул в ближний ее карман руку.

Матрос-красногвардеец Фома Гуня, почуяв недоброе, бросился на него и повалил вместе с шинелью на пол. При слабом электрическом свете блеснул браунинг, зажатый в кулаке неизвестного. Раздался выстрел, пуля врезалась в потолок. Лысый, сидящий на стуле, ойкнув, подпрыгнул.

— Связать обоих! — нахмурился Хохряков.

Гуня грубым рывком поднял неудачного стрелка и замахнулся было ударить, но Хохряков остановил.

Фома опешил:

— Павло! Он же ворог, гадюка...

— Все это так,— спокойно подтвердил Хохряков,— но рукам воли не давай!..

Рано утром в Центральный штаб Красной гвардии явились два человека в бекешах. Они требовали освобождения анархистов, арестованных в «Пале-Рояль».

Целый день Хохряков допрашивал арестованных, взятых ночью во время облавы. К вечеру он распорядился выставить на улицах усиленные «вахты» и сказал:

— От анархистов любого подарка можно ожидать.

К Хохрякову подошел седоусый красногвардеец Родион Фомич:

— Павел Данилович, вы, наверное, проголодались?

— Потом, потом, Фомич,— дружески отмахнулся Хохряков,— надо вот подумать, кого завтра отрядить в помощь комиссии...

— Какой комиссии, Павел Данилович?

— Будет проверка детских домов, школ, больниц.

— Гуню, Каторгина, Старостина,— бойко предложил Родион Фомич.

— Не подойдут: вид шибко грозный... Мы их ночью на другое дело откомандируем, главарей анархистов потрясем. Пора эту дикую партию призвать к порядку.

К сожалению, «потрясти» анархистов Хохрякову не удалось. Квартиры, о которых ему сообщили арестованные из «Пале-Рояль», оказались пустыми.

Но днем след анархистов все же отыскался. Один из красногвардейских патрулей на Главном проспекте остановил запыхавшийся рыжебородый старик без шапки. Он назвал себя поверенным лицом из Коммерческого собрания и, всхлипывая, заявил, что туда ворвались вооруженные анархисты, разгромили буфет, разогнали публику, отобрали деньги и стали орать о «реквизиции имущества буржуазных элементов».

Патруль бегом поспешил к Коммерческому собранию. Старик, утирая рукавом слезы, ковылял позади.

Парадные двери были закрыты, над ними на полукруглом балконе стояли два пулемета. Никто не отвечал на стук. Тогда старик предложил провести патруль со двора, с черного хода. Там тоже пришлось стучать довольно долго. Наконец чей-то сердитый голос спросил:

— Что нужно?

— Мы красногвардейцы! Именем Советской власти требуем открыть нам дверь! — ответил старший патруля.

— Вашей власти мы не признаем, а будете ломиться — получите пулю!

Старший послал одного из красногвардейцев на почту, чтобы позвонить по телефону в Центральный штаб.

Скоро на пролетке прибыл встревоженный Хохряков. Выслушав рапорт и сбивчивый рассказ рыжебородого старика, он смело направился к зданию.

— Я Хохряков! Открывайте!

— Тебя-то тут не хватало,— с издевкой проговорил тонкий голос, а другой, низкий, крикнул:

— Долой большевиков! Да здравствует анархия! Здесь теперь наш штаб... Убирайся!

— Ладно, сейчас мы наведем порядок,— шепнул Хохряков и, приказав усилить наблюдение, отправился на почту.

— Сверни за угол. Там безопасней,— посоветовал старший патруля.— А здесь эта сволочь непременно в спину пальнет!

Но Хохряков уже перепрыгнул через низенький деревянный заборчик сквера.

Скоро над городом, всполошив обывателей, надрывались заводские и паровозные гудки, поднимая по тревоге отряды Красной гвардии. Недалеко от кинотеатра «Колизей» (теперь «Октябрь») Хохряков давал указания подоспевшим солдатам, куда поставить пулеметы.

— Для устрашения этой банды,— говорил он,— я вызвал по телефону из артдивизиона орудие. Так мы в Кронштадте во время

Февральской революции пугнули городовых в участке на Козьем Болоте и слушателей офицерского училища. Стрелять из орудия, конечно, не будем...

Минут через двадцать тяжелая шестерка артиллерийских коней привезла пушку. Темно-зеленое дуло медленно стало подниматься вверх.

— «Мы, сжимая винтовки,— вспоминал красногвардеец А. Медведев,— неподвижно лежали на заснеженных камнях мостовой, укрываясь кто за придорожной тумбой, кто за фонарным столбом, а кто и просто в первой попавшейся выбоине».

Хохряков по телефону связался с анархистами: — Я начальник Центрального штаба Красной гвардии. От имени Совета рабочих и солдатских депутатов приказываю сложить оружие, оставить его в Коммерческом собрании и выйти к нам через парадную дверь!

В трубке раздался беспорядочный шум голосов. Кажется, нервы у анархистов не выдержали.

— Что-что? — переспросил Хохряков.

— Мы согласны освободить наш штаб, но с оружием и под партийным черным знаменем. Какие гарантии вы, начальник, даете, что не будете применять никакого насилия?

— Для преступников никаких гарантий у нас нет,— сказал Хохряков.— Сдавайте оружие! Сопротивление бесполезно... Срок пятнадцать минут, затем открываю артиллерийский огонь.

В трубке раздался шум и свист...

Прошло немного времени. Хохряков вышел из здания почты. Из окон и с балконов Коммерческого собрания по-прежнему грозно смотрели пулеметы анархистов. Но вдруг рядом с одним из них показалась длинная палка, на конце которой развевалась белая скатерть.

— Сдаются!

Хохряков кинулся бегом через улицу, на ходу выдергивая из-под бушлата наган. Со всех углов бежали красногвардейцы, солдаты... Через десять минут анархистов под усиленным кон-

всем отправили в тюрьму. Так бесславно окончился мятеж в Коммерческом собрании.

В декабре исполнительный комитет Екатеринбургского Совета поставил Хохрякова во главе отдела по борьбе с контрреволюцией. Враги ненавидели стойкого защитника завоеваний Октября. В него несколько раз стреляли из-за угла, пытались воздействовать угрозами, но ничто не могло сломить боевого духа отважного матроса.

Во многих городах Урала агенты атамана Дутова организовали тайные вербовочные пункты. В их задачу входила отправка в южноуральские степи людей, недовольных новой властью.

На Екатеринбургском вокзале круглые сутки дежурили усиленные отряды Красной гвардии, разоружая казачьи эшелоны. Казаки в полном снаряжении разъезжались с распавшихся фронтов империалистической войны по своим станицам. В станицах же действовали дутовцы.

Как-то ранним морозным утром Хохряков и его соратники-матросы, присланные для помощи уральцам, возвращались с очередной вокзальной «вахты». Когда, миновав завод Ятеса, стали подниматься в гору, натолкнулись на мужчину, лежащего без сознания на каменном тротуаре. Хохряков зажег спичку и увидел совсем молодого человека в офицерской шинели. Из-под его правого бока растекалась кровавая лужа.

Хохряков приказал осмотреть карманы раненого. Но, кроме письма к женщине, там ничего не нашли. В письме говорилось о какой-то «среде подлых людей», о «каком-то ужасном деле». Офицера на подвернувшейся встречной подводе увезли в больницу.

Через несколько часов он пришел в себя и рассказал дежурившему у его койки матросу Сергею Дьячкову о тайной контрреволюционной организации, связанной с Дутовым, и назвал адреса и фамилии известных ему заговорщиков. Эти заговорщики пытались разделаться с ним за сочувствие декретам Советской власти.

Хохряков решил провести обыски во всех указанных домах. В одном из них задержали подъесаула, личного ставленника Дутова. Допрос подъесаула Хохряков вел в штабе Красной гвардии вместе с Ермаковым.

— По какому делу приехали в Екатеринбург? — начал он.

— Разрешите закурить? — галантно попросил подъесаул и, выпустив изо рта клуб дыма, лениво произнес: — Приехал подыскать богатую невесту.

Красногвардейцы, находившиеся в комнате, не могли удержаться от смеха.

— Смеетесь? — огорченно вздохнул подъесаул, кутаясь в облезлую шубу.— Где же вам понять. Мы, офицеры, в настоящее время, так сказать, не у дел. Мой собственный папаша на жизнь не дает ни гроша. Считает меня кутилой и игроком.

— Вы что же, по банку любите бить? — с иронией поинтересовался Хохряков.

— Приходилось иногда, при хорошей карте.

— А сейчас на банк голову поставили? Рассчитывали выиграть, а карта-то оказалась битой... Отвечайте, сколько вам предложил денег за выигрыш Дутов? — сверкнул Хохряков взглядом.

Ермаков напомнил арестованному, как тот позавчера в одном из домов Екатеринбурга (а это рассказал раненый офицер) ораторствовал от имени Дутова и с гордостью демонстрировал присутствующим бумагу, подтверждающую дутовское полномочие...

Так, задавая по очереди вопрос за вопросом, Хохряков и Ермаков стали выводить подъесаула на чистую воду. В конце концов он назвал адрес основной конспиративной квартиры, где собирались деятели так называемого «Союза фронтовых офицеров».

Поспешив в указанный дом, находившийся около Сенной площади, красногвардейцы осмотрели и столовую, и спальню, и кухню, простукали стены, заглянули за рамы, обшарили чуланы и сараи, но ничего не обнаружили. Хозяева же упорно молчали.

Неожиданно внимание Хохрякова привлек тульский самовар, стоящий на кухонном столе. Ему показалось странным: самовар, и труба к нему есть, а отверстие для самоварной трубы в печи отсутствует.

По указанию Хохрякова, Сергей Дьячков, вооружившись сковородником, принялся за печь. На пол полетели куски известки и глины, и вскоре открылась искусно залепленная дыра. В этой дыре хранились деньги и свертки с документами дутовских заговорщиков...

В январе белоказаки, разбитые под Оренбургом, в панике отступили к Верхне-Уральску. Из города они даже не сумели вывезти своих раненых, а на станции бросили трехдюймовые орудия. Сам атаман Дутов едва избежал плена.

С победой вернулся сводный отряд Ермакова (отряды верхисетцев, железнодорожников и городской). Но дорогой ценой она досталась. Печатая шаг по снежной мостовой, под звуки траурного марша, медленно двигались по Екатеринбургу красногвардейцы, неся на плечах обитые алой материей и увитые хвоей гробы с телами погибших товарищей.

На Кафедральной площади, где уже собрался народ, процессия остановилась. Чернела глубокая братская могила.

У чугунной ограды собора, подняв воротники пальто, шептались два человека.

— Штабс-капитан ловко придумал,— говорил тот, который выглядел помоложе.— Сейчас, когда будут хоронить убиенных совдеповцев, в самый раз ударить...

— Тише! — предупредил его старший.— А, и сам красногвардейский адмирал здесь... Все идет великолепно.

Хохряков, сняв бескозырку, подошел к краю братской могилы и глухим, но твердым голосом начал:

— Последний прощальный привет принесли мы вам, товарищи! Вы отдали за рабоче-крестьянскую власть все, что имели: молодую жизнь свою и показали, как надо защищать революцию.

Спите спокойно, дорогие. Мы не оставим ваше дело и доведем его до конца, до победы...

А двое у собора все перешептывались, бросая настороженные взгляды:

— Где же штабс-капитан? Почему нет сигнала?

— Вынуть руки из карманов! Живо! — Заговорщики испуганно обернулись. Красногвардеец в темно-синей шинели пожарного, видимо, командир патруля, добавил: — Сопротивление бесполезно, ваши напарники уже взяты...

Вечером Хохряков допрашивал плотного чернобородого мужчину, одетого в поношенный офицерский китель...

В тот траурный январский день специальный отряд, организованный по инициативе лидера екатеринбургской кадетской партии Б. Кроля, должен был открыть огонь по похоронной процессии. Но накануне верх-исетский красногвардейский патруль задержал двух спекулянтов. Задержанные признались, что они и еще «несколько их коллег» завербованы на толкучке каким-то неизвестным чернобородым человеком в «белую гвардию». За согласие принять участие в налете на похоронную процессию (врагам, оказывается, было заранее известно о ней) спекулянты получили в задаток по пятерке и винтовки системы «Гра». Утром на месте сбора им обещали выдать патроны...

Нити заговора были нащупаны, и все заговорщики обезврежены.

В редкие часы отдыха Павел Хохряков любил бывать среди молодежи. С ней он мог посмеяться, пошутить, лихо отплясывал и показывал «гусиный шаг». «Гусиный шаг» выглядел очень смешно. Павел, танцуя вприсядку, выбрасывал далеко вперед ноги и как бы загребал ими по полу. Из песен ему больше всего нравилась «Гибель «Варяга». Он признавался, что всегда сильно волнуется, слушая эту песню.

Особенно близко подружился Павел с братом и сестрой Наумовыми, Константином и Татьяной. Таня Наумова стала впоследствии его верным помощником во многих опасных делах.

Часто Павлу приходилось выезжать с отрядами Красной гвардии в те районы Урала, где поднимала голову контрреволюция.

В январе Советским правительством был издан декрет о создании регулярной Красной Армии. Красная гвардия Екатеринбурга стала ее резервом. Возглавил этот резерв Павел Хохряков. А вскоре он получил новое важное задание.

На северо-востоке от Урала, на высоком берегу Иртыша, расположился небольшой город Тобольск, бывший губернский центр.

Но в последнее время Тобольск вдруг стал привлекать внимание многих. Здесь, в доме, в котором до Февральской революции жил губернатор, теперь обитал со своей семьей последний русский царь Николай Романов, направленный в ссылку еще Керенским.

С бывшим императором для его охраны был прислан отряд из отборных гвардейских солдат. Командовал гвардейцами рьяный монархист полковник Кобылинский.

Пролетариат в Тобольске был малочисленный. Купцы, рыбопромышленники, духовенство (по соседству с городом имелось два монастыря) по-прежнему оказывали влияние на умы обывателей. В Совете власть принадлежала представителям соглашательских партий.

Представители местного Совета боялись вмешиваться в дело содержания и охраны Романовых, да их и близко не подпускали к губернаторскому дому. А между тем в Тобольск и в его окрестности продолжали прибывать представители монархических организаций. Они хотели дождаться вскрытия Иртыша и Оби, чтобы через эти реки увезти Романовых в Обскую губу, а затем за границу. Контрреволюция мечтала собрать вокруг Николая все свои силы, сделать его знаменем в борьбе с Советской властью.

Создавшаяся тревожная обстановка требовала самых решительных действий. Президиум областного Уральского Совета, по

указанию Я. М. Свердлова, решил перевести Романовых в более надежное место — в Екатеринбург. Это дело было поручено Павлу Хохрякову.

Во второй половине марта уральские рабочие отправились из Екатеринбурга в Тобольск. Ехали тайно, некоторые под видом скупщиков, некоторые будто бы в поисках работы. Хохряков и Таня Наумова под видом молодоженов. У Тани под Тобольском были родители, и она хотела «познакомить» их со своим «мужем». Нужна была осторожность, чтобы никто не знал об этой поездке.

«Приехав в Тобольск,— вспоминал один из участников той тайной экспедиции Александр Авдеев,— наш маленький отряд наметил вначале четыре основные задачи: удостовериться в наличии Николая Романова в бывшем губернаторском доме, войти в связь и выяснить настроение солдат из охраны царя, войти в связь с местной руководящей властью меньшевиков и эсеров, ознакомиться с настроением местных рабочих (консервная фабрика, лесопильный завод, зимовка пароходов) и взять их под свое влияние. Для выполнения этих задач отряд разбился на небольшие группы, чтобы было легче действовать...» [26]

...Настроены рабочие Тобольска были по-большевистски. Исключение составляла команда шхуны «Св. Мария», стоящей там на зимовке. После выяснилось, что именно это судно и было намечено монархистами «для увоза Николая за границу».

За бывшим губернаторским домом по приказанию Хохрякова велось наблюдение. Было установлено, что к царю каждый день входят в штатской одежде 10—15 человек, довольно подозрительных. Один из помощников Хохрякова, рабочий со Злоказовского завода Логинов, сумел познакомиться с солдатом охраны, напоил его, и тот проговорился:

— Скоро я... и все мы поедем домой...

— Почему это все вы поедете домой? — осторожно спросил Логинов.

— Реки вскроются... и охранять будет некого...— бормотал солдат.

Хохряков сообщил об этом разговоре по телеграфу в Екатеринбург и просил прислать надежный красногвардейский отряд из уральских рабочих. Чтобы напугать заговорщиков, был пущен слух, что около Тобольска появился тысячный большевистский отряд. Обыватели начали говорить о «несметных силах» большевиков.

Опираясь на рабочих города и на отряды, вскоре прибывшие из Екатеринбурга и Омска, Хохряков и его товарищи провели перевыборы местного Совета, изгнали оттуда меньшевиков и эсеров. Председателем исполнительного комитета Тобольского уездного объединенного Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов 9 апреля был избран Хохряков.

Под наблюдением нового Совета неустанно находился губернаторский дом и охрана бывшего царя. Хохряков лично убедился, что царь и его семья на месте, никуда не скрылись. Рассказывая Тане Наумовой о посещении губернаторского дома, Хохряков удивлялся, что Николай как будто даже не переживал ссылку, был весел и задавал глупые вопросы. Зато бывшая царица не скрывала свою ненависть.

С полномочиями от ВЦИКа в Тобольск с отрядом прибыл некий Яковлев-Мячин. Он должен был перевезти семью Романовых на Урал. Но поведение Яковлева сразу же вызвало подозрение. Слишком уж он был приветлив с Романовыми и упорно отмалчивался, если его спрашивали: куда и когда повезут бывшего царя.

Хохряков прямо заявил Яковлеву, что лишь вскроются реки, за последствия трудно будет поручиться; заговорщики сделают не одну попытку освободить царя. Тобольские рабочие волнуются и требуют, чтобы Николай был направлен в более надежное место. Хохрякова поддержали все большевики, и Яковлев вынужден был согласиться. Решили, что сначала поедут бывший царь, царица и дочь Мария. Остальных повезет Хохряков.

Однако по железной дороге из Тюмени Яковлев попытался направиться в глубь Сибири. Но посланцы Хохрякова, неустанно наблюдавшие за поездом, и уфимские красногвардейцы, быв-

ние в отряде Яковлева, сумели быстро известить Екатеринбург. На одной из станций Яковлеву вручили телеграмму Уралсовета, в которой его действия объявлялись вне закона, если он не повернет поезд на Екатеринбург. В противном же случае все советские органы обязаны были задержать или же взорвать поезд.

Из попытки Яковлева выкрасть Романовых ничего не вышло, а сам он вскоре открыто перешел на сторону контрреволюции.

30 апреля на пленарном заседании Тобольского Совета Хохряков сделал доклад о ликвидации монархического заговора и об отправке трех Романовых в Екатеринбург. Действия его были Советом одобрены. В мае и остальные Романовы с челядью покинули Тобольск.

Уралсовет отзывал Хохрякова в штаб резерва Красной Армии: требовалось срочно переформировать красногвардейские отряды в регулярные роты и батальоны.

На Урале и в Сибири начали вспыхивать кулацкие восстания. Под Екатеринбургом на Сибирском тракте и на других ближайших дорогах часто появлялись подозрительные лица, на крестьянских подводах обнаруживалось искусно спрятанное оружие.

Из Екатеринбурга на восток спешно уходили экспедиционные отряды. Самый крупный из них должен был выступить в сторону Тюмени и Тобольска, где положение становилось особенно напряженным. Бойцы интересовались, кто возглавит отряд, и, узнав, что командиром назначен Павел Хохряков, говорили:

— Сам начальник штаба Красной гвардии! С таким не пропадешь.

14 июня хохряковцы уже выгружались из эшелона в Тюмени. Сразу же по решению Военно-революционного штаба Урало-Сибирского фронта была организована Тюменская военная флотилия. Командующим утвердили Хохрякова, предоставив в его распоряжение пароходы, «забронированные» мешками с песком. Штаб флотилии размещался на буксире «Ермак». В качестве разведывательных судов использовался буксир «Константин» и

две моторные лодки. Вооружение флотилии состояло из двух трехдюймовых орудий и двадцати семи пулеметов.

Из Тюмени «эскадра» Хохрякова двинулась вниз по Туре к Тобольску, захваченному белыми. Первый крупный бой разгорелся у деревни Бачелино. Красная флотилия успешно атаковала пароходы противника. Но так как само Бачелино было занято с суши двумя офицерскими отрядами, Хохрякову пришлось отойти к деревне Иевлево, на Тобол. Устье реки Тавды было отрезано.

Белые, имея в авангарде свою флотилию, двинулись на юг вдоль Тобола. Они мечтали захватить Тюмень, но пароходы Хохрякова мешали им. У села Покровского, в 80 верстах восточнее Тюмени, разгорелся новый бой. В газете «Борьба с контрреволюцией» от 23 июля 1918 года Хохряков рассказал сам об этом:

«У нас был бой морской, я командовал шестью своими кораблями, столько же приблизительно и у неприятеля, и мы схватились под Покровским, селом Гришки Распутина. У меня флагманский головной корабль с трехдюймовым орудием и тремя пулеметами. Кораблишко невидный, адмирал-то я тоже неособенный, а против меня вышла морская бригантина, которой командовал офицер флота.

Дело, братцы, было горячее: в продолжение двух с половиной часов жарили один в другого из орудий и пулеметов, сходясь на расстоянии двухсот сажен. Враги на палубе своих кораблей подставили под наши выстрелы наших пленных товарищей. В конце боя, когда мы, лавируя, отступали и наступали, мы противником были оттеснены верст на десять. Но, сделав два удачных маневра, стали бить морскую бригантину и оттеснили ее туда, откуда вышла, сломали гребной винт, разрушили рубку, и противник в паническом ужасе стал удирать...»

Морской бригантиной Хохряков назвал шхуну «Св. Мария», на которой монархисты в свое время хотели вывезти царскую семью из Тобольска. Удачный маневр заключался в том, что Хохряков сам встал у орудия и подбил первым же выстрелом

«Св. Марию». Другой белогвардейский корабль хотел взять ее на буксир, но, получив сильное повреждение, отошел. Это был второй удачный маневр. Затем Хохряков с частью бойцов сошел на берег и гнал противника по Тобольскому тракту.

Но на южном направлении обстановка складывалась не в пользу Хохрякова. 10 июля противник занял Ялуторовск. Бои шли на подступах к Тюмени.

Узнав, что Ялуторовск находится в руках подошедших из Сибири белочехов, отряд Хохрякова отступил к Тюмени, забрал там все пароходы, по реке Туре довел их до Туринска, разоружил и вывел из строя машины.

...Обстановка на Восточном фронте была тяжелой. Врагам удалось захватить Екатеринбург, они угрожали Перми. Отряд Хохрякова получил приказ срочно двигаться к Режевскому заводу, где малочисленные отряды горняков сдерживали противника.

Оттуда Хохряков предпринял попытку повести наступление на Екатеринбург, чтобы отвлечь часть сил белых. Пройдя Егоршино, 17 августа 1918 года между станциями Монетка и Крутиха хохряковцы встретились с крупными соединениями белых. Но все попытки остановить продвижение красного отряда были отбиты. А затем Хохряков повел своих бойцов в контратаку.

— Вперед! Держитесь крепче! — то там, то тут слышался его властный голос.

Во главе взвода Хохряков перебежал железнодорожное полотно. Противник, отстреливаясь, начал отходить. Хохряков повернулся к бойцам, но в этот момент вражеская пуля сразила героя.

— Товарищи, не отступайте! Держитесь крепче! Я умираю за революцию,— успел он сказать подбежавшим друзьям.

Так погиб двадцатипятилетний матрос с линейного корабля «Заря свободы» Павел Данилович Хохряков. Отряд его сумел вырваться из вражеского кольца и вынести тело командира.

23 августа трудящиеся Перми проводили в последний путь начальника Центрального штаба Екатеринбургской Красной гвардии.

КОМИССАР СНАБЖЕНИЯ

...Это
мильои партийцев
слился,
чтоб вам противиться.
Крой,
чтоб корона гудела,
рабоче-крестьяиская двойка.
Закончим,
доделаем дело,
За которое —
пал Войков.
В. Маяковский

В одии из майских дией 1927 года сотрудиики советского полпредства в Польше прощались с отъезжавшим в Москву Владимиром Маяковским. Почти иеделю пробыл поэт в Варшаве, выступал иа писательских вечерах, знакомился с городом. Для культуриой жизии Польши этот приезд был большим событием: впервые польские литераторы прииимали поэта из Красиой Москвы.

Одиако жить в гостииице было довольио скучиовато, и Маяковский писал впоследствии, что он решил перебраться поближе к своим, «в пустующую до приезда курьеров дипкурьерскую комиату полпредства».

— Считайте меия,— сказал поэт за обедом Петру Лазаревичу Войкову, советскому полпреду в Польше,— тоже послом великой державы... литературы. Зиачит, друг к другу нам следует обращаться сугубо официальио: вы — господии посол и я — господии посол. А как же мие величать вашу жеиу?.. Видимо, госпожа пословица...

Перед отъездом Маяковского Петр Лазаревич решил сфотографировать его во дворе полпредства. Поэт охотио согласился и, расстегиув пиджак, встал под окиами со своей иеизменной тростью.

Пока Войков иастраивал аппарат, кто-то из сотрудииков полпредства сумел сиять обоих. Коиечио, тогда Маяковский и

не мог подумать, что скоро в поэме «Хорошо!», над которой он в то время усиленно работал, появятся следующие строки:

Вот с этим
видёлся
чуть не за час.
Смеялся.
Снимался около...
И падает
Войков,
кровью сочась,
И кровью
газета
намокла...

В мае 1926 года в Польше к власти пришла клика Пилсудского, ярого врага Советского Союза. Пилсудский был тесно связан с английскими империалистами, которым не давали покоя успехи мирного строительства СССР. Налеты на советское полпредство в Пекине, осада консульства в Шанхае, полицейское нападение на нашу торговую делегацию в Лондоне, провокационный разрыв дипломатических отношений со стороны Англии повлекли за собой разгул польской реакции, и буржуазные газеты Варшавы печатали призывы к новому «походу на Киев».

Для того чтобы создать серьезный конфликт, за который можно было бы зацепиться, реакционеры решили убить Войкова. «За помощью» они обратились к белым эмигрантам, и 7 июня 1927 года на перроне Варшавского вокзала советский полпред был смертельно ранен белогвардейцем Ковердой.

В ответ на трагическую гибель Войкова по всей нашей стране прокатились бурные митинги и демонстрации протеста. Проходили они и в Свердловске, где хорошо помнили Петра Лазаревича. Знали его здесь с лета 1917 года...

Еще учась в Керченской гимназии, сын преподавателя ремесленного училища Петр Войков стал задумываться над контрастами окружающей жизни и искать ответ на вопрос, как же изменить мир, в котором все основано на несправедливости.

Однажды на экзамене по истории один из членов комиссии, хмурый старик, задал ему вопрос:

— А скажите, пожалуйста, какой в России образ правления государством?

— Деспотический,— немного подумав, ответил Войков.

Старика чуть не хватил удар. Он пытался что-то промычать, но не мог. Остальные члены комиссии испуганно смотрели друг на друга.

Наконец старик хриплым голосом спросил:

— Какой? Какой?.. Как вы выразились?

— Как какой? Монархический,— хладнокровно произнес экзаменующийся...

В одном классе с Войковым учился сын владельца местной типографии. Вместе с ним Войков не один раз заходил в наборный цех. Как-то он подошел к молодому наборщику и попросил показать, как делается набор. Наборщик согласился, и через несколько минут Войков прочитал:

— «Нравится ли вам наше искусство?»

— Нравится,— сказал Войков,— даже очень нравится. Но, скажите, долго ли надо учиться, чтобы освоить это дело?

— Это такое дело, которое не имеет конца,— засмеявшись, ответил наборщик.

Войков не зря интересовался техникой ручного набора. К этому времени он уже был членом РСДРП, и Керченский подпольный комитет поручил ему организовать печатание нелегальных прокламаций.

В августе 1903 года в южных губерниях России вспыхнула всеобщая забастовка. Пролетариат Крыма не остался в стороне. Под руководством социал-демократов он поддержал бастующих рабочих Баку, Тифлиса, Батума, Киева, Одессы и других городов юга. На многочисленных митингах, которые происходили в эти дни в Керчи, выступал и светловолосый гимназист Петр Войков, «Интеллигент», как назвали его в нелегальных партийных кругах.

На следующий год «Интеллигент» был исключен из шестого класса Керченской гимназии «за неблагонадежность» и «за политику». Пришлось заканчивать гимназию в Ялте, а после, как

вспоминал сам Войков, он «работал в партии на юге России до первого ареста». Вскоре пришлось перейти на нелегальное положение и кочевать с фальшивым паспортом, ведя партийную работу. Когда стало туго, эмигрировал за границу. Царские жандармы сумели дознаться, что именно Войков был одним из самых активных участников ялтинской боевой дружины. Его фамилия числилась также в деле «О взрыве бомбы в Ялте 20 июля 1906 года», переданном в военно-полевой суд.

Поселившись в Швейцарии, Войков поступил в университет, средства для жизни добывал частными уроками. По его предложению в Женеве открыли специальную бесплатную школу, где дети русских эмигрантов учились на родном языке.

Многие предметы в этой школе вел сам Войков. «Он был поразительно и разносторонне талантлив,— рассказывал о нем один из его друзей по эмиграции.— Впервые я его узнал как учителя... и учителя, безусловно, лучшего среди русских в Женеве. Особенно он любил и умел преподавать русскую литературу. Ученики обожали его, как прирожденного педагога» [27].

Живя в Швейцарии, Войков сотрудничал в русских газетах, был членом французской и швейцарской социалистических партий, принимал участие в профсоюзном движении, во время первой мировой войны примкнул к антиоборонцам.

Когда в России вспыхнула Февральская революция, Войков вслед за В. И. Лениным вторым эмигрантским поездом выехал через Германию в Петроград. Не сумев сначала правильно разобраться в сложной политической обстановке тех дней, он принял предложение сотрудничать в Министерстве труда. Но реакционный курс Временного правительства и особенно июльские события заставили его по-иному взглянуть на происходившее. Отказавшись от «многообещающей карьеры», он отправился в Екатеринбург как представитель министерства по трудовым и продовольственным вопросам...

Большевики Екатеринбурга довольно скоро стали называть Войкова своим товарищем, и заполнение партийной анкеты только документально оформило его принадлежность к ленинцам.

Для подготовки восстания и взятия государственной власти требовалось еще большее напряжение сил революционных классов России — пролетариата и беднейшего крестьянства.

В Екатеринбурге местный Совет рабочих и солдатских депутатов по предложению Уральского областного комитета РСДРП(б) принял решение о проведении профсоюзной конференции. 10 августа в Екатеринбурге состоялось ее открытие.

Большевистский комитет Екатеринбурга поручил Войкову выступить на конференции с докладом «Профессиональные союзы и революция».

Поднявшись на возвышение, Петр Лазаревич без всякого вступления обратился к присутствующим: «...нам каждый день приходится быть начеку и готовиться к сражению против наших хозяев. С этой точки зрения мы и смотрим на задачи профессиональных союзов. Союзы всегда должны быть готовы к организованному выступлению...»

— К стачке! — крикнул кто-то из зала.

— Да! — твердо ответил Войков.— К стачке!.. Стачка — это одно из выступлений, которое может дать завоевание, нужное в определенный момент трудящимся. Но надо беречь стачку, если она для нас такая большая сила, не растрачивать ее на пустяки... Надо учесть, что иногда достаточно только угрозы стачкой, чтобы предприниматель уступил. Стачка — одно из последних средств борьбы. А наивысшее средство борьбы рабочего класса — восстание. Наша задача — готовить силы к выступлениям против капитала. Мы живем в обстановке войны и революции, и профессиональные союзы должны закрепить революционные завоевания. Ведь законодательным путем они не закреплены? Разве закреплен восьмичасовой рабочий день?..

Живописный облик докладчика, южный темперамент и пафос его доклада сначала несколько удивили присутствующих, но вскоре все это внешнее перестало казаться чем-то необычным. Делегаты конференции внимательно слушали каждое слово Войкова. А он подробно рассказывал о тех фактах, которые наблюдал во время поездки в Богословский округ...

На конференции уральских профсоюзов был создан единый центр, областной совет профессиональных союзов Урала. Секретарем этого совета избрали Войкова.

В результате кропотливой и упорной пропагандистской работы, которую провели большевики Екатеринбурга в октябре, большинство голосов в избранном совете осталось за посланцами ленинской партии. Почва для взятия власти была подготовлена вполне. Ждали только сообщений из столицы. И они пришли в ночь с 25 на 26 октября...

Вечером в Новом городском театре собрались представители Екатеринбургского Совета, партийных и профсоюзных организаций. На сцене, среди членов президиума, от большевиков находился Войков.

Исполком Екатеринбургского Совета объявил себя единственной властью в городе. Для руководства всей организационно-политической работой на первое время по образцу Петроградского военно-революционного комитета была создана специальная пятерка, куда вошел и Войков.

Но хотя пролетариат и захватил в свои руки власть, в городах наряду с Советами продолжали существовать еще и старые органы самоуправления, городские думы. Советы не могли сразу взять на себя выполнение всех их функций.

Екатеринбургский комитет РСДРП(б) решил рекомендовать в председатели городской думы Войкова, хотя среди других гласных-большевиков было немало коренных уральцев, достаточно авторитетных и хорошо разбирающихся в местных условиях. Но только Войков мог, по мнению товарищей, сочетать со своей революционной горячностью «европейскую парламентскую выдержку».

Торжественное открытие новой думы проходило в Новом городском театре. Кроме гласных собралось порядочно публики. Выборы председателя прошли без особых эксцессов. За кандидатуру Войкова подняли руки 55 гласных. Его избрание было встречено продолжительными аплодисментами.

По традиции выбранному председателю пришлось произнести перед думой присягу, по традиции он должен был надеть на шею и позолоченную цепь — символ своей должности, но последнее Войков категорически отказался сделать.

— Я слуга пролетариата,— сказал он,— а пролетариат за свою историю имел и так достаточно цепей...

...Еще в самом начале сентября в Екатеринбурге и в других уральских городах начал назревать продовольственный кризис, и одним из первых мероприятий Советской власти было налаживание продовольственного снабжения.

— В данное время у нас, на Урале, в отношении снабжения хлебом намечается катастрофа самая настоящая и страшная,— говорил Войков, открывая очередное заседание думы.— Обусловливается она рядом причин, из которых главная — экономический кризис после войны. Приходится лишь пожалеть, что мы поздно заключаем мир с Германией, которого кое-кто так и не хотел. Твердые цены, установленные нашими законами, везде пытаются сломить. «Мешочники» стали массовым и стихийным явлением. Бороться с этим явлением нужно и можно, хотя иногда у нас просто опускаются руки: трудно отнимать у голодного человека несколько пудов хлеба, когда он валяется в ногах и скрежещет зубами. Есть еще одна важная причина продовольственного кризиса. Сибирские крестьяне, а Сибирь для Урала — главный поставщик хлеба, не везут хлеб для сдачи. Нам,— заявляют они,— не требуются бумажные деньги, мы вас «бумажками» сами засыпем, а давайте нам в обмен мануфактуру или железо...

Картина, нарисованная Войковым перед гласными, отражала истинное положение вещей. Надо было срочно решать вопрос, как помочь Совету рабочих и солдатских депутатов хотя бы частично ослабить продовольственную нехватку. Однако торговцы и спекулянты, пользуясь тем, что в Екатеринбурге стало совсем плохо с продуктами, решили через своих гласных потребовать от думы отмены твердых цен на хлеб.

Но планы буржуазии провалились. Екатеринбургская дума, руководимая большевиками, сумела обменять некоторое количество уральского железа на сибирский хлеб и распределить его по рабочим кварталам.

После Октябрьской революции рабочий контроль над производством принимал все больший и больший размах. Заводчики и фабриканты саботировали рабочий контроль. В первые месяцы Советской власти продолжали существовать и старые экономические учреждения Урала, вроде заводского совещания и горного управления. Ликвидировать их сразу было сложно.

Когда Войков по поручению областного совета профсоюзов пришел знакомиться с делами горного управления, все служащие, вплоть до машинисток, встретили его гробовым молчанием.

Саботировало очень многие мероприятия новой власти и заводское совещание Урала.

Большинством голосов общее собрание заводского совещания 30 ноября приняло резолюцию, предложенную Войковым, где выражалось недоверие старому бюро.

Большевистские организации Урала в первые месяцы после Октября направили все свои основные наличные силы в местные Советы, в профессиональные союзы и фабрично-заводские комитеты, в органы рабочего контроля. Петр Лазаревич в конце 1917 года был назначен заместителем председателя заводского совещания.

Заводское совещание, которое теперь возглавлялось большевиками, на какое-то время оказалось тем централизованным органом, который управлял промышленным хозяйством всего Урала. Недаром его стали именовать Уралснабжением, и Войков позднее в своем докладе народному комиссару продовольствия от 31 августа 1918 года указывал:

«Фактически Уралснабжение явилось советом народного хозяйства Урала, да даже и формально оно было названо так, в особом постановлении ВСНХ».

Новому бюро заводского совещания приходилось разбирать многочисленные вопросы, связанные с финансированием, продо-

вольствием (куда входил и план снабжения солью всей страны, так как Урал оказался тогда единственным поставщиком соли), прекращением выпуска военной продукции заводов и регулированием уральской промышленности.

Те, кто работал с Войковым на Урале, указывали, что он никогда не отказывался ни от каких поручений, которые на него возлагали партия и советские органы.

Бывший председатель Уралсовета А. Белобородов писал в 1927 году: «Используя его знания иностранных языков, мы часто поручали ему вести переговоры с иностранными миссиями, обращавшимися к нам по всевозможным вопросам, а главным образом в связи с национализацией заводов и фабрик. Национализация весьма существенно затронула их интересы. В первую очередь она коснулась интересов английских промышленников.

Основательное знание экономических вопросов позволяло Войкову быстро ориентироваться в тогдашней обстановке, и, как экономист, он без устали работал над вопросами организации уральского народного хозяйства.

Находчивость и умение быстро организовать любое дело — вот его отличительные черты в работе...

В личных отношениях с товарищами это был внимательный человек, интересный и остроумный собеседник. В самые тяжелые моменты он не терял присутствия духа и своим остроумием и уверенностью в торжество нашего дела умел поддерживать бодрость в окружающих. Отличаясь большой работоспособностью, Петр Лазаревич вне работы находил своеобразный отдых в том, что всегда возился с разрешением каких-то сложных математических задач и говорил, что для него это лучший вид отдыха...» [28]

В конце января 1918 года Войков вошел в состав Уральского областного исполнительного комитета и был утвержден комиссаром снабжения. В областном комиссариате снабжения сосредоточились важнейшие вопросы по распределению и отпуску металлов с заводов, продовольствия, топливные дела, выдача нарядов и составление плана перевозок по железным дорогам. «Вся разруха, принятая нами в наследство от керенщины: транспортная, про-

довольственная, организационная,— вся она находила здесь свое выражение,— вспоминал заместитель Войкова В. М. Быков.— В дом главного горного начальника, до того тихий и чопорный, непрерывно вливался поток народа с всевозможными делами, требующими немедленного решения. Целыми днями, не вылезая из-за стола, приходилось выслушивать одного за другим вереницу людей, разъяснять, делать распоряжения...

Когда вспомнишь всю тяжесть сваливающейся тогда на плечи работы, теперь удивляешься: откуда взялось столько силы и выдержки, чтобы справляться с ней, не согнуться и не пасть под ее тяжестью...» [29]

Не было случая, чтобы Войков не сумел бы уладить большие по тому сложному времени конфликтные дела с различного рода организациями, заводоуправлениями или даже отдельными группами рабочих, приезжающих из многих промышленных голодающих центров и насильственным образом отбирающих те или иные продовольственные грузы.

Стоило комиссару снабжения выехать на место «продовольственного хищения», поговорить по душам с рабочими, убедить их в нецелесообразности бесплановой работы,— и в результате «перехваченные вагоны» направлялись в строго плановом порядке, а наганы, которыми иной раз пытались угрожать «незваные гости», отстаивая свои «права», оказывались там, где им и надлежало быть — в кобурах...

Как-то поздно ночью Войков возвращался домой по льду замерзшего городского пруда.

— Эй! Войков! — раздался недалеко в темноте чей-то веселый голос.— Конец тебе пришел!

— Почему конец? — удивленно спросил Петр Лазаревич, безуспешно пытаясь разглядеть неожиданного попутчика.

— А потому конец,— продолжал все тот же веселый голос,— что думе каюк наступил... Делать-то чего теперь собираешься?

— Дела у меня всегда найдутся,—так же весело, в тон неизвестному отвечал Войков.— Об этом можешь не беспокоиться.

И дела находились. Некоторые из них, а в первую очередь

хлебные, невозможно было решать в самом Екатеринбурге, и Войкову часто приходилось выезжать в сельскохозяйственные районы Урала и Сибири.

«Все Советы Урала обязаны оказать тов. Войкову немедленное и энергичное содействие вплоть до представления в его распоряжение вооруженной силы по его требованию»,— указывалось в одном из постановлений Уралсовета.

Но сам Петр Лазаревич считал, что лучшим оружием во время этих поездок должна быть агитация, а не «вооруженная сила». Правда, ему приходилось принимать участие в формировании красногвардейских соединений. В Западной Сибири положение было очень напряженным. И туда с Урала отправлялись экспедиционные отряды.

Инструктировать командиров и бойцов этих отрядов часто поручалось Войкову.

12 июня один из таких отрядов в полном боевом снаряжении выстроился около здания штаба резерва Красной гвардии. Красногвардейцам был зачитан приказ, в котором указывалось, что «отряд рабочих 6-го района переименовывается в отряд карательной экспедиции Тобольского направления».

Под громкие крики «Ура!» было объявлено о назначении командиром матроса Хохрякова. Потом слово взял Войков, недавно побывавший в Камышловском, Шадринском и Тюменском округах. Он рассказывал о положении в этих местах и подробно разъяснял красногвардейцам задачи, которые поставлены перед ними.

Из здания штаба Войкову вынесли две охотничьи сумки с двумя миллионами рублей в тысячных бумажках. Он надел эти сумки на казначея отряда Абакумова и вручил ему кольт для «охраны кассы». Под звуки марша отряд тронулся на вокзал...

Первые бои с хорошо вооруженными и организованными белочешскими легионерами заставили Уралсовет ускорить преобразование красногвардейских и полупартизанских отрядов

в регулярные части Красной Армии. Восточный фронт, объединяющий все участки борьбы за Урал, становился главным фронтом молодой Советской Республики. Из Москвы, Петрограда и других городов Центральной России сюда, по указанию В. И. Ленина, спешно прибывало пополнение.

На первых порах, когда еще не организовался аппарат по снабжению армии, Войков должен был взять на себя и эту нагрузку. Работниками комиссариата снабжения были предприняты поистине героические усилия, чтобы «выдериуть» из Сибири все маршруты с хлебом. Удалось добиться того, чтобы эшелоны с продовольствием ни минуты не стояли на вокзале, а тут же «на колесах» распределялись и направлялись по воинским частям.

Но враг наступал. В начале июля бои шли уже под Екатеринбургом. В эти дни Войков провел трудную и опасную операцию — продовольственную эвакуацию Шадринска, обеспечившую хлебом заводы Урала и воинские части на значительный период.

В самом Шадринске тогда активно действовали замаскированные белогвардейцы.

Когда вражеские полчища приблизились к Екатеринбургу, Уралсовет поручил Войкову эвакуировать из уральской золотосплавочной запасы золота и платины. Медлить нельзя было ни одной минуты, так как железная дорога на запад со дня на день могла быть отрезана. В ночь с девятого на десятое июля Войков быстро погрузил все ценности в грузовики и доставил их на вокзал, где уже стоял под парами специальный эшелон.

В ночь на 25 июля члены Уралсовета с одним из последних красноармейских отрядов покинули Екатеринбург. Среди них был и Войков.

Отбиваясь от наседавших белогвардейцев, отряд отступал в сторону Перми. Туда из Екатеринбурга эвакуировались партийные и советские учреждения, там же размещался штаб командования 3-й армией.

В новой столице Красного Урала Войков нашел своих со-

трудников. Надо было немедленно приступать к работе, так как положение с продовольствием и топливом с каждым часом становилось все тяжелее. Основные хлебные районы Урала попали в руки белогвардейцев, в самой Перми запасов оказалось мало. Комиссару снабжения в этих условиях приходилось проявлять и известную гибкость, и большое мужество, и железную настойчивость в решении всех разнообразных вопросов, связанных с продовольствием. Войков успевал справляться со всем, что ему поручалось. Его авторитет среди работников комиссариата снабжения возрастал с каждым днем.

В один из осенних дней через Кизел на фронт проходили только что сформированные части Красной Армии, и председатель местного Совета отдал все запасы муки. Другого выхода в тот момент не предвиделось. Но нельзя было оставлять без продовольствия и кизеловских шахтеров. Только они одни снабжали в то время топливом уральские железные дороги, и остановка добычи угля на копях повлекла бы за собой настоящую катастрофу.

Сразу же после получения известий из Кизела Войков распорядился немедленно отгрузить туда муку из запасов, сам отправился в депо, и через двенадцать часов эшелон под его начальством прибыл на угольные копи. В 1918 году за такой короткий срок из Перми до Кизела не проходил ни один поезд. Эшелоны шли тогда по этому пути со скоростью черепахи и доползали примерно за неделю...

В тяжелых условиях гражданской войны большевики не забывали и о будущем народном хозяйстве Урала. Войкову и инженеру Кузьмину поручалось составить проект внутреннего административно-территориального устройства Урала по производственному принципу. Работа эта была начата осенью 1918 года, но была прервана в связи с эвакуацией Перми и отступлением Красной Армии с Урала.

В начале 1919 года Войкова вызывают в Москву и направляют на работу в Наркомат продовольствия, в отдел распреде-

ления, а затем в июле 1919 года переводят в Центросоюз, где выбирают заместителем председателя правления, одновременно он заведует финансовым отделом.

...Для строительства социализма было «...всего дороже сохранение мира и полная возможность посвятить все силы восстановлению хозяйства...»,— указывал В. И. Ленин в 1921 году, вскоре после победы молодой Советской Республики над белогвардейцами и иностранными интервентами[30]. Владимир Ильич требовал от первых советских дипломатов, чтобы они не упускали ни одной возможности для упрочения мира. И наши дипломаты становились проводниками миролюбивой политики пролетарского государства, заявленной им еще в дни Октября в знаменитом декрете о мире. Борцом за мир стал и Петр Лазаревич Войков. Имя его наряду с именами Вацлава Вацлавовича Воровского и Теодора Яновича Нетте заняло видное место в героической истории советской дипломатии 20-х годов.

Дипломатическая работа Войкова началась еще в октябре 1920 года, когда его назначили членом коллегии Наркомата внешней торговли.

Многие капиталистические страны, несмотря на свое отрицательное отношение к Советской России, хотели все же завязать с ней торговые отношения, так как были заинтересованы и в строительных материалах, и в топливе, и во многих видах сырья.

В то же время и нашему государству, разоренному войной и только-только начавшему восстанавливать народное хозяйство, нужно было промышленное оборудование. Его можно было приобрести за границей.

Успехи молодой Страны Советов на внешнем рынке во многом зависели от деятельности работников Наркомвнешторга. От них требовались и организаторские способности, и большая эрудиция, и знание экономики капиталистических стран, и владение иностранными языками. Всеми этими качествами обладал Войков, и ему доверяли одновременно возглавлять четыре управления: экспортное, транспортно-экспедиционное, таможенно-материальное и пограничной охраны.

Не забывал Войков и Екатеринбург. Во время празднования двухсотлетней годовщины со дня основания Екатеринбурга в город пришло такое письмо:

«В дни, когда поднималось и росло пламя революции, бодрый кипящий город железного Урала, Екатеринбург, ты был центром и мастерской, где ковалось оружие революции. К тебе слали заводы своих красных ходоков, в стенах твоих звучали призывы к борьбе и победе, лилась наша песнь, песнь рабочих всего мира — «Интернационал».

Екатеринбург был трибуной революции, ее штабом, ее передовым постом. И строились ряды, росла наша армия, железным кольцом пролетарской партии вставал и отвечал твоему зову железный Урал.

Праздник Екатеринбурга — праздник всего Урала, праздник единой и страстной борьбы.

И в дни этого праздника пусть и мой слабый голос приветствует тебя издалека, вольный и братский город великого Урала, великого в прошлой борьбе и славного в грядущем величии мощного пролетарского труда» [31].

Под письмом стояла подпись: «Войков, бывший председатель Екатеринбургской городской думы 1917 года».

С 1924 года Петр Лазаревич — полпред СССР в Польше. Советско-польские отношения, остававшиеся до той поры напряженными, благодаря его энергии, приобретали нормальный характер. Он досконально изучает экономику Польши, посещает ее промышленные районы, знакомится с культурной жизнью.

Поэтому убийством Войкова, направленным к развязыванию войны с СССР, был возмущен не только советский, но и польский народ.

Похоронили Петра Лазаревича Войкова в Москве, около Кремлевской стены. В правительственном сообщении говорилось:

«Правительство СССР склоняет красный стяг Союза перед телом товарища Войкова!»

ВСТРЕЧА В ПОЕЗДЕ

Семнадцатилетняя гимназистка
Соня Морозова
не была комсомолкой,
но ее портрет по праву висит в музее
Уральского комсомола в ряду комсомольцев — героев гражданской
войны.

С. Михайлов

Осенью 1966 года я ехал в командировку в Москву на нашем фирменном поезде «Урал». В купе, кроме меня, были юноша, девушка и пожилая женщина. Первые полчаса, после того как поезд тронулся, мы занимались обычными пассажирскими делами. Ну а затем, как обычно бывает в пути, разговорились.

Первыми начали беседу юноша и девушка. Оказалось, что они свердловчане, что живут в одном районе города — на улице Сони Морозовой, что недавно одновременно были в филармонии на концерте знаменитого пианиста.

Пожилая женщина прислушивалась к их разговору, и я видел, что ей очень хочется о чем-то спросить молодых людей. Наконец она не выдержала:

— Извините меня, вот вы упомянули улицу Сони Морозовой. Где эта улица в Свердловске и в честь кого она названа?

Говорила женщина по-русски чисто, но с едва заметным иностранным акцентом.

Юноша объяснил ей, где находится в Свердловске улица имени Сони Морозовой. Девушка сказала, что раньше та улица звалась Кузнечной.

— Часть ее и сейчас так называется,— добавил я.— Но вот вторая половина в день сорокалетия комсомола была переименована в улицу Сони Морозовой. В годы гражданской войны, когда город заняли белые, Соня Морозова была на подпольной работе... и погибла.

— Вы понимаете,— задумчиво произнесла женщина,— я уехала с Урала в 1921 году... Улица Сони Морозовой? Неужели это та самая Соня?.. Значит, она погибла.

Оказалось, что наша спутница приезжала в Свердловск из Польши к своей старшей сестре. Впервые на Урал она попала еще девочкой в империалистическую войну. Звали ее Анной Супецкой.

— Мы были беженцами,— рассказывала Анна Супецкая,— спасались от наступающих на Варшаву кайзеровских войск. И судьба занесла нашу семью в Екатеринбург.

В Екатеринбурге Супецкая поступила учиться во вторую женскую гимназию. Находилась эта гимназия на Сибирском проспекте*. И в классе Супецкой была гимназистка Соня Морозова.

— Так неужели именем моей одноклассницы названа улица? — интересовалась сейчас пани Анна.

Нашу спутницу мы стали называть пани Анна. Так она сама смущенно попросила, сказав, что в Польше отчеств нет и замужних женщин принято величать пани.

— Что вы помните о Соне Морозовой? — задала вопрос девушка.

— Помню, что она была из бедной семьи. Дядя Сони, кажется, был железнодорожник. Он и его жена считались приемными родителями Сони, родные отец и мать ее умерли.

Пани Анна рассказала нам, как они, гимназистки-шестиклассницы, выбегали на екатеринбургский Главный проспект приветствовать революционных солдат в дни Февральской революции. Помнила и Октябрьские дни, митинги, собрания, помнила, как Соня Морозова приносила в гимназию большевистские листовки.

В классе Соня прочитала воззвание исполнительного комитета Екатеринбургского Совета поддерживать революционную власть, сплотиться вокруг нее...

---

* Теперь Сибирский проспект в Свердловске называется улицей Куйбышева. А в здании бывшей второй женской гимназии — один из учебных корпусов горного института имени Вахрушева.

Соня Морозова и ее подруги, среди которых была и Анна Супецкая, вступили в конфликт с гимназическим начальством. Начальство всеми силами старалось оградить учащихся от новых веяний. Соня же считала, что молодежь не должна стоять в стороне от политических событий, что зубрежкой и голым заучиванием готовых формул по-настоящему не познаешь жизнь. Об этом она написала письмо в газету. А затем вместе со своими единомышленниками обратилась за помощью в Совет рабочих и солдатских депутатов.

Консервативная часть учительства пришла в неистовство, когда узнала, что Соня Морозова рассказала в Совете об обстановке, создавшейся во второй женской гимназии. Кроме того, Соня просила, чтобы в их гимназию вернули преподавателя русской словесности, уволенного за критику прежних порядков.

— Как это вы, гимназистка, посмели обратиться в Совет? Никто из порядочных людей в Екатеринбурге Совет не признает. Большевичка!..— говорили Соне и члены родительского комитета.

Вскоре екатеринбургские учебные заведения совсем прекратили занятия. Местная контрреволюция сумела добиться того, что учителя отказались признавать за Советом право вмешиваться в дела народного образования и в знак протеста объявили забастовку. Забастовщиков материально поддерживали родители богатых учеников. Эти родители считали, что большевики пробудут у власти один-два месяца, а затем вновь придут «добрые старые времена». Раздавались даже голоса, что надо создать «независимую автономию» школу. Существовать «независимая» школа будет на средства родителей, собранные путем добровольного самообложения.

В середине декабря в актовом зале горного училища прошло собрание учащихся средних заведений Екатеринбурга. На повестку дня был вынесен лишь один вопрос: отношение к учительской забастовке. Собрание раскололось на две половины. Большинство считали, что учителя правы. Совет не имеет права вмешиваться в дела школы.

Соня была в числе меньшинства. 120 человек осуждающе отнеслись к забастовке.

— Власть Советов — единственная законная власть на Урале и по всей стране! — заявила Соня в своем выступлении.— Поэтому Советы имеют право вмешиваться не только в дела школьных заведений, но и во все другие дела... И мы, и учителя обязаны подчиняться Советской власти!..

Когда в Екатеринбурге был создан комиссариат народного просвещения, то Соня активно включилась в его деятельность. Ее назначили даже ответственным секретарем бюро по пересмотру состава учителей средних учебных заведений города...

25 июля 1918 года Екатеринбург заняли белые. Соню Морозову арестовали. Родители Анны Супецкой встревожились за судьбу дочери. Ведь она вместе с Соней выступала против порядков, царивших в гимназии. И Супецкая была отправлена к своему дяде, который служил лесничим где-то в районе Егоршино...

В Екатеринбург Анна Супецкая вернулась лишь в 1920 году и затем с отцом и матерью уехала в Польшу. Сестра же ее вышла замуж и осталась на Урале. И только спустя много лет пани Анна навестила сестру, живущую в Свердловске...

— Так все-таки что случилось с моей подругой по гимназии? — спрашивала она меня.

Но точно ответить на вопрос я тогда не мог.

В Москве мы с пани Анной расстались.

...Примерно через год, просматривая в Свердловской библиотеке имени Белинского подшивку газеты «Уральский рабочий» за август 1919 года, я нашел упоминание о Соне Морозовой. После освобождения Екатеринбурга в «Уральском рабочем» из номера в номер печатались статьи, посвященные тем, кто погиб в борьбе за Советскую власть.

В этих статьях рассказывалось об Иване Малышеве, Леониде Вайнере, Николае Толмачеве, Павле Хохрякове и о многих других героях. 16 августа была напечатана статья, посвященная Соне Морозовой. Какова же была судьба этой девушки?

Красные части отступили из Екатеринбурга ночью. На заборах и афишных тумбах остались наклеенные листовки, прощальное воззвание Уралсовета: «Мы еще придем. Мы еще придем потому, что здесь наши фабрики и земли, наши дома, наше достояние.

Мы еще придем. И пусть помнят палачи трудящихся, что смеется хорошо тот, кто смеется последним.

Пусть трусы бегут от революционной борьбы...»

Ранним утром в Екатеринбург с песнями въехали казаки, а часов в восемь со стороны вокзала донеслись гудки подходивших белочешских эшелонов. В церквах служили благодарственные молебны. «Отцы города», появившиеся неизвестно откуда, обнимая и поздравляя друг друга, встречали «братьев-освободителей» хлебом-солью...

И началась иная жизнь. На центральных улицах прогуливались степенные, хорошо одетые люди, которых в недавние месяцы и видно не было. По площадям лихо маршировали отряды гимназистов с нарукавными повязками — «Белая гвардия». Чехи в новенькой форме цвета хаки, чувствуя себя героями, дружелюбно подмигивали жеманным барышням.

Около кафедрального собора под улюлюканье и враждебный свист казаков из братской могилы выкапывали гробы с останками красногвардейцев, погибших на Дутовском фронте. Рядом валялся разрушенный павильон с надписью: «Спите, орлы боевые», воздвигнутый здесь недавно. Выкапывали гробы и грузили их на двуколки несколько полураздетых пленных красноармейцев.

— Господин сотник,— обращаясь к молодому казачьему офицеру толстая дама,— неужели совдеповцев похоронят на нашем Ивановском кладбище?

— Бог с вами, мадам! — снисходительно улыбался сотник.— Слишком для них великая честь! Покойников приказано перевезти на скотское кладбище.

— А с этими что вы намерены делать? — с любопытством спрашивала дама, показывая зонтиком на пленных, которые

под ударами нагаек старалнсь быстрее закончить свою страшную работу.

— С этимн,— продолжал улыбаться сотннк,— с этнмн, мадам, даю слово русского офнцера, вы больше ннкогда уже не встретитесь.

— Бей слуг антнхриста! — яростно крнчал стоящий рядом старнк в черном сюртуке.— Бей предателей Руси!

В пленных летелн камни...

Но иа рабочих окраниах царнла тишнна. Там никто не приветствовал «братьев-освободнтелей», ннкто ие выражал восторга. На тех, кто помогал Советской власти, обрушилнсь репресснн. За первые две неделн господства белых в тюрьмы угодило свыше двух тысяч человек...

Прн эвакуацни Уралобком РКП(б) прннял меры по созданию в Екатериибурге большевнстского подполья. Заранее для этой цели были подобраны отдельные конспиратнвные группы. В инх в осиовном вошли люди, мало нзвестные нлн совсем не известные в городе.

Еще 15 нюля по вызову Уралобкома приехал Вениамнн Домятьевич Тверитии. Его проинструктировал Н. Г. Толмачев. Вместе с женой и маленькнм сыиом Тверитни поселился на 2-й Загородной улице (ныне улнца Фрунзе) под фамилией Хрякова. Евгеиия Мельтцер, его жеиа, вспомннала впоследствнн:

«Из местиых жнтелей для первоначальной связн были указаиы наборщик Александр Степановнч Вяткин, железнодорожннк Морозов и его племяииица Соия, семнадцатилетняя гнмназнстка».

Да, Соия Морозова оставалась в Екатеринбурге как связная. Она знала явочный пароль, адреса двух конспнратнвных квартнр, Уралобком снабднл ее также деньгами.

30 июля Тверннтнн отправился на явку и назад домой ие вернулся. Его, очевндно, выследили и забрали прямо на улнце. Прнмерно в те же дни арестовали и Соню. Белогвардейская контрразведка хотела от иее узнать о поведении и настроенни учащейся молодежн. Но на допросах Соня держалась твердо,

ничего конкретного не говорила, только возмущалась незаконным арестом.

Немалую роль в этом аресте, вероятно, сыграли доносы учителей второй женской гимназии, которые мстили своей ученице. Однако никакими прямыми уликами о «нынешней недозволенной деятельности» арестованной контрразведчики не располагали. Кроме того, Соня была несовершеннолетней, и поэтому ее скоро выпустили на поруки приемных родителей...

Евгения Мельтцер ежедневно ходила по екатеринбургским местам заключения. Но ни о Тверитине, ни о Хрякове там не слышали и не знали. Позднее лишь стало известно, что будто бы ее мужа этапировали в камышловскую тюрьму. Мельтцер срочно съехала с квартиры по 2-й Загородной и отправилась в Камышлов. Захватить с собой хранившиеся под полом в тайнике чистые бланки и паспорта она, к сожалению, не смогла.

Соня после освобождения из контрразведки решила давать частные уроки и в гимназию больше не возвращаться. Хотелось ей также выручить бланки и паспорта, оставленные Мельтцер. Для этого она надумала снять пустующую квартиру Тверитина якобы для своей матери. Но контрразведка наблюдала за Соней. Может быть, ее и выпустили с провокационной целью: вдруг подозрительная гимназистка наведет на какой-нибудь тайный след большевиков. И по пути на 2-ю Загородную 8 сентября Соню задержали. Вторично она просидела в тюрьме почти полгода. Явных улик у белогвардейцев по-прежнему не было, а сама арестованная никаких новых сведений о себе не дала. И в конце концов ее вновь отпустили на поруки. Какую-то роль в этом сыграли и хлопоты приемной матери...

Прошло трое суток. 15 февраля 1919 года контрразведчики поздно вечером неожиданно нагрянули на квартиру Морозовых. Хотя обыск и был очень тщательный (простукивались все стены, от пола отрывались доски, из шкафа и комода выбрасывались вещи, разворачивались постели), однако компрометирующих

результатов он никаких не дал. Сбитые с толку, разъяренные белогвардейцы забрали Соню.

— Кого вы знаете из преступной большевистской организации? — несколько раз спрашивали ее по дороге...

Но Соня упорно молчала...

На другой день тюремные охранники посоветовали приемным родителям, пришедшим узнать об участи дочери, принести ей теплую одежду. А 17 февраля в местной газете появилось сообщение, что «арестантка Софья Дмитриевна Морозова в ночь на 16-е при попытке бежать застрелена конвоем».

Газета явно лгала: в светлую ночь вряд ли имелась у Сони возможность скрыться от трех вооруженных солдат, которые вели ее из одной тюрьмы в другую.

Родители настояли, чтобы тело дочери тюремщики выдали им для захоронения. По особому распоряжению генерала Домантовича труп отдали. Правда, с одним непременным условием: «Хоронить тихо, скрытно и только ночью». Генерал опасался, что многие жители города будут возмущены убийством девушки, опасался митингов, надгробных речей.

Волосы на затылке Сони были опалены: конвойные стреляли в нее в упор, а не «при попытке к бегству».

Несмотря на аресты и гибель многих подпольщиков, революционная работа в Екатеринбурге разворачивалась. Принимали в ней участие и сверстники Сони Морозовой. Активную пропаганду среди молодежи вели Илья Дукельский и Аркадий Брагинский. Владимир Мельников охранял тайный склад с оружием. Василий Еремин проник писарем в штаб белых. Рипа Полежаева и Таня Чирухина помогали старшим товарищам на Верх-Исетском заводе.

К весне в екатеринбургской подпольной организации насчитывалось не менее ста человек. Председателем подпольного комитета был Антон Валек...

Вот о чем я мог бы сообщить пани Анне Сулецкой, если бы встретился теперь с этой женщиной.

«КАК РАССКАЗАТЬ АЗИНА?»

Вечером на пароход пришел и вызвал меня Азин, имя которого так славится по Уралу... На вид ему лет двадцать пять... Он весь изранен, с забинтованной ногой, ходит, опираясь на саблю. Он любимец Восточного фронта.

Н. К. Крупская

Свердловск. Площадь 1905 года. Массивное пятиэтажное здание горсовета. На его левом фасаде — фронтоны с барельефами выдающихся уральских революционеров и героев гражданской войны. И самый первый среди них — суровый профиль Владимира Азина.

В годы гражданской войны имя Азина, начальника 28-й стрелковой дивизии, получившей название «Железной», произносилось с особенным уважением. А пленные белогвардейские солдаты признавались, что их начальство боялось Азина, «как черт ладана».

Города Казань, Мензелинск, Сарапул, Ижевск, Воткинск, Красноуфимск — вот боевой путь азинской дивизии до Екатеринбурга.

«...Как рассказать Азина,— писала о нем комиссар Волжской военной флотилии Лариса Рейснер.— Он — часовые, притаившиеся вдоль полотна, он — душный жаркий вагон 3-го класса, залитый светом сальных свечей, он — в непролазном дыму папирос, в тревожной бессоннице штаба... Он — изорванные карты на липких, чаем и чернилами залитых столах. Он — черный шнур полевого телефона, висящий на мокрых от росы ночных кустах, охраняемый одеревенелыми от холода и боязни уснуть часовыми...

Разве такого, как Азин, расскажешь?» [32]

Владимир (Вольдемар) Азин родился 26 сентября 1895 года

в деревне Марьяново Артиковецкой волости Полоцкого уезда Витебской губернии, в бедной латышской семье. Отец его, Мартин Андреевич *, занимался портновским ремеслом. Постоянных клиентов у Мартина Андреевича не было, и ему приходилось ходить по окрестным деревням, выполняя немудреные заказы таких же бедняков, как и он сам.

Шли годы. Семья Азиных увеличивалась, а заработки главы семьи оставались теми же. Но Мартин Андреевич, отказывая себе во всем, сумел скопить немного денег, чтобы осуществить давнишнюю мечту — определить старшего сына Владимира в Псковское городское училище.

«Окончил Володя училище с отличием в 1910 году,— вспоминала сестра Владимира Азина, Ольга Мартиновна,— хотел учиться дальше, подал заявление в учительскую семинарию, но получил отказ. Латышу по национальности, да и к тому же еще бедняку, путь к знаниям был закрыт в царской России. Тогда Володя стал просить родителей, чтобы они отпустили его в Ригу, к родственникам».

Родственники помогли Владимиру Азину устроиться «мальчиком» в магазин одного рижского купца. Вечерами под руководством дяди, бухгалтера, Азин изучал счетное дело. Вскоре стал он младшим счетоводом на ткацкой фабрике. Работа на фабрике открыла ему глаза на многое: здесь он увидел, как безжалостно эксплуатирует фабрикант рабочих, как различными штрафами забирает у них последние гроши из заработка. Общение с рабочими заставило Азина задуматься над несправедливостями существующего строя. В январе 1916 года, в разгар первой мировой войны, его мобилизовали в царскую армию. За год, проведенный в армии, окончательно сформировались политические взгляды Азина, в это время он и сблизился с большевиками.

Весна 1918 года застала его в Вятке на должности военрука латышского коммунистического отряда. В партию Азин вступил

* В годы Великой Отечественной войны был расстрелян фашистскими оккупантами.

7 июля 1918 года. И в тот же день был выбран в общегородской партийный комитет. И вскоре организовал при нем латышскую национальную секцию.

Коммунистический латышский отряд был грозой для местных контрреволюционеров. Под командованием Азина он подавлял кулацкие восстания, реквизировал хлебные излишки у вятских богатеев и спекулянтов. Летом в отряде было уже две тысячи штыков, конный полуэскадрон и двухорудийная батарея.

Когда белочехам удалось захватить Казань, Вятский губернский чрезвычайный штаб направил в распоряжение 2-й армии 1-й батальон 10-го Уральского полка. Командиром этого батальона стал Владимир Азин.

Ночью, перед решительным штурмом, в Казани раздался взрыв. Город погрузился во тьму. Затрещали штабные телефоны белых. А от горящего здания электростанции с громкими криками «Ура!» промчался небольшой кавалерийский отряд.

Это Азин, тайно пробравшись в город, сумел вызвать там панику.

Утром 9 сентября с запада и с востока в Казань ворвались части Красной Армии. Им помогали матросы-десантники Волжской военной флотилии.

Самой первой вступила в Казань Арская группа под командованием Азина, которая наступала с северо-востока. Месячное господство белых в Казани кончилось. Днем 10 сентября город полностью перешел в руки красных.

Азинцы расположились в селе Вознесенском, в семи верстах от Казани. Командиров частей Арской группы Азин собрал на совещание. До начала совещания все возбужденно вспоминали о прошедшем штурме.

Вдруг в избу неожиданно влетел азинский ординарец-мальчишка и тонким голосом закричал:

— Товарищ Азин, я белого притащил!

— Откуда ты его взял?

— Ездил я с конниками патрулировать,— затараторил Во-

лодька.— Ну и... мы обнаружили в овраге... Ну и... товарищ Азин, я одного забрал. Беляк вел себя смирно, знал, что карабин у меня заряжен. Я этой контре близко подходить не разрешал. А белячина всю дорогу оглядывался и косил глазами. Как обернется ко мне — я карабин наперевес и кричу: «Вперед!» Так и привел сюда...

— Молодец! — Азин развел руками.— Только скажи, почему ты уехал без разрешения?

— Товарищ Азин, вы же знаете... Я виноват, конечно! Уж больно хотелось мне повоевать с ними. Ух, и задам я им...

Азин очень любил детей. «Его всегда окружали мальчишки-ординарцы, лет одиннадцати-двенадцати, которых он подбирал во время сражений,— рассказывала пропагандист-агитатор политотдела 2-й армии А. М. Бойкова-Маринина.— Эти маленькие ординарцы, одетые в военную форму, приласканные Азиным и платившие ему горячей детской любовью и бесконечной преданностью, оказывали нам большие услуги. Переодетые в крестьянскую одежду и лапти, с корзинками в руках, будто бы собирая грибы и ягоды, они заходили в места, занятые белогвардейцами, и приносили оттуда важные сведения» [33].

После взятия Казани Арская группа была преобразована во 2-ю сводную дивизию. Начальником дивизии был назначен Азин. Он горячо взялся за дело: переформировал отряды в батальоны и полки, комплектовал дивизионный штаб, подбирал командиров и политсостав. Все это формирование происходило на ходу — почти в процессе боевых действий. Несмотря на победу под Казанью, дивизия была в тяжелом положении. Не было средств для подвозки боеприпасов, довольствия и фуража, зарядных ящиков.

Находившаяся в стадии формирования дивизия прибыла в село Вятские Поляны, где ее встретили командарм В. И. Шорин и член Реввоенсовета армии С. И. Гусев. Они благодарили бойцов и командиров за победу, одержанную под Казанью. Азин дал обещание, что дивизия оправдает надежду молодой Совет-

ской Республики. Правда, Шорин и Гусев указали ему на ряд недостатков. Прежде всего они говорили о неизжитой еще партизанщине.

С этой встречи для Азина началась настоящая жизнь командира регулярной Красной Армии.

Из Вятских Полян 2-я сводная дивизия двинулась на станцию Сюгинскую, откуда ей предстояло начать наступление против эсеровских мятежников, засевших в Ижевске, Воткинске, Агрызе и Сарапуле.

Центр эсеро-белогвардейского мятежа — Ижевск — хорошо подготовился к обороне. Вокруг города в несколько рядов были вырыты окопы, обнесенные колючей проволокой. Ходили слухи, что подступы к заводу и к заводской плотине минированы. Были созданы специальные ударные батальоны из офицерского состава.

Три раза водил Азин своих бойцов на эту крепость, но каждый раз приходилось возвращаться на исходные позиции.

В это время из Москвы вернулся С. И. Гусев и рассказал о своей встрече с Владимиром Ильичем Лениным. Владимир Ильич выражал уверенность, что к первой годовщине Октябрьской революции над Ижевском вновь будет развеваться красное знамя. Ленин посоветовал тщательно подготовиться к операции, провести ее быстро и решительно.

В специальном приказе командующий 2-й армией В. И. Шорин указывал:

«Реввоенсовет уверен, что красноармейцы оправдают надежды тов. Ленина и дадут возможность послать 7-го ноября на торжественное заседание Всероссийского съезда Советов экстренную телеграмму о взятии Ижевска».

Началась подготовка к решительному штурму. Бойцы готовили оружие и коней, изучали местность. Азин двинул в атаку пехотные цепи. Сам он, подпоясанный красным широким шарфом, шел впереди своих бойцов. Затем в сражение была введена кавалерия. И кавалерийскую лаву тоже возглавил лично начдив. Белые отошли в самый город.

Когда седьмого ноября Владимир Ильич Леиин был иа параде в Москве, иа Красиой площади, азииские бойцы продолжали штурмовать Ижевск. К этому времени были восстановлеиы поврежденные железиодорожиые мосты, и в бой вступил бронепоезд «Свободиая Россия». Белые всюду отступали. Красноармейцы вступили в город.

«...Ворвался туда под руководством Азина отряд красиых иа конях, гривы которых были заплетеиы красными лентами, и отбил у белых ижевскую тюрьму, где сидели смертники» *,— писала Н. К. Крупская.

Противник бежал в такой паиике, что не успел даже вывести из строя оружейиый завод.

По прямому проводу из полевого штаба армии в Москву Владимиру Ильичу Ленину полетела телеграмма: «Доблестиые войска 2-й армии шлют горячее поздравлеиие с Великим праздииком и подиосят город Ижевск. Сего числа в 17 часов 40 минут город взят штурмом». В 22 часа от В. И. Леинна поступила ответная телеграмма:

«Приветствую доблестиые красиоармейские войска, взявшие Ижевск. Поздравляю с годовщииой революции. Да здравствует социалистическая Красиая Армия» [34].

За освобождение Ижевска Азии в числе миогих бойцов и командиров был иагражден орденом Красиого Зиамеии...

Воткинск был взят в иочь иа 13 иоября. После иепродолжительного боя части азинской дивизии выбили эсеровских мятежников из этого города. Остатки их бежали в окрестиые леса за Каму, а вскоре после разгрома ижевско-воткииского восстаиия 1-я и 2-я сводные дивизии приказом Реввоеисовета были слнты в одну под общим командованнем Азина. Новое соедииеиие ста-

* Когда части 2-й армии подходили к Ижевску, то комаидующий белогвардейской группировкой Юрьев в особом приказе заявил: «Пусть арестованиые молят бога, чтобы мы отогнали красных. Если красные приблнзятся к городу ближе чем иа три версты, то все арестиые помещения будут закиданы бомбами».

ло именоваться 28-й стрелковой дивизией. В народе оно получило почетное название — «Железная» *.

Об этом соединении красноармейцы других частей говорили:

— Если нам известны дивизии Колчака по слухам, по ушам, то колчаковцы знают дивизию Азина по зубам.

А о самом Азине складывались и распевались песни:

Предателей жгла огневая рука
Правдивою вспышкой нагана,
Уставшему в битве частицу пайка
Тряс Азин из скудных карманов...

Как-то азинский боец Олушев рассказывал:

— Когда меня, раненного под Рябками, привезли на станцию Куеда, эшелона для раненых не оказалось. Азин разволновался, бросился к телефону, выругал кого следует и пригрозил расстрелять. Через сорок минут пришел эшелон за ранеными.

А один из бойцов вспоминал о свадьбе ординарца-красноармейца, на которой Азин присутствовал в качестве «красного отца» жениха. В передышке между боями была устроена свадьба с обедом, плясками, музыкой, песнями.

— Кто гулял на этой свадьбе, никогда не забудет ее! — вспоминал рассказчик.

Ижевские повстанцы, пользуясь темнотой и забитостью местного удмуртского населения, натравливали его на Советскую власть. Кулаки и попы помогали им в этом.

Об «агитации» хорошо знал Азин. Продвигаясь со своей дивизией к Ижевску, он старался почти в каждой деревне встретиться и поговорить с крестьянами. В штабе был даже специальный переводчик, бывший слесарь Н. Гусев, который переводил выступления Азина на удмуртский язык. После этих выступлений крестьяне добровольно приносили продукты, одежду, вступали в ряды Красной Армии.

---

* Еще отправляясь из Вятки под Казань с 10-м батальоном, Азин сам переименовал его в Вятский Железный отряд, отряд перерос в дивизию. Боевые дела дивизии подтвердили ее право на это название.

— Большое дело мы, Гусев, с тобой делаем,— говаривал Азин своему переводчику, когда митинг проходил особенно удачно...

В фондах Центрального государственного архива Советской Армии имеются воспоминания об Азине его соратников. «Азин был среднего роста, коренастый, чистое гладкое лицо, светлые голубые глаза,— пишет С. Пугачев, бывший инспектор штаба 2-й армии.— Мне даже казалось, что у него есть что-то схожее с Михаилом Николаевичем Тухачевским, хотя и ростом Азин ниже и более плотнее. Носил начдив широкую с красным верхом папаху, причем вдоль папахи шла наискось алая лента, как это полагалось, для шика в то время...»

А. Г. Ястребов, бывший председатель коллегии политотдела 2-й армии, вспоминает об Азине так:

«О нем буквально легенды слагались — легенды о его неуязвимости в боях, об его беспредельной храбрости. Говорили, что куда бы Азин ни приезжал, он не просто приезжал, а прилетал, как метеор, что за ним тянулась какая-то «светящая полоса».

То был боец победной славы,
Герой, испытанный борьбой,
Несущий грозные расправы
Врагам Отчизны дорогой.
То был защитник угнетенных,
Один из близких, дорогих,
И верный друг обремененных,
Товарищ Азин, наш начдив,—

писала газета «Красный кавалерист»...

Не достигнув успеха в борьбе с Советской Республикой в конце 1918 года и в начале 1919 года, иностранные интервенты и внутренняя контрреволюция готовились к новому наступлению. Начать его должны были армии адмирала Колчака. Они располагали большими людскими и материальными ресурсами и сумели в то время продвинуться к Москве. Поэтому на Колчака и делал ставку международный империализм, именуя его «спасителем России».

Коммунистическая партия во главе с В. И. Лениным сумела мобилизовать все силы страны для борьбы с Колчаком. В конце весны 1919 года на Восточном фронте, самом главном фронте того времени, произошел коренной перелом в пользу советских войск. Однако в руках Колчака продолжал находиться Урал с огромными материальными и людскими ресурсами. По плану, разработанному советским командованием, Южной группе М. В. Фрунзе (1-я, 4-я и Туркестанские армии) предстояло разбить армию уральских белоказаков. 5-й армии, действовавшей в центре Восточного фронта, ставилась задача наступать в направлении Златоуст — Челябинск... 3-я армия наступала в районе Перми. 2-я армия, где главный удар наносила 28-я дивизия, поддержанная 1-й бригадой 5-й дивизии, продвигалась к сердцу Урала — к Екатеринбургу. Полчища Колчака с боями отходили на восток, стараясь подольше задержаться на горных и водных рубежах.

В Центральном государственном архиве Советской Армии хранятся небольшие блокноты с обложками из грубого картона и с пожелтевшими страничками. В них — различные приказы, распоряжения, советы, просьбы, написанные крупным красивым почерком. Правда, это лишь копии под копирку. Самих оригиналов нет. Странички с оригиналами вырывались еще лет шестьдесят тому назад и тут же переправлялись адресатам.

На каждом блокноте надпись «Полевая книжка начальника 28-й стрелковой дивизии Азина». Заполнялись эти блокноты во время боев, в походах, на привалах. Очевидцы рассказывали, что для «железного начдива» было делом одной секунды достать из планшета очередную полевую книжку, положить планшет на колено, книжку на него и быстро черкнуть несколько фраз.

Недалеко от Екатеринбурга, между Михайловским и Уткинским заводами, 28-я дивизия встретила особенно упорное сопротивление врага. Азин решил обойти колчаковцев с тыла. Командиру 3-й бригады Крупенникову было дано распоряжение: «К 24 часам во что бы то ни стало занять станцию Мраморская».

Бригада через горные кручи пробралась в тыл врага и захва-

тила Мраморскую, перерезав железную дорогу между Екатеринбургом и Челябинском. Путь к столице Урала был открыт.

Командующему 2-й армией В. И. Шорину Азин писал: «249-й полк 2-й бригады занял Ревдинский завод и наступает на Шайтанский. Население Ревдинского завода встречает полк с флагами и пением революционных песен...

...По телефону выяснилось, что белые отступают для занятия фронта у Богдановича на укрепленные уже позиции. Туда же, по словам их начштабкора-4, прибывают англичане...»

13 июля в селе Гробовском Азин, разрабатывая план освобождения Екатеринбурга, заносил в свою полевую книжку: «Комбригу-2 Пуррингу в составе 247, 249, 250 и 251-го полков овладеть Екатеринбургом...

Полевому штабдиву до 24 часов 13 июля быть в Гробовском... С 24 часов 13 июля — в Ревдинском заводе. К 12 часам 13 июля занять Шайтанский завод и отрезать отступление беляков из Ревдинского. В 16 часов 13 июля продолжить наше наступление и овладеть станцией Хрустальная. К 14 часам 14 июля занять Верх-Исетский завод и Уктус. По занятии Екатеринбурга ввести в город лишь один полк, остальным полкам быть в Верх-Исетском и в Уктусе в полной боевой готовности. Комбригу Тамулевичу быть до особого распоряжения в Ревдинском заводе, энергично исправлять линию из Ревды в Екатеринбург по железной дороге.

245-му полку к 18 часам 13 июля, двигаясь через Ачитский, быть в Ревде, занять позиции по восточному берегу реки Чусовая... Немедленно восстановить мост через Чусовую у Ревды. Дальнейшее продвижение 1-й бригады будет указано особо...

Полевому штабдиву до 24 часов 13 июля быть в Гробовском. С 24 часов 13 июля — в Ревдинском заводе...»

На пристанционной окраине стелился густой черный дым. Пучки искр, разносимые ветром, рассыпались в воздухе, словно рой золотых светящихся пчел. На железнодорожных путях пылали облитые нефтью составы. Это колчаковцы сжигали все, что

не могли взять с собой. Горели цистерны с керосином, мешки с мукой, ящики с мылом, взрывались плавучие морские мины, брошенные еще с утра минерами. Рядом с рухнувшим перекидным мостом тусклыми факелами чадили и коробились кусты акации.

Противно хлопали непривязанные ставни в окнах домов, владельцы которых бежали с отступающими белогвардейцами. Огней нигде не было. Екатеринбуржцы боялись налетов пьяных казаков. Выстрелы на темных улицах, крики слышались по-прежнему. А западную часть города уже занимали азинцы. Почти одновременно, с северной стороны, где действовала 3-я армия, входили авангардные части 21-й стрелковой дивизии. В центре и на вокзале белые пытались оказать сопротивление, но к шести часам утра 15 июля оно было везде сломлено.

Еще 14 июля в 20 часов Азин поставил свою подпись под приказом, в котором говорилось об освобождении Екатеринбурга от колчаковцев и о назначении комендантом города комиссара 28-й стрелковой дивизии Пылаева (в 30-е годы Георгий Николаевич Пылаев, кадровый питерский рабочий, был некоторое время председателем Свердловского горсовета). Утром екатеринбуржцы увидели над кирпичным зданием почтамта на Главном проспекте * красный флаг, который водрузил знаменосец одного из первых эскадронов, ворвавшихся в город по Московскому тракту, Иван Флегонов.

В 10 часов 30 минут по Главному проспекту в парадном строю прошли части 21-й и 28-й дивизий. Во главе 2-го Уральского отдельного кавалерийского дивизиона — будущий Маршал Советского Союза К. К. Рокоссовский. Он слышит голос Азина:

— Товарищи бойцы, командиры, политработники, звездоносцы, лихая конница, славная пехота, грозная артиллерия! Мы одолели тысячеверстные переходы без хныканья, отдавали жизни свои за правое дело угнетенных. Еще один-два натиска — победа будет за нами. Вперед на разгром врага!

---

* На этом месте выстроена гостиница «Юбилейная».

Рядом с Азиным комиссар Пылаев и начальник 21-й стрелковой дивизии Г. Овчинников. Встретившись в Екатеринбурге, оба начдива крепко обнялись. Азину тогда шел двадцать четвертый год, Овчинникову — двадцать третий...

На многих домах уже развевались алые флаги.

В тот день В. И. Ленин с восторгом отзывался в письме к Н. К. Крупской о триумфе красных войск:

«На фронтах восточных — блестяще. Сегодня узнал о взятии Екатеринбурга».

А политический отдел Южной группы войск выпустил специальную летучую газету, в которой писалось:

«Новая крупная победа над Колчаком. 14 июля взят Екатеринбург. Столица Урала в наших руках. Все ярче бессилие сибирского монарха. Красные волны перекинулись за Урал. Урал Советский. Очередь за Сибирью. Вперед, к решительной победе!»

По телеграфу командарм В. И. Шорин просил Азина дать списки бойцов и командиров, особо отличившихся в боях на подступах к Екатеринбургу. Азин отвечал:

«Докладываю: отличившихся у меня нет и представить не могу. Одинаково весь командный состав, комиссары и красноармейцы сражались в цепи...»

Сам начдив, как всегда, в своей черной бурке летел в те места боя, где была наибольшая опасность. В жаркой схватке он не заметил, как потерял орден Красного Знамени. Пришлось об этом сообщить Реввоенсовету 2-й армии и просить, чтобы вместо потерянного выдали новый...

После боев на Урале 28-я стрелковая дивизия была переброшена на Южный фронт против Деникина. Колчак отходил в глубь Сибири, и его преследовали другие части Красной Армии. Осыпанные цветами, под звуки духового оркестра, азинцы отбывали из Екатеринбурга. «Известия Екатеринбургского военно-революционного комитета» продолжали печатать резолюции общих собраний, посвященных освобождению города. Вот одна из них:

«Резолюция общего собрания рабочих и служащих станции Екатеринбург-I в связи с освобождением города от колчаковцев 25 июля 1919 года.

Общее собрание служащих и рабочих постановило приветствовать непоколебимого вождя международного пролетариата тов. Владимира Ленина и освободителей рабочих Красного Екатеринбурга командира 28-й стрелковой дивизии тов. Азина, политкома тов. Пылаева и всех стрелков 28-й дивизии.

Да здравствует рабоче-крестьянская революционная Красная Армия!

Да здравствует III интернационал!

Да здравствует мировая революция!»

Погрузившись в Перми и Сарапуле на пароходы и баржи, азинцы двинулись по Каме на Южный фронт...

«Мы отчетливо помним раннюю осень 1919 года,— писал генерал-лейтенант А. И. Тодорский,— когда в нашу 10-ю армию, под Царицыном, прибыли овеянные победами над Колчаком 20-я и 28-я стрелковые дивизии во главе со славными начдивами Великановым и Азиным.

Скоро имя Азина на Юго-Восточном фронте стало повторяться с гордостью. Он был олицетворением красного командира, поражал всех своей беспредельной храбростью, без чего об авторитете в массах в то время, да еще на воинственном Дону, нечего было и думать!»[36].

13 октября под Ерзовкой (Пичугой) вражья пуля раздробила Азину кисть правой руки. Но он продолжал оставаться в седле и руководил боем. Вечером Азин бушевал в лазарете, потому, что пришлось лечиться, оставить на время дивизию. Но недолго пробыл начдив в госпитале... Несмотря на запреты врачей, он возвратился в строй и на горячей лошади опять понесся впереди красноармейских цепей на окопы противника.

Как значительное известие передавали белогвардейские телефонисты одновременно с сообщением о занятии Ростова Первой Конной Буденного новости: Азин вышел из лазарета и опять командует дивизией.

За участне в освобожденин Царицына Реввоенсовет присвоил 28-й дивизин почетное наименоваине Царицынской.

17 февраля 1920 года Азни получнл боевой прнказ: занять стаицню Целнна Северокавказской железной дорогн. Он переправил сильно поредевшую в боях с белоказаками дивизню через реку Маиыч и повел в наступление свон части. Вначале все развивалось по намеченному плану, но неожнданно с правого фланга прншло сообщение, что там деникннские казакн нз корпуса геиерала Павлова отброснлн наше кавалернйское соединение, которым командовал Г. Гай, за Маныч...

С гиканьем неслись по заснеженной степи белогвардейские лавы. Пулеметы азницев нз-за снльного мороза отказалнсь работать. Положенне стало крнтическнм.

Азин с небольшим кавалерийскнм резервиым отрядом бросился в атаку, надеясь спасти положеине 3-й брнгады. Но у противника был перевес в коннице. К нему со стороны Целииы в это время подошлн иовые казачьи сотии.

Кавалерийский отряд Азина, несмотря на героизм его бойцов, быстро таял. Вражеские всадиики врезалнсь в нашн пехотные подразделения, и начался рукопашный бой. Командный состав 3-й бригады был почти весь перебнт. Угрожающее положение создалось н на позициях 2-й брнгады. 1-я брнгада была в это время иа другом берегу Маныча.

Азии разослал оставшихся ординарцев с прнказом, чтобы полкн иемедлеино отступали на прежние позицни, за Маныч. С группой бойцов пробирался нз окружения н сам начдив. За ним помчалнсь казаки. Азин выхватнл кольт, начал отстрелнваться на скаку. Однн нз казаков упал. Азин продолжал стрелять, пока ие кончилнсь патроны.

Прнширорнв лошадь, он уходнл от погоин, но в этот момент случнлось несчастье. Когда лошадь перепрыгивала через ров, полузаиесенный снегом, лопнула подпруга. Седло перевернулось, ударило по ногам лошади, та встала на дыбы н сбросила Азина, который после ранення мог держать поводья только левой рукой. Вражья стая окружила начдива...

Кое-кому из захваченных в плен красноармейцев ночью удалось бежать. Они рассказывали, что видели Азина в белогвардейском штабе избитого, истекающего кровью, с закрученными назад руками. На первый же вопрос он ответил деникинцам:

— Что вы валяете дурака? Перед вами Азин. Расстреливайте!

Так окончился боевой и жизненный путь двадцатичетырехлетнего начальника 28-й стрелковой дивизии. Но дивизия, созданная им, продолжала громить деникинцев, буржуазно-националистические банды, на Кавказе, первой под руководством Серго Орджоникидзе ворвалась в Баку, дошла до Ирана, била басмачей в среднеазиатских пустынях и за свои подвиги была награждена Почетным Революционным Красным Знаменем.

«Весь долгий боевой путь славной 28-й стрелковой дивизии в продолжение трех лет пройден ею с неизменной стойкостью, мужеством и самоотвержением, которые не могли сломить ни оружие врагов, ни тяжелые лишения, перенесенные бойцами среди глубоких снегов Урала, в топких долинах Маныча, в горах Кавказа и гнилых малярийных болотах Мугана»,— говорилось в приказе Реввоенсовета Республики от 12 декабря 1921 года в связи с этим награждением.

А Лариса Рейснер писала:

«Это Азин — герой, солдат, пистолет, так воевал, так голыми руками в подкову согнул свою дивизию, таких чудес наделал, и солдат и комиссаров себе воспитал, что и после его смерти 28-я дивизия осталась Азинской».

«...В крупных сражениях за Родину я не мог не вспомнить о легендарном начдиве В. М. Азине,— говорил один из полковых командиров 28-й стрелковой дивизии, ныне Маршал Советского Союза **В. И.** Чуйков,— который для меня на всю жизнь остался примером командира нового, советского склада...»

В дни Великой Отечественной войны 28-я горнострелковая Краснознаменная имени Серго Орджоникидзе дивизия стала гвардейской. А в мае 1970 года от лиепайской базы Океанрыбфлота вышел в свой первый рейс в Юго-Западную Атлантику большой морозильный траулер «Вольдемар Азин».

Примечания

1. Свердлова К. В 1905 году (из воспоминаний). — В кн.: Свердловск. Свердлгиз, 1946, с. 136.

2. Глухих С. Всегда с массами. — «Уральский рабочий», 1941, 16 марта.

3. Свердлова К. В 1905 году (из воспоминаний). — В кн.: Свердловск, с. 136—137.

4. Цит. по кн.: Неверов Л. Исторические памятники и памятные места Свердловска. Свердловское кн. изд-во, 1953, с. 62—64.

5. Свердлова К. В 1905 году (из воспоминаний), с. 139.

6. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 12, с. 3.

7. Неранович Д. На Уральской конференции РСДРП(б). — Газ. «Заря Востока», 1940, 10 сент. Цит. по кн.: Неверов Л. Исторические памятники и памятные места Свердловска, с. 94.

8. Цит. по кн.: Городецкий Е., Шарапов Ю. Свердлов. М.: Молодая гвардия, 1971, с. 148.

9. Никифорова А. Неутомимый революционер. — «Урал», 1960, № 6, с. 75.

10. Свердлова К. Яков Михайлович Свердлов. М.: Молодая гвардия, 1957, с. 331—332.

11. Мальков П. Записки коменданта Московского Кремля. М.: Молодая гвардия, 1961, с. 193—194.

12. Цит. по кн.: Свердлова К. Яков Михайлович Свердлов. М.: Молодая гвардия, 1957, с. 534.

13. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 38, с. 80.

14. Медведев А. По долинам и по взгорьям. Свердловск: Средне-Уральское кн. изд-во, 1964, с. 28—29.

15. Парамонов А. Незабываемое время. — «Уральский рабочий», 1957, 12 марта.

16. «Уральская жизнь», 1917, 1/IV.

17. Письма И. М. Малышева. — «Урал», 1958, № 2, с. 99.

18. Застенографированные воспоминания группы участников

второго похода против Дутова, хранящиеся в партийном архиве Свердловской области. Воспоминания Н. Волова.

19. «Уральский рабочий», 1919, 8 авг.

20. Цит. по сб.: Ленинская гвардия Урала. Свердловск: Средне-Уральское кн. изд-во, 1967, с. 141.

21. Юровская Р. Рождение племени героев.— «Уральский следопыт», 1958, № 7, с. 3—4.

22. Татаринов А. В школьные и студенческие годы.— «Уральский следопыт», 1963, № 12, с. 40.

23. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 332.

24. Цит. по кн.: Мансвет Н. Николай Толмачев. Лениздат, 1960, с. 45.

25. Цит. по кн.: Мансвет Н. Николай Толмачев, с. 83.

26. Авдеев А. Воспоминания.— «Красная новь», 1928, № 5, с. 188.

27. «Известия», 1927, 10 июня.

28. «Огонек», 1927, № 25, с. 1.

29. Рабочая революция на Урале. Екатеринбург: Уралгосиздат, 1921, с. 162—163.

30. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 313.

31. Екатеринбург за двести лет (1723—1923). Екатеринбург: издание юбилейной комиссии, 1923, с. 5.

32. Рейснер Л. Избранные произведения. М., Художественная литература, 1958, с. 88—89.

33. Бойкова-Маринина А. В. М. Азин.—Сб. На Южном Урале. М.: Военное издательство Министерства обороны Союза ССР, 1958, с. 296.

34. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 50, с. 20.

35. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 55, с. 377.

36. «Правда», 1956, 30 ноября.

Содержание

Захаров С. А.
З-38 Герои Октября. Свердловск, Средне-Уральское кн. изд-во, 1981.— 144 с., 8 с. вкл.

Книга о героях революции и гражданской войны, чья деятельность связана с Уралом.

З $\frac{70803-047}{М158(03)-81}$ 4802010000 ЗКП1(092)

ИБ № 917

Стефан Антонович Захаров

ГЕРОИ ОКТЯБРЯ

Редактор Л. Г. Золотарева
Художник С. В. Вохмин
Художественный редактор В. С. Солдатов
Технический редактор Л. М. Голобокова
Корректоры А. Г. Богородская, И. П. Кирсанова

Сдано в набор 15.12.80. Подписано в печать 27.05.81. НС 11106. Формат бумаги $70 \times 108^{1}/_{32}$. Типографская № 2. Литературная гарнитура. Высокая печать. Усл. печ. л. 6,7. Уч.-изд. л. 7,4. Тираж 20 000. Заказ 652. Цена 30 коп.
Средне-Уральское книжное издательство, 620219, Свердловск, ГСП-351, Малышева, 24. Типография изд-ва «Уральский рабочий», 620151, Свердловск, пр. Ленина, 49.
Обложка отпечатана в производственном объединении «Полиграфист», Свердловск, Тургенева, 20.

СПЕЦIАЛЬНОСТЬ

30 коп.

Герои Октября

Свердлов, Малышев, Вайнер, Толмачев, Хохряков, Войков, Морозов, Азин — герои революции и гражданской войны.

Люди, чьи имена овеяны мужеством и романтикой. Убежденные, страстные, беззаветно преданные революции. Молодые, как молодо само дело, за которое они отдавали свои жизни.

Эта книга рассказывает лишь о некоторых эпизодах из жизни этих пламенных борцов, чья деятельность была связана с Уралом.

Свердловск
Средне-Уральское книжное издательство
1981

С. Захаров
ГЕРОИ ОКТЯБРЯ